

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III

ГОДЪ ТРЕТІЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.

1893.

Печатано съ разрѣшеніа Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Этнографическія наблюденія въ Абхазіи.

(Докладъ, читанный въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 22 декабря 1892 года).

Мм. Гг.!

Путешествуя въ теченіе 5 лѣтъ по Абхазіи, я имѣлъ возможность болѣе или менѣе коротко познакомиться съ населеніемъ страны—съ его домашнимъ и общественнымъ бытомъ, съ его характеромъ, религіозными воззрѣніями, кое-какими преданіями и проч. При всякомъ удобномъ случаѣ я старался заносить свои наблюденія въ записную книжку. Я долженъ однако сказать, что наблюденія эти велись безъ всякой опредѣленной системы: цѣль моихъ путешествій была совершенно иная—ботаническія изслѣдованія страны,—и я записывалъ лишь то, что приходилось случайно увидѣть или услышать во время моихъ кратковременныхъ остановокъ въ абхазскихъ аулахъ. Тѣмъ не менѣе, изъ этихъ отрывочныхъ наблюденій составилось извѣстное количество матеріала, который, быть можетъ, представитъ нѣкоторое значеніе для лицъ, интересующихся этнографіей Кавказа. Впрочемъ, я не осмѣлился бы рекомендовать мои скромныя наблюденія Вашему просвѣщенному вниманію, если бы не побуждали меня къ этому слѣдующія соображенія: во-первыхъ, крайняя сбивчивость литературныхъ свѣдѣній объ образцахъ, и во-вторыхъ, быстрая утрата этимъ народомъ своей племенной самобытности, заставляющая опасаться, что въ скоромъ времени могутъ исчезнуть многіе распространенные теперь обычаи, и что такимъ образомъ будущій этнографъ при своемъ стремленіи возстановить старинный бытъ страны можетъ встрѣтить величайшія затрудненія. Остановимся нѣсколько подробнѣе на первомъ изъ этихъ соображеній. Что касается литературы объ Абхазіи, мы должны сказать, что едва-ли о какомъ-нибудь другомъ горскомъ племени Кавказа писали такъ много, какъ объ Аб-

хазцахъ. Но, если перечестъ всю эту грудю печатнаго матерьяла, разбросаннаго въ повременныхъ кавказскихъ изданіяхъ за 1860 и 1870 годы, — въ нашихъ представленіяхъ объ образцахъ неминуемо долженъ получиться необыкновенный сумбуръ: такъ сбивчивы, неясны, а часто и прямо противорѣчивы сообщаемыя о нихъ разными авторами свѣдѣнія. Мы не станемъ упрекать за это лицъ, собиравшихъ эти свѣдѣнія. Не слѣдуетъ забывать, что эти лица жили и дѣйствовали въ то время, когда мы еще далеко не могли назвать себя хозяевами положенія въ Абхазіи, и, вслѣдствіе этого, собраніе свѣдѣній въ странѣ было сопряжено съ величайшими затрудненіями и даже нерѣдко съ опасностью для жизни собирателя. Тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ среди литературы объ Абхазіи много весьма цѣнныхъ статей, которыя должны послужить основой для будущихъ этнографическихъ изслѣдованій Абхазіи. Изъ этихъ статей на первомъ планѣ должны быть поставлены просто, но правдиво и толково написанные «Очерки Абхазской Миеологіи» Соломона Званбайя, дающіе намъ превосходное понятіе о религіозныхъ вѣрованіяхъ Абхазцевъ, а также цѣлый рядъ статей, помѣщенныхъ въ «Сборникъ свѣдѣній о Кавказскихъ Горцахъ» за 1870 и 1871 гг. и принадлежащихъ перу частію бывшаго начальника Сухумскаго Округа г. Введенскаго ¹⁾, частію ген. Краевича ²⁾, частію неизвѣстнаго мнѣ автора, скрывшагося за 3 звѣздочки ³⁾, которыя обстоятельно знакомятъ насъ съ религіознымъ состояніемъ Абхазцевъ, а также отчасти съ ихъ соціальнымъ бытомъ, именно: съ раздѣленіемъ на сословія, съ нѣкоторыми основаніями обычнаго права, со взглядами на бракъ. Укажемъ затѣмъ на статью г. Люлье въ Запискахъ Кавказ. Отдѣла Русск. Географ. Общества за 1857 г. ⁴⁾, точно устанавливающую границы абхазскаго племени на Кавказѣ и связь его съ другими кавказскими народностями. Отрывочныя, но чрезвычайно правдивыя и притомъ художественно изложенныя свѣдѣнія объ Абхазіи находятся въ извѣстныхъ «Воспоминаніяхъ кавказскаго офицера фонъ-Торнау ⁵⁾. Статьи гг. Залодскаго и Аверкіева, помѣщенные въ газетѣ «Кавказъ» за 1860 годы, незначительны и по сравненію

¹⁾ Религіозныя вѣрованія абхазцевъ, А—а (Введенскаго). Сб. Св. о Кавк. Горц. вып. V.

²⁾ Освобожденіе зависящихъ сословій въ Сухумскомъ Отдѣлѣ (Абхазіи и Самуразакани). Сб. Св. о Кавк. Горц. вып. V.

Очеркъ устройства общественно-политическаго быта Абхазіи и Самуразакани. Сб. Св. о Кавк. Горц. вып. III.

³⁾ Абхазцы (Азого),—по поводу сочиненія Дубровина: «Очеркъ Кавказа и народовъ, его населяющихъ». Сб. Св. о Кавк. Горц. вып. VI.

Нѣсколько словъ о примѣненіи народныхъ обычаевъ къ судопроизводству Абхазіи. Сбор. Свѣд. о Кавк. Горц. вып. IV.

⁴⁾ Общій взглядъ на страны, граничащія съ черкесами, абхазцами и другими народами. Зап. Кавк. Отд. Рус. Геогр. Общ. кн. 4, 1857 г.

⁵⁾ Приложеніе къ «Русск. Вѣстн.», 1864 г.

съ вышеупомянутыми статьями не представляют ничего новаго. Къ статьямъ гг. Мачварьяни и Чернявскаго слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью, такъ какъ эти господа собираютъ свѣдѣнія не на мѣстѣ, а изъ десятихъ устъ. Абсолютно—невѣрныя, искажающія истинное положеніе вещей свѣдѣнія (которыя, къ сожалѣнію, нашли себѣ мѣсто въ почтенномъ трудѣ Дубровина «Исторія Кавказской войны»), находятся въ запискахъ Гавріила, еп. Имеретинскаго ¹⁾ и въ полубеллетристическихъ очеркахъ писателя 50 годовъ Савинова (см. его «Достовѣрные рассказы объ Абхазіи», «Два года въ плѣну у горцевъ» и проч.). Вотъ вся главнѣйшая этнографическая литература объ Абхазіи. Если прибавить еще къ этому старинныя сочиненія Dubois de Montpreux, Клапрота и Гастгаузена—мы перечислимъ все, что писалось заслуживающаго вниманія объ Абхазіи. (Мы не говоримъ о многочисленныхъ статейкахъ, принадлежащихъ перу болѣе мелкихъ авторовъ, которыя разбросаны въ газ. «Кавказъ» за 1850—1870 гг.: сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія настолько скудны и такъ противорѣчивы, что о нихъ не стоитъ совершенно упоминать. Равнымъ образомъ, мы проходимъ молчаніемъ книжку, изданную братіей Ново-Афонскаго монастыря (близъ Сухума) подъ громкимъ заглавіемъ: «Описаніе Абхазіи»; это произведеніе, принадлежащее перу какого-нибудь доморощеннаго монастырскаго писака, наполнено частію заимствованіями изъ другихъ авторовъ, частію собственными измышленіями, завѣдомо искажающими истину).

Какъ видно изъ этого краткаго очерка, литература объ Абхазіи не отличается особенною полнотою. Не говоря уже о томъ, что въ ней совершенно отсутствуютъ археологическія свѣдѣнія (если не считать сочиненій Dubois de Montpreux, Кондакова, Нордманна и друг., трактующихъ исключительно о древнихъ памятникахъ христіанской культуры) и не сообщается ничего о преданіяхъ народа,—и по другимъ отдѣламъ сообщаемыя въ ней свѣдѣнія частію неполны, частію сбивчивы. Вслѣдствіе этого, смѣю думать, что мои наблюденія оказались бы не лишними, дополнивъ собою нѣкоторые изъ существующихъ въ литературѣ объ Абхазіи пробѣловъ.

Первоначальной моею мыслью было сообщить вамъ, Мм. Гг., мои наблюденія въ томъ самомъ отрывочномъ видѣ, какъ они собирались и записывались. Но послѣ я рѣшилъ, что сообщеніе мое значительно выиграло бы въ интересности, если бы я, дополнивъ свои наблюденія нѣкоторыми свѣдѣніями, помѣщенными въ наиболѣе солидныхъ изъ вышеупомянутыхъ статей, представилъ бы вамъ болѣе или менѣе связанный очеркъ современной Абхазіи. Такимъ образомъ въ мое сообщеніе, кромѣ моихъ личныхъ наблюденій, войдутъ

¹⁾ Обзорніе абхазскихъ приходовъ («Кавказъ» 1870 г., №№ 42, 43, 44).

еще (съ надлежащими каждый разъ о томъ оговорками) и свѣдѣнія, почерпнутыя мной изъ литературы (именно—изъ статей Званбойя, Введенскаго и анонимнаго автора, скрывшагося за 3 звѣздочки).

Приступая теперь къ предмету своего сообщенія, я считалъ бы не лишнимъ ознакомить васъ прежде всего съ страной, о которой идетъ рѣчь въ моемъ сообщеніи.

Подъ именемъ Абхазіи извѣстна страна, лежащая на Восточномъ берегу Чернаго моря, приблизительно между $43^{\circ} 20'$ и $42^{\circ} 20'$ с. ш. На сѣверѣ она граничитъ съ Черноморскимъ округомъ, отъ котораго отдѣляется Гагринскимъ вряжемъ; на югѣ, по р. Ингуру, проходитъ граница ея съ Мингрелией. На СВ. Главный Кавказскій хребетъ составляетъ естественную ея границу съ Кубанской областью, а на югѣ и юго-востокѣ высокій контрфорсъ Главнаго Хребта, на 5 верстной картѣ носящій названіе хребта Дусодисвианъ, а у туземцевъ извѣстный подъ названіемъ Арюмъе, отдѣляетъ ее отъ Сванетіи. Въ общемъ, страна имѣетъ протяженія съ СЗ. на ЮВ. до 180 верстъ. Устройство поверхности ея въ разныхъ мѣстахъ различное. Но вообще можно сказать, что это преимущественно горная страна, какъ это отлично можно видѣть на рельефной картѣ. Горы Абхазіи не высоки; самыя высокія изъ нихъ едва достигаютъ 12500—13000 ф. (Псышь, Капышистра и Харюхра); но зато онѣ отличаются необыкновенно трудной доступностью и полнымъ бездорожьемъ въ нихъ. Последнее замѣчаніе имѣетъ силу въ особенности по отношенію къ прибрежнымъ известковымъ горамъ, состояніе дорогъ на которыхъ превосходитъ всякое описаніе. Абхазскія горы пересѣчены множествомъ поперечныхъ ущелій, поразительныхъ по своей неприступности и дикости, по которымъ мчатся бурливыя горныя рѣчки, берущія свое начало въ ледникахъ Главнаго Кавказскаго хребта или въ залежахъ вѣчнаго снѣга въ глубокихъ ущельяхъ второстепенныхъ вряжей. Наиболѣе значительныя изъ этихъ рѣчекъ слѣдующія: Бзыбъ, Гумиста, Келассуръ, Кодоръ, Гализча. Большинство рѣкъ, мы сказали, все время текутъ въ узкихъ и дикихъ ущельяхъ; но нѣкоторыя изъ нихъ какъ Бзыбъ и Кодоръ, въ среднемъ теченіи своемъ протекаютъ по болѣе или менѣе широкимъ долинамъ, вполне пригоднымъ для человѣческихъ поселеній, которыя тамъ нѣкогда и существовали. Въ сѣверной части страны отъ р. Бзыби до Псыртехы, горы отстоятъ отъ моря приблизительно верстъ на 20, и между ними и морскимъ берегомъ остается болѣе или менѣе ровное пространство, носящее характеръ то низменности, то слегка возвышенной равнины, по которой волнами пробѣгаютъ, въ перпендикулярномъ къ морю направленіи, волнообразныя гряды не высокихъ холмовъ, отдѣляющіяся другъ отъ друга неглубокими долинами рѣчекъ Аиста, Хююста, Мычишь и проч. Эту узкую береговую часть страны мы называемъ культурной полосой, потому что только здѣсь въ на-

стоящее время сосредоточены абхазскія поселенія.—Начиная отъ Псыртсхи и далѣе къ Сухуму и р. Кодору высокія предгорья подходятъ почти къ самому берегу моря, и культурная полоса, вслѣдствіе этого, чрезвычайно суживается, доходя мѣстами всего до 3—5 верстѣ. За Кодоромъ горы опять отступаютъ отъ морскаго берега, и культурная полоса снова расширяется, доходя въ Абживской части Абхазіи верстѣ до 25. Чѣмъ дальше мы подвигаемся къ югу, тѣмъ все далѣе и далѣе отступаютъ отъ морскаго берега горы. Въмѣстѣ съ тѣмъ, культурная полоса все болѣе и болѣе расширяется, приобрѣтая характеръ настоящей низменности, незамѣтно переходящей за р. Ингуромъ въ широкую Мингредскую низменность. Въ Самуракани (такъ называется самая южная часть Абхазіи), эта низменность мѣстами имѣетъ ширины верстѣ до 40 и даже нѣсколько болѣе.

Охарактеризовавъ устройство поверхности страны, скажемъ теперь нѣсколько словъ о ея климатѣ и естественныхъ произведеніяхъ. Защищенная отъ вліянія холодныхъ СВ. вѣтровъ высокою стѣною главнаго Кавказскаго хребта, который достигаетъ здѣсь 9500 футъ средней высоты, и открытая въ это же время вліянію теплыхъ и влажныхъ ЮЗ. вѣтровъ, дующихъ съ моря, Абхазія наслаждается чрезвычайно мягкимъ и ровнымъ климатомъ. Снѣгу въ странѣ выпадаетъ очень немного, и то ближе въ горахъ, въ частяхъ страны, удаленныхъ отъ берега моря; морозовъ ниже 7°—8° Ц. не бываетъ. Весна начинается здѣсь собственно въ мартѣ мѣсяцѣ; но уже въ февралѣ и даже въ январѣ мѣсяцѣ разцвѣтаютъ розы, фіалки, цыкламены; а конецъ марта и начало апрѣля представляютъ здѣсь настоящій разгаръ весны: въ это время лѣса бываютъ давно уже одѣты зеленью, и всюду цвѣтутъ благовоинныя ацалеи и каприфоль, красуются пышные рододендроны и подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ ютятся тысячи яркихъ орхидей, бурачникковыхъ и мотыльковыхъ растений. Зима начинается здѣсь только въ декабрѣ мѣсяцѣ, и по своему характеру мало чѣмъ отличается отъ нашей южной осени. Нѣкоторыя мѣстности, какъ Псыртсха и Сухумъ-Кале, будучи защищены отъ холоднаго дыханія снѣжныхъ высотъ Главнаго Кавказскаго хребта цѣлымъ рядомъ второстепенныхъ кряжей, находятся въ еще болѣе благоприятныхъ условіяхъ климата, чѣмъ остальные части страны: средняя годовая температура доходитъ здѣсь до 15° Ц., снѣгу почти совсѣмъ не выпадаетъ, термометръ рѣдко когда понижается ниже 1°—2° Ц., — и здѣсь на открытомъ воздухѣ могутъ зимовать не только вѣчнозеленныя растенія средиземно-морской флоры, какъ мирты, олеандры, лавры, апельсинны, лимоны, но даже и настоящія тропическія растенія, какъ пальма, бананы, бромелліи.—При такомъ тепломъ и влажномъ климатѣ, естественно, сила растительности въ Абхазіи поразительна. Роскошные дѣвственные лѣса, состоя-

ціе изъ смѣся лиственныхъ, вѣчнозеленыхъ и хвойныхъ породъ, покрываютъ всю страну, начиная отъ берега моря до значительныхъ высотъ, тысячь до 7 футъ надъ уровнемъ моря, гдѣ они уступаютъ мѣсто привольнымъ нагорнымъ пастбищамъ, покрытымъ пышною, сочною травою и горящимъ милліонами яркихъ цвѣтовъ. Человѣку приходится здѣсь вести упорную борьбу съ лѣсомъ, который быстро зарастаетъ всѣмъ брошеннымъ культурой земли. Абхазскіе лѣса заключаютъ въ себѣ много весьма цѣнныхъ породъ. Не говоря уже о почти неисчислимомъ запасѣ превосходнаго строеваго лѣса, состоящаго изъ каштана, дуба, клена, липы, пихты и пр., Абхазія изобилуетъ такими драгоценными породами, какъ негной-дерево (*Taxus baccata*), грецкій орѣхъ (*Juglans regia*) и самшитъ, или кавказская пальма (*Buxus sempervirens*). Что касается культурныхъ растеній, то въ странѣ сѣютъ въ большомъ количествѣ кукурузу и кавказское пшено (*Panicum italicum*), въ незначительномъ количествѣ—табакъ и хлопчатникъ и очень рѣдко—пшеницу и ячмень. Изъ огородныхъ растеній разводятъ особый сортъ вьющихся огурцовъ, фасоль, арбузы, тыквы, дыни. Фруктовыхъ садовъ въ Абхазіи масса. Вся береговая Абхазія представляетъ собою какъ бы одинъ сплошной садъ. Тоже можно сказать и о Цебельдѣ и о верхнихъ долинахъ рр. Бзыби и Кодора. Обычныя разводимыя въ садахъ породы грушъ, сливъ, яблокъ, черешни, персиковъ и абрикосовъ не отличаются особенными достоинствами. Хурма (*Diospyros Lotus*), инжиръ (*Ficus Carica*) и гранатникъ (*Punica Granatum*) растутъ въ странѣ первыя два дерева совершенно, а послѣднее—почти дико. Винограду въ странѣ разводится до 3 десятковъ разныхъ сортовъ. Нѣкоторые изъ нихъ обладаютъ высокими достоинствами и даютъ превосходныя крѣпкія вина съ сильнымъ bouquetомъ, въ особенности 2 бѣлыхъ сорта, извѣстные подъ мѣстными названіями амлаху и авасырхвашъ, и 2 красныхъ сорта—качича и апапнышъ, изъ которыхъ получаютъ бѣлыя и красныя вина тѣхъ же наименованій.—Непроходимыя дебри абхазскихъ лѣсовъ, понятно, изобилуютъ всякаго рода звѣремъ и дичью. Кромѣ бездны разнаго хищнаго звѣря—волковъ, лисицъ, шакаловъ, выдръ, куницъ, кабановъ, медвѣдей и проч.,—въ лѣсахъ водятся во множествѣ дикія козы, фазаны, горныя индѣйки, а мѣстами (въ дикихъ и недоступныхъ ущельяхъ р. Бзыби и ея притоковъ)—олени. По нагорнымъ пастбищамъ и по скаламъ, вѣнчающимъ горныя вершины, бродятъ цѣлыми стадами сѣрны и туры. Мириады дикихъ пчелъ гнѣздятся по лѣсамъ и на горахъ по скаламъ Абхазіи. Онѣ производятъ необыкновенно сладкій и ароматный мѣдъ, которымъ Абхазія славилась изстари и который составлялъ нѣкогда въ странѣ, вмѣстѣ съ виномъ, предметъ обширнаго вывоза.

Вотъ, Мм. Гг., краткая характеристика физико-географическаго и есте-

ственно-историческаго состоянія страны, о которой идетъ рѣчь въ моемъ сообщеніи. Перехожу теперь къ непосредственной темѣ моего сообщенія.

Абхазія въ настоящее время, въ административномъ отношеніи образуетъ Сухумскій округъ, составляющійся изъ слѣдующихъ административныхъ участковъ (прежде—отдѣльныхъ округовъ): Гудаутскаго, Гумистинскаго, Кодорскаго и Самурзаканскаго. Гудаутскій участокъ есть самый сѣверный; онъ обнимаетъ всю такъ называемую Бзыбскую Абхазію, отъ Гагръ до Псыртси. Населенъ онъ почти исключительно образцами, числомъ до 15,000 душъ обоюго пола. Административный его центръ—м. Гудауты на берегу моря. Гумистинскій участокъ составляетъ центральную часть Абхазіи съ г. Сухумъ-Кале. Онъ простирается отъ Псыртси до р. Кодора. Абхазскаго населенія въ этомъ участкѣ почти нѣтъ (есть всего 2—3 маленькія деревни), а заселенъ онъ преимущественно выходцами изъ разныхъ странъ, главнымъ образомъ—мингрельцами, трапезондскими греками, турсуками армянами, нѣмцами, русскими, востонцами. Населеніе его официально исчисляется въ 5.818 душъ обоюго пола. Кодорскій участокъ, иначе Абжуа, тянется отъ р. Кодора до р. Гализги. Населеніе его—чисто абхазское, простирающееся до 15,820 душъ о. п. Административнымъ центромъ этого участка является приморское мѣстечко Очемчиры. Наконецъ, Самурзаканскій участокъ идетъ отъ р. Гализги до р. Ингура, т. е. до границъ Мингреліи. Это самый большой изъ всѣхъ 4-хъ участковъ. Населеніе его официально показывается въ 30.529 человекъ. Населенъ этотъ участокъ Самурзаканцами—племенемъ абхазскаго происхожденія съ значительной примѣсью мингрельскаго элемента. Центромъ его управленія служитъ м. Окумъ, находящееся въ самой серединѣ Самурзакани ¹⁾.—Населеніе Абхазіи сосредоточивается въ настоящее время исключительно въ береговой полосѣ страны, которую мы и называемъ поэтому культурной полосой. Но прежде, лѣтъ 30 назадъ, поселенія существовали всюду въ горахъ. Наибольше значительными изъ нихъ были поселенія Псхувцевъ въ долинѣ р. Бзыби и Цебельдинцевъ и Дольцевъ въ долинѣ р. Кодора. Послѣ окончательнаго покоренія Кавказа, около 1864 года, населеніе этихъ долинъ все цѣлкомъ эмигрировало въ Турцію, и мѣста ихъ бывшихъ ауловъ въ настоящее время совершенно пусты (исключая Цебельды, которая теперь быстро заселяется разными пришельцами, преимущественно греками и армянами).

Коренное населеніе Абхазіи, по изслѣдованіямъ бар. Услара, Загурскаго Люлье и др., принадлежитъ къ совершенно самостоятельному племени, стоящему особнякомъ среди другихъ племенъ Кавказа. Это племя грузины сзѣдана называли а б х а з и, откуда и произошло наше русское названіе страны;

¹⁾ Свѣдѣнія о народонаселеніи почерпнуты нами изъ Кавк. календаря за 1892 г

а у черкесовъ оно слыло подъ названіемъ абадза, или азега. Сами себя абхазцы называютъ апсуа, а страну свою апснэ; условнымъ откликомъ ихъ при встрѣчѣ съ другими горцами служитъ слово ахчипсѣ. Абхазцы имѣютъ очень мало общаго, какъ въ языкѣ, такъ и въ религіи съ своими бывшими сосѣдями—Черноморскими и Кубанскими черкесами группы адыге, т. е. съ Натухайцами, Шапсугами, Кабардинцами, Абазехами. Названіе послѣднихъ еще не должно подавать поводъ предполагать родственную связь ихъ съ Абхазцами, такъ какъ оно на языкѣ адыге означаетъ только: живущій ниже Абхазцевъ (Люлье). Что касается Убыховъ, жившихъ по сосѣдству съ Абхазцами, около Сочи и Варданэ, то, если можно полагаться на слова турецкаго путешественника XVII в. Эвлия Эффенди, они были абхазскаго племени и говорили по абхазски¹⁾; по утверженію же Люлье, Убыхи говорили совершенно особымъ языкомъ не имѣвшимъ сходства ни съ абхазскимъ, ни съ черкесскимъ. Впрочемъ, объ Убыхахъ мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній, такъ какъ они тотчасъ же послѣ покоренія Кавказа всѣ до послѣдняго человѣка эмигрировали въ Турцію, а раньше мы не имѣли съ ними никакихъ сношеній, откуда могли бы почерпнуть о нихъ тѣ или другія свѣдѣнія. Другіе ближайшіе сосѣди Абхазцевъ—Джигеты (иначе: Садзенъ, Садзы или Саджуа—какъ ихъ называли Абхазцы), которые жили по берегу моря у Гагръ и Адлера—народъ несомнѣнно абхазскаго происхожденія (Люлье). Послѣ Кавказской войны Джигеты также всѣ выселились въ Турцію. Къ абхазскому же племени принадлежали такъ наз. Медовѣвцы, или Медоюи, подраздѣлявшіеся на отрасли: Псхѣ, Ачхипсѣ и Аибга, занимавшія верхнія долины рр. Бзыби, Мзымты и Псоу; затѣмъ—Цебельдинцы, или Цамбалъ, занимавшіе среднее и верхнее теченіе р. Кодора, а также рядъ народцевъ, жившихъ по ту сторону Главнаго Кавказскаго хребта въ Кубанской области—на верховьяхъ рр. Большой и Малой Лобы, Урупа, Зеленчука и Кубани,—это общества: Багъ, Барокой, Шегерой, Тамъ, Кизилбекъ, Башилбай, Басъхогъ и др. Всѣ эти народы, послѣ окончательнаго замиренія Кавказа, выселились въ Турцію, за исключеніемъ небольшихъ обществъ на верховьяхъ рѣкъ Зеленчука и Кубани, которыя существуютъ тамъ и понынѣ.

Въ настоящее время, какъ мы уже упоминали выше, коренное абхазское населеніе занимаетъ лишь слѣдующія мѣстности Абхазіи: Гудаутскій участокъ,—здѣсь ихъ до 15,000 душъ, Кодорскій участокъ—до 16,000 душъ и 2—3 незначительныхъ деревни Гумистинскаго участка. Такимъ образомъ, общее число абхазскаго населенія достигаетъ теперь едва 32 тысячъ человѣкъ: это

¹⁾ „Кавказъ“ 1870 г. №№ 64, 65, 68.

всё, что осталось отъ прежняго населенія Абхазіи, исчислявшася въ 30-хъ годахъ въ 50 слишкомъ тысячъ, а въ 60-хъ въ 70 слишкомъ тысячъ.— Жители Гудаутскаго участка, или Бзыбской Абхазіи значительно рознятся по языку отъ жителей Кодорскаго участка, или Абживской Абхазіи. У первыхъ въ языкѣ вошло очень много черкесскихъ словъ, заимствованныхъ ими отъ своихъ сосѣдей—Черноморскихъ Черкесовъ; у вторыхъ вслѣдствіе близкаго сосѣдства съ Самурзаканью и Мингреліей, языкъ заимствовалъ много мингрельскихъ словъ. Кромѣ того, въ языкѣ тѣхъ и другихъ существуетъ разница и въ самыхъ звукахъ. Вообще, по словамъ знатоковъ абхазскаго языка, нарѣчіе Бзыбское и Кодорское различаются между собою почти въ такой же степени, какъ великорусское нарѣчіе отъ малороссійскаго. Кромѣ различія въ языкѣ, между населеніемъ Бзыбской и Абживской Абхазіи существуетъ нѣкоторая разница и въ обычаяхъ (о нихъ будетъ рѣчь ниже). Что же касается Самурзаканцевъ, то о происхожденіи ихъ существуютъ два взаимно противоположныхъ мнѣнія. Одни утверждаютъ, что Самурзаканцы представляютъ пеструю смѣсь разныхъ народностей абхазцевъ, мингрельцевъ, имеретинъ, гурійцевъ, грузинъ, разновременно сюда переселившихся, основывая свое мнѣніе на языкѣ Самурзаканцевъ представляющемъ особое нарѣчіе мингрельскаго языка. Другіе же считаютъ ихъ народомъ абхазскаго происхожденія, въ который лишь впоследствии, всего лѣтъ 200 назадъ, благодаря долговременному политическому вліянію на Самурзакань Мингреліи, вошелъ элементъ мингрельскій. Въ подтвержденіе своей мысли, они указываютъ между прочимъ на тотъ фактъ, что самыя распространенныя въ Самурзакани фамиліи—Зухбайя, Анчибайя, Акыртава, суть коренныя абхазскія, только видоизмѣненныя на мингрельскій образецъ—Зухба, Ачиба, Акыртаа. Мы лично относительно національности Самурзаканцевъ могли выяснитъ на мѣстѣ слѣдующее: Во 1) многія изъ самурзаканскихъ фамилій, дѣйствительно, настоящія абхазскія и даже считаются въ родствѣ съ таковыми же фамиліями Бзыбской Абхазіи. Въ 2) господствующій типъ населенія въ СЗ. части страны, на границѣ съ Абжуа, чисто абхазскій, въ ЮВ. части страны—чисто мингрельскій. Посрединѣ, около м. Окумъ, преобладаетъ типъ смѣшанный. Точно также варьируетъ и языкъ. Въ СЗ. части страны говорятъ почти чистымъ абхазскимъ языкомъ лишь съ самой незначительной примѣсью мингрельскихъ словъ; въ центрѣ Самурзакани, около Окума, говорятъ больше по мингрельски, хотя встрѣчаются и знающіе абхазскій языкъ. Наконецъ на ЮВ. отъ Окума, въ общинахъ Соберин, Дихазурга, Чубурискинджи и др., исключительно—господствующимъ языкомъ является мингрельскій, хотя старики рассказывали мнѣ, что въ старину здѣсь говорили больше по абхазски. Въ 3) названія горъ и рѣчекъ—почти исключительно абхазскія. Въ 4) часть религиозныхъ обрядовъ—несомнѣнно абхазскаго происхожденія, тогда какъ другіе мингрельскіе, а мо-

жетъ быть, создались даже на мѣстѣ; нѣкоторыя молитвы читаются только по абхазски. Въ 5) народныя пѣсни—мингрельскія. Въ 6) господствующіе обычаи, и на первомъ планѣ обычай гостепрѣимства—строго-абхазскіе. Сами Самурзаканцы не причисляютъ себя ни къ абхазцамъ, ни къ мингрельцамъ, но съ гордостью навываютъ себя особымъ племенемъ—Самурзакань. Самое названіе Самурзакань происходитъ отъ слова Мурзакань и означаетъ: владѣніе Муракане. Такое названіе она получила въ началѣ прошлаго столѣтія отъ правителя ея Мурзакана Шервашидзе, при которомъ она отдѣлилась отъ Абхазіи и стала самостоятельной страной. Такимъ образомъ, большинство данныхъ говорятъ за то, что Самурзаканцы скорѣе происхожденія абхазскаго, и что мингрельскій элементъ явился сюда лишь въ сравнительно недавнее время.

Попробуемъ теперь охарактеризовать вкратцѣ внѣшній типъ Абхазцевъ. Всѣ Абхазцы вообще отличаются высокимъ ростомъ и хорошимъ сложеніемъ. Черты лица—крайне характерныя, сразу отличающія ихъ отъ другихъ племенъ. Въ особенности характеренъ абхазскій кривоватый носъ и черныя глаза, смотрящіе изъ-подъ нависшихъ бровей дико и вмѣстѣ съ тѣмъ наивно. Почти всѣ абхазцы—крайніе брюнеты. Blondины съ голубыми глазами и свѣтлыми волосами попадаются какъ рѣдкое исключеніе. Курьезно, что изрѣдка попадаются лица съ огненно-рыжими волосами и еврейскимъ типомъ лица. Не остатки-ли это той самой народности, о которой говорится въ легендѣ о богатырѣ Брискиліа (или: Абрсклѣ), поставившемъ цѣлью своей жизни истреблять людей съ рыжими волосами и голубыми глазами (за то, что они могутъ сглазить)?¹⁾ Обыкновенно всѣ—и молодые и взрослые люди бреютъ на головѣ волосы наголо, и оставляютъ только усы и бороду. Старики, въ особенности въ Самурбакани, имѣютъ очень почтенный видъ, напоминая изображенія древнихъ патріарховъ и апостоловъ. Въ Ю. В. части Самурзакани, какъ мы уже говорили, мужчины имѣютъ чисто мингрельскій типъ, т. е. черты лица болѣе тонкія и мелкія, выраженіе глазъ—болѣе мягкое.—Абхазскія дѣвушки въ общемъ очень милыя, хотя имѣютъ очень крупныя черты лица, въ особенности чрезмѣрно длинный носъ. У нихъ чрезвычайно хороши большіе черныя глаза, красиво вычерченныя брови и очень тонкій и стройный станъ. Красавицъ среди нихъ попадаетъ очень мало. Большая часть красивыхъ типовъ давно была вывезена на продажу въ Турцію. Но и теперь еще въ нѣкоторыхъ наиболѣе глухихъ аулахъ—въ Отхарахъ Калдахварахъ, Бабурхвѣ, попадаются настоящія горскія красавицы,—вродѣ тѣхъ, о которыхъ въ старину шла такая громкая слава,—съ пышными волосами, съ необыкно-

¹⁾ См. эту легенду въ „Сборникѣ Матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ за 1892 г. (вып. XIII, отд. II).

венной бѣлизной и тонкостью кожи, съ великолѣпными черными глазами, томно глядящими изъ-подъ длинныхъ опущенныхъ рѣсницъ, стройныя до очарованія. Замужнія женщины вообще быстро теряютъ свою красоту и абхазскія старухи сплошь и рядомъ представляютъ собой воплощенное безобразіе. Типъ женщинъ въ Ю. В. части Самурзакани значительно рознится отъ абхазскаго. Кромѣ того, въ Самурзакани можно встрѣтить женщинъ съ совершенно мингрельскимъ типомъ лица.

Одѣваются какъ мужчины, такъ и женщины вообще очень просто. Здѣсь нѣтъ того стремленія къ щегольству въ одеждѣ, которое замѣтно у мингрельцевъ, имеретинъ и гурійцевъ. Мужчины носятъ обыкновенно короткую получеркесску изъ грубаго сѣраго сукна мѣстнаго изготвленія, надѣвающуюся сверхъ ситцеваго бешмета, узкіе въ обтяжку штаны и самодѣльные башмаки, или, вѣрнѣе, сандалии изъ необдѣланной телячьей кожи, такъ называемые «а ж ѳ ю э й м а», замѣчательныя въ томъ отношеніи, что прежде чѣмъ ихъ можно надѣть, нужно ихъ долго размачивать. Необходимой принадлежностью костюма служатъ башлыкъ, который носятъ, то распуская концы его по плечамъ, то завязывая ихъ на головѣ на подобіе чалмы, по гурійски. Въ старину, еще не такъ давно (всего 30 лѣтъ назадъ), всѣ носили на головѣ высокія остроконечныя папахи ихъ бурки; но теперь это вышло изъ моды, и всѣ носятъ мѣховыя шапочки мингрельскаго или кабардинскаго образца. За кожанымъ поясомъ съ нащѣтками изъ серебра обыкновенно носятъ массу разнаго оружія и всегда по крайней мѣрѣ кинжалъ, съ которымъ никогда не расстаются.— Обычная одежда женщинъ состоитъ изъ длиннаго бешмета, такъ наз. «каба», поверхъ котораго носятъ нѣчто въ родѣ безрукавки, или жилетки обыкновенно пестраго и вообще отличнаго отъ каба цвѣта—то, что у турокъ называется «кантаръ», а по-абхазски «э й л а г ѳ». Въ старину женская каба, вмѣсто пуговиць или крючковъ, застегивалась красивыми серебряными застѣжками, т. е. чапразомъ. Шальвары (очень узкіе) составляютъ, разумѣется, необходимую принадлежность женскаго костюма. Обувью женщинъ служатъ обыкновенныя кавказскія сафьянныя чавяки, или туфли. Въ старину, говорятъ, абхазки были сами великія мастерицы изготовлять красивый сафьянъ для обуви. Но теперь это искусство, кажется, совсѣмъ позабыто или существуетъ лишь въ нѣсколькихъ глухихъ аулахъ. Существуетъ очень распространенное мнѣніе, будто черепеноекъ и въ томъ числѣ абхазокъ, еще съ дѣтства зашивають въ длинный корсетъ, отъ котораго онѣ будто-бы освобождаются только по выходѣ замужъ. Мнѣніе это не вполне основательно. Можетъ быть, у черкесовъ и существуетъ подобный обычай. Я, по крайней мѣрѣ, слышалъ, что онѣ еще существуетъ кое-гдѣ въ Кабардѣ и у Кубанскихъ Абазиновъ; но что касается Абхазіи—здѣсь онѣ положительно не имѣетъ мѣста. Абхазскія

дѣвушки, дѣйствительно, носятъ нѣчто вродѣ корсета, но только не изъ грубой бараньей кожи, а изъ сафьяну, или—бѣдные—просто изъ ситцу или полотна, и притомъ далеко не всѣ и не постоянно (надѣвая его лишь въ торжественныхъ случаяхъ). Тѣмъ не менѣе и существующая форма корсета сильно вредитъ красотѣ абхазской женщины. Абхазки, заботясь исключительно о томъ, чтобы талія ихъ была какъ можно стройнѣе и тоньше, своимъ плотнымъ корсетомъ сильно задерживаютъ развитіе грудей, которыя, развиваясь по выходѣ замужъ, принимаютъ, вслѣдствіе этого, некрасивую отвислую форму. Абхазскія женщины не носятъ какого-либо опредѣленнаго головнаго убора, какъ грузинки или гурійки. Ихъ головной покровъ ограничивается простымъ шелковымъ или бумажнымъ платочкомъ, который плотно охватываетъ волосы и завязывается свади,—а по большей части онѣ ходятъ безъ всякаго головнаго убора. Волосы свои онѣ всегда тщательно заплетаютъ въ нѣсколько косъ. Обычай румяниться и подводить брови существуетъ въ Самурзакани, куда, вѣроятно, проникъ изъ Мингреліи. Впрочемъ, абхазки вовсе и не нуждаются въ этомъ, обладая очень красивымъ цвѣтомъ лица и бровями, лучше которыхъ не могъ бы навести на лицѣ женщины ни одинъ куафферъ-художникъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о жилищахъ, занятіяхъ и вообще о домашнемъ бытѣ абхазцевъ.

Абхазцы никогда не селятся скученными аулами, какъ дагестанскіе или кубанскіе горцы, а живутъ по большей части изолированными другъ отъ друга хуторами, которые окружены бывають фруктовыми садами и кукурузными плантаціями. Только въ Самурзакани, а изъ настоящей Абхазіи—въ тѣхъ общинахъ, гдѣ населеніе съиздавна было болѣе скучено, живутъ болѣе тѣсно и сакли съ ихъ кукурузными плантаціями слѣдуютъ безъ перерыва одна за другой. Обыкновенно же отдѣльныя хозяйства, или думы (какъ ихъ принято называть на административномъ языкѣ), разбросаны на значительное одинъ отъ другаго разстояніе, отдѣляясь иногда другъ отъ друга небольшими передѣсками, такъ что иногда одна абхазская деревня тянется верстъ на десять. Только въ послѣднее время туземцы начали заводить деревянныя жилища (а къ в а с к ѳ), на манеръ гурійскихъ или имеретинскихъ, которыя строятъ имъ плотники грузины. Обыкновеннымъ же, излюбленнымъ абхазцами и самурзаканцами жилищомъ, является ихъ національная сакля (по абхазски а ю н ѳ, по самурзакански п а ц х а), плетеная изъ прутьевъ ивы или, чаще, рододендрона и покрытая сверху папоротникомъ или особымъ злакомъ, называемымъ по абхазски а к а р м ѳ ш ѳ. Обыкновенно, строятъ на каждомъ дворѣ нѣсколько сакель,—по крайней мѣрѣ двѣ-три: одну-парадную, предназначаемую для приѣма гостей и для пребыванія самого домохозяина съ семействомъ, другую—играющую роль кухни и третью—для помѣщенія скота въ зимнее время. Для возъ существуетъ

всегда отдѣльный плетеный сарайчикъ, поставленный высоко на столбахъ, куда эти животныя, большіе любители лазить, взбираются по лѣсенкѣ. Подобный же сарайчикъ на столбахъ дѣлается для храненія кукурузы (для предохраненія ея отъ почвенной сырости). Въ каждомъ хозяйствѣ имѣется также отдѣльная плетушка для помѣщенія домашней птицы и плетеный сарайчикъ для храненія вина. Всякая жилая сакля имѣетъ спереди нѣчто вродѣ веранды, на которой хозяева обѣдаютъ и спятъ въ лѣтнее время. Войдя внутрь абхазской сакли, мы увидимъ прежде всего по срединѣ сакли мѣсто для очага, на которомъ всегда горитъ костеръ и надъ нимъ спускающійся съ поперечной балки подъ крышею на длинной цѣпи или палкѣ съ крючками чугунный котелокъ для варки національнаго блюда—абыста (каши изъ кукурузной муки). Потолка въ саклѣ нѣтъ, нѣтъ и трубы, и дымъ прямо выходитъ сквозь щели стѣнъ. Возлѣ стѣнъ въ саклѣ стоятъ деревянные тахты, или лавки съ разбросанными на нихъ маленькими цилиндрическими подушечками (грузинскія мутаги), а на одной изъ лавокъ стоятъ украшенные кованымъ желѣзомъ и мѣдью сундуки съ хозяйскимъ добромъ и цѣлою горою возвышаются сложенные одно на другое пышныя ватныя одѣяла, которыхъ у каждой хозяйки бываетъ великое множество. По стѣнамъ развѣшано разное оружіе и парадная одежда хозяевъ, а также произведенія руководѣля хозяйки. Если хозяинъ дома добрый христіанинъ, у него непременно красуется гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ раскрашенная русскаго произведенія лубочная картинка съ сюжетомъ изъ Св. Исторіи. Мебели, кромѣ низенькихъ скамеечекъ для сидѣнья у костра и такихъ же низенькихъ круглыхъ столиковъ, на которыхъ подаютъ пищу, въ саклѣ не полагается. Гдѣ-нибудь въ углу сакли, на столикѣ, разставлены немногосложныя принадлежности домашняго хозяйства: классическій мѣдный кувшинчикъ съ такимъ же тазикомъ (мингрельской работы) для омовенія рукъ и ногъ, одинъ-два стакана и нѣсколько деревянныхъ чашекъ нашего кустарнаго производства. Такова обстановка абхазской сакли, которая совершенно удовлетворяетъ нетребовательныхъ туземцевъ. Мы, разумѣется, рисуемъ обстановку средняго небогатаго абхаза, гдѣ-нибудь въ отдаленномъ, глухомъ аулѣ. Богатые люди, въ особенности князья и дворяне устриваются гораздо комфортабельнѣе, на русскій или имеретинскій ладъ.

Что касается занятій абхазцевъ, то главное и, можно сказать, исключительное занятіе ихъ—земледѣліе. Землей владѣютъ на общинныхъ началахъ, а именно—всѣ незанятые подъ культуру земли считаются собственностью общины (одной или нѣсколькихъ деревень), и всякій можетъ ими пользоваться, т. е. въ случаѣ надобности имѣетъ право расчистить ихъ подъ посѣвъ, пасти на нихъ скотъ и т. д. Съюгъ абхазцы преимущественно кукурузу и немного гоми (*Panicum italicum*). Кукурузу предпочитаютъ сѣять единственно на томъ

основаніи, что она требуетъ меньше ухода. Вся работа по культурѣ кукурузы ограничивается тѣмъ, что ранней весной—въ мартѣ, въ апрѣлѣ—все-какъ вспахаютъ первобытнымъ плугомъ землю, и въ концѣ апрѣля, а иные, болѣе лѣнныя хозяева даже въ концѣ мая, засѣваютъ пашню подъ кукурузу; затѣмъ въ теченіе лѣта придется два-три раза перетоптать кукурузу, т. е. вы-полоть въ ней сорныя травы; въ концѣ августа кукуруза поспѣваетъ, и еѣ начинаютъ исподволь—иногда вплоть до октября—собирать и сушить. Отдѣльнаго огорода при домѣ не бываетъ. Тутъ же, въ кукурузникѣ, сажаютъ арбузы и тыквы, по высокимъ стеблямъ кукурузы пускаютъ фасоль, а по загоро-ди предоставляютъ вѣтвямъ огурцамъ. Отдѣльнаго сада по большей части также не существуетъ. Фруктовыя деревья и грецкіе орѣхи разбросаны частію на дворѣ, частію—по кукурузнымъ плантаціямъ. Тутъ же, по ольховымъ и хурмовымъ деревьямъ вьется абхазскій виноградъ. Около самаго дома муж-чины засѣваютъ немного табаку, а женщины—хлопчатника. Послѣдній (назыв. по-абхазски а б а м б а) служитъ въ абхазскомъ быту вмѣсто нашего льна. Въ старину, говорятъ, сѣяли много льна, изъ котораго туземныя женщины умѣли готовить тонкія ткани, которыя сами же обрашивали раститель-ной краской, получаемой изъ ягодъ дико растущей здѣсь *Phytolacca de-сандга*. Теперь ленъ, я слышалъ, разводять только въ глухомъ аулѣ Вла-бурхва, гдѣ вообще упорно держатся старины. Въ старину въ странѣ было сильно развито шелководство. Теперь оно почти оставлено и существуетъ только кой-гдѣ въ Самурзакани и Абусуа.

Хлопоты по домашнему хозяйству распределены въ семьѣ слѣдующимъ образомъ. Полевая работа и работы по сбору фруктовъ, винограда и при-готовленію вина лежатъ исключительно на хозяинѣ дома. На немъ же лежитъ обязанность припасать валежники для костра и имѣть присмотръ за скотомъ—гонять его на пастбу и обратно, доить козъ и коровъ. Дѣти, преимуще-ственно мальчики, по мѣрѣ силъ помогаютъ отцу въ присмотрѣ за скотомъ. Женщины сравнительно съ мужчинами несутъ очень мало обязанностей. Въ ихъ исключительномъ вѣдѣніи находится огородъ и хлопчато-бумажная план-тація. Онѣ также должны убрать комнату, принести изъ источника воды и приготовить пищу. Въ свободное отъ этихъ работъ время онѣ занимаются рукодѣльемъ. Въ шитьѣ и въ особенности въ вязаньи онѣ большія искус-ницы.

Абхазцы—плохіе скотоводы. Впрочемъ, сама природа въ странѣ такова, что не позволяетъ вести этотъ родъ хозяйства въ обширныхъ размѣрахъ. Развитію его препятствуетъ прежде всего отсутствіе постоянного подножнаго корма. Хорошій подножный кормъ бываетъ въ странѣ только лѣтомъ на нагорныхъ лугахъ, куда обыкновенно и гоняютъ на это время скоть. Осталь-

ное же время года скотъ остается внизу и съ трудомъ отыскиваетъ себѣ въ лѣсныхъ заросляхъ скудную пищу. Сѣно же у туземцевъ заготавливать не въ обычаѣ, да и крайне неудобно. Развитіе скотоводства тормозитъ также лихорадочность климата. Лучшія привозныя породы скота, какъ дознано печальнымъ опытомъ, не выдерживаютъ нездороваго климата страны и быстро чахнутъ. Выдерживаетъ климатъ и прочія неблагоприятныя условія только туземная, невзрачная на видъ, тощая и низкорослая скотина: крошечныя коровы, крошечные быки и такія же небольшія горскія лошади. Лошадей туземцы очень любятъ, такъ какъ почти всѣ—отличные наѣзники, и выработка умѣнья хорошо править лошадью входитъ существеннымъ элементомъ въ программу абхазскаго воспитанія. Изъ другихъ животныхъ держатъ козъ и буйволовъ, которые чувствуютъ себя въ этой странѣ превосходно. Воранты разводятъ въ Абхазіи очень мало.—Прежде одной изъ важныхъ статей абхазской промышленности былъ звѣриный промыселъ, именно—ловля куницъ въ особые капканы, а также добываніе мѣда дикихъ пчелъ. Въ настоящее время, благодаря введенію въ странѣ новыхъ лѣсныхъ законовъ, воспрещающихъ охоту и сборъ меду безъ билета отъ лѣсничаго, оба эти промысла почти оставлены. Въ Самурзакани и Абжуа много занимаются пчеловодствомъ.

Торговлей абхазцы не занимаются и терпѣть ея не могутъ, считая это занятіе позорнымъ, также какъ и ростовщичество. Самурзаканцы держатся точно такого же взгляда на торговлю, и это рѣзко отличаетъ ихъ отъ ихъ сосѣдей Мингрельцевъ, которые въ душѣ всѣ страшные торгаша. Торговля въ Абхазіи находится всегда въ рукахъ мингрельцевъ, армянъ или турокъ. Обыкновенно въ каждомъ большомъ абхазскомъ селеніи находится одинъ-два духана, или лавочки, куда туземцы сносятъ для промѣна свои естественныя произведенія—кукурузу, мѣстное сукно, сыръ, домашнюю птицу. Денегъ при промѣнѣ не употребляется. Каждый кусокъ ситцу или каждый платокъ идетъ за известную мѣру кукурузы или за известное число кружковъ сыру. Матерію, встату, туземцы при покупкѣ мѣрятъ всегда локтями—счета на аршины избѣгаютъ. Кромѣ своихъ излюбленныхъ посредниковъ въ торговлѣ—армянъ, мингрельцевъ и турокъ, они ни съ кѣмъ другимъ въ торговныя сношенія не вступаютъ, и ни за какія деньги русскому путешественнику нельзя пріобрѣсти какой-либо предметъ, который однако охотно промѣняютъ духанщико за половину его дѣйствительной стоимости. Все сказанное относится, разумѣется, во 1) къ жителямъ болѣе отдаленныхъ, глухихъ ауловъ и во 2) къ простымъ крестьянамъ. Что же касается князей и дворянъ, то нѣкоторые изъ нихъ,—въ особенности обладающіе большими помѣстьями,—занимаются

дѣятельной торговлей, главн. образ. отправкой кукурузы и самшитоваго дерева за границу.

Описывая занятія жителей, намъ слѣдовало бы теперь сказать нѣсколько словъ объ ихъ бывшемъ сословномъ раздѣленіи. Но такъ какъ со времени введенія въ 1866 году на Кавказѣ крестьянской реформы раздѣленія на сословія болѣе не существуетъ, и жизнь населенія складывается теперь со-всѣмъ уже на другихъ началахъ чѣмъ прежде, то мы считаемъ это излишнимъ и отсылаемъ интересующихся этимъ вопросомъ къ обстоятельнымъ статьямъ объ этомъ предметѣ, напечатаннымъ въ «Сборникѣ Свѣдѣній о Кавказскихъ Горцахъ» за 70-й и 71-й годы ¹⁾.

Покончивъ съ обзорѣемъ физическаго типа абхазцевъ и ихъ внѣшней культуры, перейдемъ теперь къ характеристикѣ изъ внутренняго міра. Начнемъ съ характера абхазцевъ. Абхазцы вообще очень живы, порывисты въ душевныхъ движеніяхъ, крайне любопытны и склонны къ болтливости не менѣе женщины. Поговорка: «болтливъ какъ баба», поэтому не можетъ имѣть здѣсь мѣста. Наблюдая разговоръ абхазцевъ, удивляешься его живости и массѣ жестикуляцій и звукоподражаній, которыя его сопровождаютъ.— Абхазцы—большіе любители пѣнья. Пѣсни ихъ однако очень монотонны и дини для нашего слуха, и состоятъ по большей части изъ повторенія безсмысленныхъ словъ: «уара да, уара да» или что-нибудь въ этомъ родѣ. Обыкновенно кто-нибудь высокимъ голосомъ запѣваетъ, а остальные хоромъ ему временами вторятъ, какъ бы аккомпанируя, обыкновенно на низкихъ нотахъ, Иногда запѣвало импровизируетъ, рассказывая какой-нибудь забавный случай или кого-нибудь восхваляя. Дѣвушки поютъ очень рѣдко, изъ скромности. Абхазцы любятъ потанцовать; но танцы ихъ очень однообразны и неинтересны. Въ Абжуа и Самурзакани еще пляшутъ съ грѣхомъ пополамъ лезгинку, но въ Бзыбской Абхазіи танцы solo напоминаютъ прыганье козы. Самый распространенный изъ всѣхъ танцевъ—это т. н. «круговой танецъ», или «танецъ плечъ» (по абхаз. напѣй эбапныквашера, по самурзакански «худжи скапуа»). Молодые люди и дѣвушки берутся за руки и составляютъ общій кругъ. Подъ звуки пѣсни, которая поется всѣмъ хоромъ, всѣ въ тактъ подпрыгиваютъ или кружатся въ ту или другую сторону. Такіе танцы устраиваются на собраніяхъ въ большіе праздники—праздникъ Пасхи, Рождества, Св. Георгія и на свадьбахъ. Занятіе музыкой въ большомъ

¹⁾ Освобожденіе зависящихъ сословій въ Сухумскомъ отдѣлѣ (Абхазіи и Самурзакани). „Сборн. Свѣд. о Кавк. Горц.“ вып. V.

Очеркъ устройства общественно-политическаго быта Абхазіи и Самурзакани. „Сборн. Свѣд. о Кавк. Горц.“ вып. III.

ходу въ Абхазіи. Почти въ каждой саклѣ имѣется какой-нибудь музыкальный инструментъ. Въ Бзыбской Абхазіи преобладаетъ родъ скрипки, называемой по абхазски «абхерцѣ» или «чануръ», въ Абжуа и Самурзакани—мингрельскій чонгури. Послѣдній инструментъ разительно напоминаетъ своей формой испанскую мандолину. Абхазскія абхазки и самурзаканки большія мастерицы играть на чонгури. Въ послѣднее время въ Бзыбской Абхазіи стала быстро распространяться русская гармоника.

Одно изъ любимѣйшихъ увеселеній абхазцевъ составляютъ скачки. Онѣ устраиваются при всякомъ удобномъ случаѣ, когда только бываетъ народное собраніе—на праздникахъ, на свадьбахъ, на поминкахъ. На поминкахъ устраиваются спеціальныя скачки—скачки дѣтой. Карапузиковъ, едва видныхъ отъ земли отъ 8—10 лѣтъ, сажаютъ на горячихъ коней, и они мчатся на нихъ во весь карьеръ. Стрѣльба въ цѣль составляетъ также излюбленную народную забаву, безъ которой не обходятся ни одни поминки и ни одна свадьба.

Абхазцы очень привѣтливы, вѣжливы въ обращеніи и даже, если хотите, галантны. Иногда бываешь положительно пораженъ тактомъ, съ какимъ умѣютъ держать себя какой-нибудь простой абхазскій крестьянинъ. Умѣнье держать себя, такъ сказать хорошій тонъ абхазцевъ особенно рѣзко бросается въ глаза при сравненіи ихъ съ другими горцами, напримѣръ—ихъ кубанскими сосѣдями, карачаевцами: послѣдніе кажутся въ сравненіи съ абхазцами какими-то неучами и дикарями. Когда вы пріѣзжаете въ абхазскій домъ, хозяинъ и хозяйка послѣ первыхъ привѣтствій сейчасъ же освѣдомляются о состояніи здоровья васъ самихъ и вашего семейства, и если бы вамъ хотѣлось съ дороги отдохнуть, спѣшатъ удовлетворить ваше желаніе и оставляютъ васъ въ покоѣ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь нѣтъ и въ поминѣ того назойливаго любопытства, доходящаго до безцеремонности, которое проявляютъ по отношенію къ гостю карачаевцы или сванеты. Когда вы находитесь въ дорогѣ—все равно, кто бы вы ни были, вы получаете отъ всѣхъ встрѣчныхъ привѣтливое «здравствуй» («бзелаабыйдъ») или «добрый день», «добрый вечеръ» («шабзе», «хулабзе»). Этого уже вы не встрѣтите на дорогахъ въ Мингреліи. Къ встрѣчнымъ пастухамъ обращаются съ привѣтствіемъ «бзе-хейтъ», «да будетъ здоровъ твой скотъ»; людей, занятыхъ полевыми работами, привѣтствуютъ словами: «бзе жуй», т. е. «да спорится твоя работа», и т. д.—Что касается абхазскаго гостепримства, то оно, полагаю, слишкомъ общезвѣстно, чтобы о немъ стоило распространяться. Скажу только, что на основаніи обычая гостепримства, всякій проѣзжающій имѣетъ полное право остановиться въ любой саклѣ, въ какое бы то ни было время дня и ночи, и домохозяинъ не только не будетъ за это въ претензіи, но, напротивъ, будетъ чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что вы заглянули въ его жилище. Совершенно невѣрно ходячее въ публикѣ мнѣніе, будто абхазецъ, заставъ проѣзжаго

къ себѣ въ саклю и хорошо угостивъ его, затѣмъ подстерегаетъ его на дорогѣ, грабить и убиваетъ. Ничего подобнаго на дѣлѣ не существуетъ, и самый фактъ этотъ находится въ прямомъ противорѣчии съ абхазскимъ взглядомъ на обязанности хозяина по отношенію въ гостю. Гостепріимство здѣсь не только простой обычай, но скорѣе—законъ, вообще нѣчто священное, что нарушить считается важнымъ грѣхомъ, не говоря уже о томъ, что нарушеніе его навлекаетъ на того, кто дозволить себѣ сдѣлать это, всеобщее порицаніе. Каждый хозяинъ, какъ бы онъ бѣденъ ни былъ, старается предложить гостю все, что у него есть лучшаго изъ съѣстнаго, и приготовить ему для отдыха самое пышное, какое только найдется у него въ домѣ ложе. Во время угощенія хозяинъ будетъ все время стоять, не смѣя сѣсть съ вами за столъ безъ вашего приглашенія. Его старшая дочь или жена разноситъ вамъ кушанья и подаетъ воду для омовенія рукъ до и послѣ ужина, а когда вы будете ложиться спать, та же дѣвушка подойдетъ къ вамъ помочь вамъ раздѣться и омыть ваши ноги.

У абхазцевъ очень развито чувство собственного достоинства. Они не такъ обидчивы и вспыльчивы какъ гурійцы, но тѣмъ не менѣе, не выносятъ даже простой брани и тѣмъ болѣе—побоевъ. Всякаго, кто дозволить себѣ оскорбить абхазца дѣйствіемъ, ожидаетъ кровная месть со стороны обиженнаго. Ругательствъ на абхазскомъ языкѣ не существуетъ, и сварливые люди не пользуются въ странѣ никакимъ уваженіемъ. Особенно позорнымъ считается оскорбить, хотя бы простыми словами, женщину и въ особенности дѣвушку. Не было еще примѣра, чтобы такое оскорбленіе оставалось безнаказаннымъ: обидчика неминуемо ожидаетъ смерть отъ руки брата или мужа обиженной.

Абхазцы довольно лѣнны, медлительны въ своихъ движеніяхъ и чрезвычайно склонны къ праздности. Проѣзжающій постоянно видитъ цѣлыя группы туземцевъ, праздно валяющихся лѣтними жаркими днями въ тѣни раскидистыхъ орѣховъ. Когда надоѣдаетъ лежать подъ однимъ деревомъ, переходятъ подъ другое. Время для абхазцевъ ничего не стоитъ, и проѣзжему путешественнику, вступившему въ сношенія съ ними по какому-нибудь дѣлу, напримѣръ, по найму лошади, приходится сильно испытывать свое терпѣніе. Впрочемъ, упрекъ въ лѣности и праздности мы не имѣемъ права бросать въ лицо всѣмъ голословно. Среди туземцевъ попадаются много очень работающихъ людей, которые не любятъ сидѣть ни минуты безъ дѣла, и благосостояніе которыхъ создано исключительно ихъ честнымъ трудомъ.

Абхазцевъ очень часто, и не безъ нѣкотораго основанія, упрекаютъ въ страсти къ вонюкрадству. Въ послѣдніе годы, дѣйствительно, порокъ этотъ достигъ ужасающихъ размѣровъ и принялъ характеръ настоящаго народнаго зла. То, что дѣлалось въ Абхазіи въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ на-

стоящаго (1892) года, положительно выходить за предѣлы вѣроятнаго. Тѣмъ не менѣе, рискованно приписывать это дурное качество всему народу. Какъ отлично извѣстно всякому, кому случилось пожить болѣе или менѣе долгое время въ Абхазіи, занятіе конокрадствомъ въ настоящее время стало почти исключительной привилегіей бывшаго класса князей и дворянъ, считающихъ унизительнымъ для себя заниматься какой бы то ни было работой. Почти въ каждомъ селеніи укажутъ вамъ на какого-нибудь изъ князей Шервашидзе или Анчабадзе, или дворянъ Лакербайя и Моргани, какъ на извѣстнаго въ округѣ вора. Вообще же у абхазцевъ занятіе конокрадствомъ считается дѣломъ предосудительнымъ, и человекъ, разъ въ немъ заподозрѣнный, не пользуется уже никакимъ уваженіемъ.

Абхазцы отличаются необыкновенной выносливостью и способны въ дорогѣ дѣлать громадные переходы при самой скудной пищѣ. Трудно бываетъ повѣрить, чтобы тотъ же самый лѣнивый абхазецъ, который внизу, въ деревнѣ, составлялъ ваше мученіе, досаждая вамъ своею медлительностью, могъ такъ внезапно и такъ полно переродиться, какъ только онъ попадаетъ въ горы. Горы и лѣсъ—это настоящая стихія абхазца.

Абхазцы чрезвычайно воздержны въ пищѣ. Ъдятъ обыкновенно всего 2 раза въ день—утромъ и вечеромъ—пищу, неизмѣнно состоящую изъ кукурузной каши, т. е. «абысты» (тоже что у черкесовъ «пааста»), изъ свѣжаго или круто просоленнаго козьяго или коровьяго сыру и кислаго молока. Иногда къ этому скудному обѣду присоединяютъ еще имеретинскую лобію (по абхаз. «акодъ»), т. е. вареную фасоль, протертую вмѣстѣ съ грецкими орѣхами и краснымъ перцемъ, поджаренный на огнѣ початокъ молодой кукурузы и кой-какія овощи. Въ случаѣ пріѣзда гостя всегда рѣжется курица, а иногда—баранъ, и печется сдобный кукурузный хлѣбъ съ сыромъ. Масла туземцы приготовить не умѣютъ и потому его нѣтъ въ употребленіи. Вина туземцы выдѣлываютъ много (есть иные домохозяева, изъ простыхъ крестьянъ, которые заготовляютъ его до 500 ведеръ въ годъ), потому что они большіе любители этого напитка и пьютъ его много, въ особенности въ гостяхъ. Впрочемъ пьянство здѣсь совершенно неизвѣстно, и считается крайне неприличнымъ для мужчины быть на-веселѣ и вообще выказывать какіе бы то ни было признаки опьяненія.

Равнымъ образомъ, абхазцы чрезвычайно цѣломудренны. Мужчины не знаютъ женщинъ иногда лѣтъ до 30—35, до самой своей женитьбы. Совершенно лишены основанія сообщаемыя Гавріиломъ, еп. Имеретинскимъ, свѣдѣнія о половой разнузданности абхазцевъ. Отношенія молодыхъ людей обоюдо пола, напротивъ того, отличаются безукоризненной чистотой, доходящей до пуризма. Никакихъ вѣбрачныхъ отношеній не допускается. и молодого че-

ловѣка, соблазнившаго дѣвушку, неизбежно ожидаетъ кровная месть со стороны ея родственниковъ. Если же дѣвушка согласилась раздѣлить его любовь добровольно, ее ожидаетъ всеобщее презрѣніе. Обычай не позволяетъ даже молодому человѣку объясниться въ любви дѣвушкѣ и тѣмъ болѣе—обратно. Это считается чрезвычайно стыднымъ, и никто не рѣшится сдѣлать этого. Обыкновенно, если молодому человѣку нравится дѣвушка, и онъ хотѣлъ бы на ней жениться, онъ подсылаетъ отъ себя какое-нибудь довѣренное лицо къ ея напереницѣ вывѣдать, нравится ли ея подругѣ такой-то? Если окажется, что—да, начинается формальное сватовство. Хотя въ настоящее время браки устраиваются по большей части родителями, но тѣмъ не менѣе желаніе послѣднихъ не обязательно для дѣвушки, и она вольна выбрать себѣ кого ей хочется.

Абхазцы, повидимому, очень страстны—что доказывается лучше всего уголовной хроникой: наибольшее число убійствъ въ странѣ—которыя, встати сказать, приняли въ послѣдніе годы хроническій характеръ, совершаясь регулярно разъ или даже по два раза въ мѣсяцъ—вызваны ревностью или же являются послѣдствіями очень распространеннаго въ странѣ обычая умыкать невѣсть. Умыканіе производится или съ предварительнаго согласія дѣвушки или же насильно, и въ послѣднемъ случаѣ дѣло не обходится безъ нѣсколькихъ жертвъ, какъ со стороны партіи похитителя, такъ и со стороны родственниковъ дѣвушки, которые бросаются въ погоню за похитителемъ.

Что касается брака, то въ нашей формѣ, т. е. брака, освященнаго церковью, у абхазцевъ не существуетъ. Его избѣгаютъ даже самурзаванцы, которые во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ревностные хрістіане. Существуетъ 2 типа брака у туземцевъ, изъ которыхъ одинъ—чисто туземный, а другой—займствованъ изъ Турціи, и его придерживаются исключительно магометане (здѣсь мы дѣлаемъ оговорку, что нѣкоторую часть свѣдѣній о бракѣ мы занимаемъ изъ статьи неизвѣстнаго автора (три звѣздочки) въ VI вып. «Сборн. Свѣд. о Кавк. Горц.»¹⁾). Первый родъ брака состоитъ въ томъ, что, заручившись согласіемъ дѣвушки и ея родителей, женихъ приноситъ отцу дѣвушки, ея матери и ближайшимъ родственникамъ болѣе или менѣе цѣнные подарки. Цѣнность подарковъ обуславливается состояніемъ жениха. У богатыхъ князей иногда идутъ въ даръ цѣлыя табуны породистыхъ лошадей. Съ своей стороны, отецъ невѣсты отдариваетъ жениха подарками равной стоимости. Разъ обмѣнъ подарками произошелъ, бракъ считается заключеннымъ, и женихъ имѣетъ право взять къ себѣ дѣвушку. Брачный пиръ обыкновенно слѣдуетъ

¹⁾ Абхазцы (Авега),—по поводу сочиненія г. Дубровина «Очеркъ Кавказа и народовъ, его населяющихъ».

сейчас же послѣ обмѣна подарками. Но такъ какъ женихъ или отецъ не-
вѣсты очень часто не могутъ собраться съ средствами, чтобы представить всѣ
подарки сразу, то брачный пиръ откладывается на болѣе или менѣе продол-
жительное время, иногда на годъ или даже на два. Въ промежутокъ времени
между первымъ обмѣномъ подарками и свадебнымъ пиромъ, дѣвушка или ухо-
дить въ домъ къ своему мужу — въ случаѣ, если остановка за подарками
произошла со стороны отца невѣсты, или же — въ случаѣ, если задержка за
подарками существуетъ у жениха — продолжаетъ жить въ родительскомъ домѣ,
гдѣ однако женихъ можетъ свободно видаться съ ней. Это одинъ родъ брака,
наиболѣе въ странѣ распространенный. Другой видъ брака, заимствованный у
мусульманъ, состоитъ въ томъ, что женихъ даетъ дѣвушкѣ такъ называемый
«мѣкяхъ», или письменное обязательство обезпечить ее известной суммой
денегъ на случай добровольнаго развода или его смерти (жена въ Абхазіи не
пользуется имущественными правами послѣ смерти мужа). Мѣкяхъ закрѣпляется
муллою и свидѣтелями, при прочтеніи известной молитвы. Ни въ коемъ слу-
чаѣ не слѣдуетъ смѣшивать мѣкяхъ съ калымомъ. Калымъ всегда означаетъ
покупку женщины и указываетъ на приниженное состояніе женщины въ странѣ,
гдѣ онъ существуетъ. Мѣкяхъ же, наоборотъ, свидѣтельствуетъ о сравнительно
свободномъ положеніи женщины. О значительномъ развитіи правъ женщины
говорить между прочимъ и тотъ фактъ, что разводъ въ Абхазіи крайне
обыкновенное явленіе и совершается чрезвычайно легко; женщина послѣ раз-
вода вольна выйти замужъ за кого ей угодно. Но это бываетъ лишь въ
томъ случаѣ, если разводъ произошел по добровольному соглашенію супруговъ.
Если же разводъ произошел по винѣ жены, виновную ожидаетъ общее пре-
зрѣніе, а мужъ, мало того, что воленъ расправиться какъ ему угодно съ со-
блазнителемъ, имѣетъ еще право требовать отъ родственниковъ жены уплаты
кровопенія (т. е. цѣны крови его жены, которую, по обычаю, онъ могъ
бы убить за ея невѣрность).

Скажу теперь нѣсколько словъ о положеніи женщины въ домѣ
мужа и о взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ. Жена въ домѣ
считается полной хозяйкой и вовсе не занимаетъ въ домѣ того угнетеннаго
положенія, на которое указываютъ нѣкоторые авторы, а со словъ ихъ и Ду-
бровинъ. Напротивъ того, какъ мы уже это видѣли, на женщинахъ лежитъ
весьма мало хозяйственныхъ обязанностей. Жена можетъ самостоятельно при-
нимать въ отсутствіе мужа гостей, и сама выѣзжать изъ дому безъ мужа, лишь
въ сопровожденіи свиты изъ нѣсколькихъ приближенныхъ людей (свита эта
назначается вовсе не для охраненія женщины въ дорогѣ, а исключительно для
почета). Очень часто бываетъ, что жена отправляется одна хлопотать по раз-
нымъ дѣламъ мужа. Роль хозяйки дома — вѣжливой, обходительной, распоря-

дательной, абхазки, даже изъ простыхъ крестьянобъ, ведутъ съ поразительнымъ умѣньемъ. Вообще, относительно абхазской женщины можно сказать, что она по развитію стоитъ гораздо выше мужчины. Многія абхазки получаютъ въ настоящее время образованіе въ 3-классной женской прогимназіи въ Сухумѣ, тогда какъ для абхазскихъ мальчигобъ другихъ школъ, кромѣ первоначальныхъ горскихъ, въ краѣ не существуетъ.—Посторонняго человека поражаетъ необыкновенная странность отношеній, существующихъ въ абхазской семьѣ между супругами, въ особенности между молодыми. Такъ, новобрачные въ теченіе многихъ лѣтъ послѣ брака не имѣютъ права въ присутствіи отца, матери, старшаго брата или гостя, находиться вмѣстѣ: если мужъ входитъ въ комнату, гдѣ находится одно изъ названныхъ лицъ, жена сейчасъ же удаляется изъ комнаты, и наоборотъ. Точно также, мужъ не можетъ обращаться къ своей женѣ въ присутствіи такихъ лицъ, съ какимъ-либо вопросомъ или приказаніемъ: онъ всегда ей передаетъ таковыя черезъ третье лицо. Наконецъ, мужъ не смѣетъ произносить настоящаго имени своей жены. Если кто-нибудь незнакомый съ абхазскими обычаями спроситъ у абхаца, какъ зовутъ его жену, ему ни за что не удастся добиться отъ послѣдняго отвѣта, и онъ поневолѣ долженъ будетъ обратиться съ этимъ вопросомъ къ кому-нибудь изъ присутствующихъ. Для того, чтобы обращаться къ своей женѣ, мужъ придумываетъ ей какую-нибудь условную кличку. Но Боже его избави назвать ее по имени: это навлекло бы на него всеобщее порицаніе. Всѣ эти курьезные факты, насколько мнѣ извѣстно, въ литературѣ объ образцахъ не упоминались. Будучи крайне заинтересованъ ими, я подвергъ ихъ тщательной проверкѣ. Оказывается, что такія странныя отношенія между супругами распространены во всей Взыбской Абхазіи, Абжуа и даже отчасти въ Самурзакани. Любопытно, что подобныя же отношенія между супругами существовали и у черкесовъ, напримѣръ—у кабардинцевъ ¹⁾).

Полагаю, что сказаннаго совершенно достаточно, чтобы дать вамъ понятіе о взглядѣ абхазцевъ на бракъ и на взаимныя отношенія супруговъ. Перейдемъ теперь къ характеристикѣ отношеній между родителями и дѣтьми. Отношенія родителей къ дѣтямъ у абхазцевъ отличаются необыкновенной нѣжностью. Совершенно лишено основанія утвержденіе, высказываемое Гаврииломъ еп. Имеретинскимъ, будто абхазцы никогда не ласкаютъ и вообще не любятъ своихъ дѣтей. Напротивъ того, все, что мы видѣли, указываетъ на то, что въ отношеніяхъ родителей къ своимъ дѣтямъ существуетъ самая трогательная нѣжность. Тѣлесныхъ наказаній—но только розогъ, но и

¹⁾ Срв. народныя сказанія Кабардинцевъ, помѣщенныя въ «Сборникѣ Свѣдѣній о Кавказскихъ Горцахъ», за 1871 годъ.

болѣ невинныхъ, въ родѣ щелчковъ, дранья за волосы и т. п., при воспитаніи совершенно не практикуется, такъ какъ туземцы вообще гнушаются тѣлесныхъ наказаній и тѣмъ болѣ позорнымъ считаютъ примѣнять ихъ къ существамъ беззащитнымъ и притомъ столь дорогимъ для нихъ, какъ дѣти. Вообще, на нашъ взглядъ, дѣтей въ Абхазіи даже чрезчуръ балуютъ. Намъ рѣдко случалось слышать даже, чтобы мать прикрикнула на своего ребенка. Въ свою очередь, дѣти платятъ родителямъ крайней почтительностью и послушаніемъ. Почтительное отношеніе къ старшимъ вообще составляетъ одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій въ жизни Абхазіи. Дѣти и даже взрослые молодые люди по обычаю не имѣютъ права въ присутствіи старшихъ садиться и должны все время скромно молчать до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ старшихъ не обратится къ нимъ съ вопросомъ. Всегда, какъ только входитъ въ комнату старикъ, принято всѣмъ, и старымъ и малымъ, вставать съ мѣста и садиться вновь только тогда, когда старикъ пригласитъ ихъ; всякое лицо, какъ бы вліятельно оно ни было, не исключая и князей, подчиняется этому обычаю. Всякое мнѣніе, высказываемое стариками, выслушивается присутствующими съ величайшимъ вниманіемъ и уваженіемъ.

Говоря объ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, мы должны упомянуть о чрезвычайно распространенномъ въ Абхазіи и въ особенности въ Самурзакани обычаѣ отдавать дѣтей на воспитаніе въ чужую семью. Обычай этотъ существуетъ преимущественно у князей и дворянъ, а изъ простыхъ крестьянъ у тѣхъ, кто имѣетъ большія средства, такъ какъ отдача дѣтей на воспитаніе, равно какъ и усыновленіе ихъ сопряжены съ большими расходами. Обычай требуетъ, чтобы какъ лицо, отдающее ребенка на воспитаніе, такъ и вскормившій его воспитатель обмѣнялись цѣнными подарками. Обычай отдавать дѣтей на воспитаніе вызывается вовсе не какими-нибудь корыстными или вообще мелко-практическаго свойства соображеніями, а возникъ еще въ давнія времена, вслѣдствіе желанія установить болѣ тѣсную связь между различными фамиліями. Желаніе это въ особенности имѣло свой *raison d'être* въ эпоху до покоренія нами Абхазіи, когда страна была раздираема постоянными междоусобіями, и кровная вражда была въ полномъ разгарѣ. Къ обычаю усыновленія часто прибѣгали, чтобы покончить мирнымъ путемъ кровавую вражду, существовавшую между 2 семействами. Въ послѣднемъ случаѣ обидчикъ отдавалъ своего сына на воспитаніе къ обиженному, и когда тотъ возвращалъ ему послѣдняго съ подарками, вражда считалась поконченной. Иногда лицо, которое желало заручиться чѣмъ либо содѣйствіемъ въ очень важномъ для него дѣлѣ, если оно не рассчитывало на простое обѣщаніе этого послѣдняго и хотѣло получить отъ него болѣ надежную гарантію, оно вступало съ нимъ въ молочное родство; для этого ~~оно прибѣгало къ тому~~

бами къ сосцамъ его жены или матери, послѣ чего оно считалось ими усыновленнымъ, и его новые молочные родственники были обязаны заботиться о немъ, какъ о родномъ сынѣ или братѣ. Подобный обрядъ усыновленія пришлось между прочимъ продѣлать автору «Воспоминаній Кавказскаго Офицера», когда онъ нанималъ проводника для своего опаснаго путешествія въ горы и желалъ получить отъ послѣдняго гарантію въ томъ, что онъ его не выдастъ. Вообще, лицо, взявшее ребенка на воспитаніе, относится къ нему какъ бы къ собственному сыну, окружая его не меньшей заботливостью, чѣмъ родной отецъ или мать. Такъ какъ ребенокъ находится у кормильца лѣтъ до 12, а мальчики даже и до 16, и только тогда возвращается родителямъ, то это разумѣется вліяетъ до нѣкоторой степени на отношеніе его къ этимъ послѣднимъ: плата имъ должную дань уваженія, онъ, естественно, съ большей нѣжностью будетъ относиться къ своимъ кормильцамъ. Молочное родство у абхазцевъ считается отнюдь не менѣе важнымъ чѣмъ кровное. Лицо изъ фамиліи, которая находится въ молочномъ родствѣ съ другою фамиліей, не имѣетъ права вступать въ бракъ съ кѣмъ бы то ни было изъ членовъ этой послѣдней фамиліи—хотя бы то были отдаленные родственники. Замѣтимъ, что обычай вступать въ молочное родство былъ сильно развитъ и у черкесовъ, гдѣ онъ носилъ названіе аталычества (аталыгъ-кормилецъ).

Теперь намъ слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о туземномъ обычномъ правѣ и о примѣненіи судебныхъ обычаевъ къ судопроизводству. Предметъ этотъ, однако, настолько обширный, что разсмотрѣніе его завлекло бы насъ слишкомъ далеко,—въ тому же мы лично почти не собрали о немъ свѣдѣній. Отсылаемъ поэтому гг. интересующихся къ обстоятельной статьѣ, посвященной этому предмету въ IV вып. «Сборн. Свѣд. о Кавк. Горц.»¹⁾

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію религіознаго состоянія абхазцевъ. О религіозномъ состояніи Абхазіи писалось очень много—пожалуй, болѣе чѣмъ о чемъ-либо прочемъ. Къ сожалѣнію, далеко не все написанное по этому вопросу заслуживаетъ довѣрія. Въ особенности грѣшатъ противъ истины мелкія статейки разныхъ неизвѣстныхъ авторовъ, помѣщавшіяся въ газетѣ «Кавказъ» за 60-е годы. Свѣдѣнія же о религіи абхазцевъ, сообщаемыя беллетристомъ 50-хъ годовъ Савиновымъ въ его «Достоверныхъ разсказахъ объ Абхазіи» абсолютно не вѣрны и не имѣютъ рѣшительно никакой цѣны. Авторъ во 1) пользуется чужими наблюденіями, которыя онъ прикрашиваетъ произведеніями собственной фантазіи, и во 2) онъ постоянно путаетъ Абазеховъ, Абазинъ и Абхазцевъ, между тѣмъ какъ первые, какъ мы

¹⁾ Нѣсколько словъ о примѣненіи народныхъ обычаевъ къ судопроизводству въ Абхазіи.

уже упоминали, представляютъ народъ, относящійся въ черкесской группѣ адыге и не имѣющій съ абхазцами рѣшительно ничего общаго ни въ языкѣ, ни въ религіи. Вслѣдствіе этого, напримѣръ, у Савинова попадають въ число абхазскихъ божествъ такіа, какъ Тлепезъ, богъ огня, какъ Мизитхъ, богъ лѣсовъ—божества чисто черкесскія, о которыхъ абхазцы не имѣютъ никакого представленія. Къ сожалѣнію, сообщаемыя Савиновымъ свѣдѣнія вошли полностью въ почтенный трудъ Дубровина.—Цѣнный свѣдѣнія о языческихъ божествахъ Абхазіи мы находимъ въ статьѣ бывшего начальника Сухумскаго округа, г. Введенскаго (въ V вып. «Сборн. Свѣд. о Кавк. Горц.» ¹⁾). Кажется однако, что почтенный авторъ излишне умножилъ число абхазскихъ божествъ, а о нѣкоторыхъ даетъ не совсѣмъ вѣрное представленіе. Такъ напримѣръ, онъ упоминаетъ объ абхазскомъ божествѣ адзыланъ, которую онъ называетъ покровительницей водъ. Адзыланъ, по нашимъ разспросамъ, есть просто русалка, водяная нимфа, по большей части очень злая женщина, по однимъ очень безобразная, съ длинными отвислыми грудями, которыя она забрасываетъ себѣ за плечи; по другимъ—напротивъ, очень красивая голубоглазая дѣвушка съ длинными распущенными волосами. Вообще, показанія объ адзыланъ отличаются сбивчивостью: очевидно, старыя преданія стали уже забываться. Однако всѣ сходятся на томъ, что адзыланъ—всѣ очень сильныя женщины, и всякому, кто имѣетъ несчастье встрѣтиться съ ними, предлагаютъ помѣряться силами: если адзыланъ одолѣетъ, она заставляетъ побѣжденнаго жить съ ней въ теченіи извѣстнаго времени.—Самыя цѣльныя свѣдѣнія о языческой религіи абхазцевъ мы находимъ въ «Очеркахъ Абхазской Мифологіи», написанныхъ природнымъ абхазцемъ, Соломономъ Званбойя. ²⁾ Наши мимо-летныя наблюденія не могли ничего прибавить существеннаго къ этимъ свѣдѣніямъ и потому мы отсылаемъ къ статьямъ Званбойя и Введенскаго всѣхъ интересующихся въ подробностяхъ религіозными воззрѣніями абхазцевъ. Здѣсь же, для полности нашего этнографическаго очерка, мы скажемъ лишь нѣсколько словъ о религіозномъ состояніи, въ которомъ мы застаемъ страну въ настоящее время. Абхазія въ настоящее время переживаетъ тотъ моментъ, когда религіозныя вѣрованія, завѣщанныя стариной, забываются, а новыхъ основъ религіи населеніе воспринять не успѣло. Вслѣдствіе этого, въ умахъ населенія существуетъ полный хаосъ воззрѣній; обрывки языческихъ вѣрованій перемѣшиваются въ нихъ съ остатками стариннаго христіанства и съ кой-какими магометанскими предразсудками. Хотя теперь въ странѣ усиленно стараются распространять христіанство, но способъ, принятый для распростране-

¹⁾ Религіозныя вѣрованія Абхазцевъ, А—а (Введенскаго).

²⁾ „Кавказъ“ 1867 г. №№ 74, 75, 76.

нія его таковы, что едвали можетъ положить прочную основу христіанскаго ученія въ умахъ населенія. А между тѣмъ, какъ легко было бы посвятить здѣсь сѣмена христіанства. Абхазія вѣдь съиздавна была христіанскою страной. Какъ извѣстно, абхазцы приняли христіанскую вѣру еще при императорѣ Юстиніанѣ. До сихъ поръ еще въ странѣ сохранилось уваженіе къ древнимъ храмамъ въ Пицундѣ, Драндахъ, Лыхнахъ, Илори—памятникамъ христіанской культуры XI вѣка, которымъ такъ обстоятельно описаны въ сочиненіяхъ Dubois de Montpègneux, Кондакова, Нордманна и проч. Этимъ храмамъ приносятся въ извѣстное время жертвы, они считаются непривосновенными, и присяга, произнесенная въ нихъ, нерушимой. До сихъ поръ туземцы исполняютъ нѣкоторые христіанскіе обряды, чтутъ Великій и Успенскій посты, празднуютъ день св. Пасхи, Рождества, св. Георгія, Михаила и Гавріила, на Пасху красятъ яйца и проч. Кромѣ того, если прочесть внимательно *Очерки Абхазской Миеологіи* Званбойя, не трудно убѣдиться, что даже при своихъ языческихъ жертвоприношеніяхъ, называя имя какого-нибудь языческаго бога, абхазцы тѣмъ не менѣе обращаются не къ какому нибудь фетишамъ или олицетвореніямъ божества, а къ всемогущему Вышнему Богу. Весьма характеренъ въ этомъ отношеніи отвѣтъ, данный однимъ абхазцемъ Соломону Званбойя. Званбойя однажды спросилъ старика-пастуха, совершавшаго жертвоприношеніе, кого онъ подразумѣваетъ подъ именемъ «Хахту» (Всевышній), котораго онъ призывалъ при обрядѣ. Тотъ отвѣчалъ ему: «Бога, Создателя всего міра и человѣка». Званбойя предложилъ ему принять христіанскую вѣру. Пастухъ сказалъ, что радъ сдѣлать это, но не знаетъ, что читаетъ священникъ; когда же онъ самъ съ открытою душою простираетъ руки къ Богу и собственными словами проситъ о прощеніи грѣховъ и ниспосланіи благъ, то на душѣ дѣлается легче.— Къ числу остатковъ древняго христіанства слѣдуетъ между прочимъ отнести очень распространенное въ Абжуа и Самурзаканіи моленіе архангеламъ Михаилу и Гавріилу (по самурзакан. Самгаріа-хвама, по абхаз. Самкагаріа-гыпха-хавай, или Микамгаріа-анэхера). Объ этомъ моленіи въ литературѣ не упоминалось, и поэтому я вратилъ описку его. Моленіе въ честь Михаила и Гавріила совершается разъ въ годъ, обыкновенно по понедѣльникамъ. Домохозяинъ, задумавшій его, приглашаетъ къ себѣ всѣхъ сосѣдей (мужчинъ). Передъ началомъ моленія рѣжутъ теленка, и всѣ присутствующіе гости и члены семейства собираются въ саклѣ около кувшина съ виномъ, зарытаго въ землѣ. Затѣмъ всѣ преклоняютъ колѣна и старшій въ семьѣ зажигаетъ восковую свѣчу и бросаетъ на уголья ладанъ, моля при этомъ архангеловъ Михаила и Гавріила о дарованіи здоровья всему семейству. Послѣ этого, достаютъ изъ земли кувшинъ съ виномъ и начинается пиръ. Жертвенное мясо при этомъ могутъ ѣсть только одни мужчины.

Что касается остатковъ языческихъ вѣрованій, то они, въ краткихъ словахъ, сводятся въ слѣдующему: Абхазцы почитаютъ нѣсколько божествъ, управляющихъ тѣми или другими явленіями природы, которымъ они приносятъ въ извѣстное время года жертвы. Вотъ названія этихъ божествъ: Афѹ, богъ грома и вообще атмосферныхъ явленій. Ему приносятъ жертвы во 1) при отправленіи стадъ въ горы и при возвращеніи ихъ оттуда, во 2) время лѣтней засухи и 3) послѣ того, какъ убьетъ громомъ человѣка или домашнее животное. Въ послѣднемъ случаѣ, по словамъ Званбойя, «хозяинъ собираетъ всю деревню, безъ различія пола, устраиваетъ на 4 столбахъ вышку такой вышины, чтобы на нее не могли вспрыгнуть собаки или хищные звѣри. Устроивъ вышку, всѣ присутствующіе совершаютъ вокругъ убитой скотины пляску, напѣвая извѣстныя слова, именно, одна половина поетъ хоромъ Во ет ла, а другая Ча у паръ, и скотину поднимаютъ на вышку. Тамъ она остается на жертву хищнымъ птицамъ. По совершеніи пляски и поднятіи трупа убитой скотины, хозяинъ, въ знакъ благодарности Богу за посѣщеніе, приноситъ ему въ жертву другую скотину. Однако же, въ заключеніе молитвы, читаемой во время жертвоприношенія онъ проситъ Бога пощадить на будущее время какъ его самого, такъ и стада его. Если громомъ поразитъ человѣка, то и надъ его тѣломъ совершаютъ подобный же обрядъ. Во время круговой пляски родственники убитаго не должны плакать, потому что, по понятіямъ абхазцевъ, Афѹ поразитъ всѣхъ присутствующихъ однимъ ударомъ. Описываемое суевѣріе до такой степени укоренилось въ Абхазіи, что никто безъ пляски и пѣсни не рѣшится поднять тѣло убитаго громомъ человѣка или скотины». Мы нарочно привели во всей подробности эту выдержку изъ статьи Званбойя. Дѣло въ томъ, что мы въ христіанской Самурзакани обнаружили существованіе почти такого же самаго обряда. Онъ извѣстенъ здѣсь подъ названіемъ «жинишь-хвама», что значитъ верхняя молитва, и абхазцы изъ Абжуа прямо переводили мнѣ это названіе на абхазскій языкъ: «афулыпха», т. е. молитва въ честь Афѹ. И дѣйствительно, жинишь-хвама есть почти буквальное повтореніе вышеописаннаго абхазскаго обряда, лишь съ незначительными измѣненіями. Названіе «верхней молитвы» присвоено ей потому, что совершается она на горѣ ¹⁾). Курьезно, что подобный же обрядъ существовалъ и

¹⁾ Вотъ подробное описаніе этого обряда (сообщенное намъ образованной самурзаканской дѣвушкой, Дааку Кордава): Когда убьетъ громомъ человѣка или скотину, берутъ большой мѣдный котелъ съ цѣпью, который до тѣхъ поръ хранился въ домѣ безъ употребленія, серебряный шнурокъ и лучшаго козла изъ стада, и съ этими предметами отправляются на ближнюю гору, гдѣ собирается народъ со всего околота. Тамъ втыкаютъ въ землю 4 столба, на нихъ кладутъ перекладины и все покрываютъ листьями и окружаютъ со всѣхъ сторонъ серебрянымъ шнуркомъ. Затѣмъ рѣжутъ козла и мясо его кладутъ на

у черноморскихъ черкесовъ (поткуаджъ и шансуговъ) ¹⁾.—За Афу, богомъ грома, слѣдующимъ по степени важности божествомъ является Шасшу, богъ кузнецовъ. Ему молятся кузнецы наканунѣ Новаго Года. У абхазцевъ, даже у абживцевъ и самураванцевъ, чрезвычайно распространено почитаніе Шасшу. Самой дѣйствительной въ странѣ присягой считается присяга, произнесенная на кузницѣ. Присягающій при этомъ говоритъ: «если я не скажу правды о томъ, о чемъ меня спрашиваютъ», или: «если я виноватъ въ чемъ меня обвиняютъ, то да разобьетъ Шасшу голову мою молоткомъ по наковальнѣ «и при этихъ словахъ ударяетъ три раза молоткомъ по наковальнѣ. (Сол. Званбойя). Но еще болѣе дѣйствительной считается въ Бзыбской Абхазіи присяга, принятая на г. Дидришъ, которая служитъ мѣстожителемъ какого-то всемогущаго божества А набсн еха, а въ Самуравани и Абжуа—присяга, произнесенная предъ дѣвнимъ образомъ св. Георгія, въ Илорской церкви. Кромѣ боговъ Афы и Шасшу, ствуютъ еще: богъ А швенша аа-А бн а-И нч ва ху, покровитель охотниковъ, которому молятся при отправленіи на охоту; А й таръ, покровитель домашняго скота, которому приносятъ жертву пастухи; Д ж а д ж и—богъ земного плодородія, которому молятся домохозяева по святія плодовъ съ полей и садовъ. Любопытно, что крайне характерный языческій обрядъ, который продѣлываютъ абхазскія дѣвушки во время засухи, описанный въ статьяхъ Званбойя и Введенскаго, существуетъ полностью, по моимъ разпросамъ, и въ Самуравани. Характерно при этомъ, что слова распѣваемой при этомъ пѣсенки произносятся по-абхазски ²⁾.

Вотъ всѣ главнѣйшіе остатки языческихъ вѣрованій въ Абхазіи. О проявленіяхъ магометанскаго вліянія мы не станемъ говорить вовсе, потому что оно слишкомъ ничтожно и касается исключительно внѣшнихъ обрядовъ.

Послѣ этого всѣ пляшутъ круговую пляску, поютъ и въ заключеніи творятъ молитву Вышнему, чтобы онъ въ другой разъ пощадилъ ихъ. Если при этомъ въ средѣ присутствующихъ окажется кто-нибудь невѣрующій, онъ сдѣлается бѣшенымъ, и болѣзнь его пройдетъ лишь тогда, когда онъ помолится Вышнему.

¹⁾ Вѣрованія, религіозные обряды и предразсудки черкесъ, Л. Я. Люлье. Зап. Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ. кн. V. 1862.

²⁾ Сообщаемъ вкратцѣ суть этого обряда для лицъ, незнакомыхъ съ упомянутыми статьями. Когда въ Абхазіи или Самуравани бывасть сильная засуха, дѣвушки со всего селенія собираются въ какое-нибудь мѣсто, гдѣ дѣлаютъ куклу изъ соломы, которую онѣ одѣваютъ въ женское платье. Эту куклу сажаютъ затѣмъ на осла, прикрывъ послѣдняго бѣлой простыней, и всѣ отправляются къ какой-нибудь рѣчкѣ, гдѣ заранѣе былъ ими приготовленъ маленькій плотъ. При этомъ, всѣ дѣвушки, участвующія въ процессіи, распѣваютъ слѣдующія слова: „Дзіау, дзіау дзари! Ква ква шырылд аш-ах ипа дедшувайт ады хучик ады хучик“, что значить въ буквальной пересловѣ: Воды, воды достать: Достать воды дождевой-маргаритку красную. Сынъ Владыки, жаждетъ многаго воды, нешнаго воды, Дойдя до рѣчки, снимаютъ куклу съ осла, кладутъ ее на плотъ, зажигаютъ и пускаютъ плотъ по теченію рѣки. Затѣмъ стараются перегнать осла черезъ рѣчку и наблюдаютъ, закричитъ онъ при этомъ или нѣтъ. Если закричитъ—это считается за хорошій признакъ. за предназначеніе скораго дождя; и тѣмъ сильнѣе будетъ ревѣть оселъ, тѣмъ сильнѣе будетъ дождикъ. Если оселъ не станеть кричать, черезъ нѣсколько дней обрядъ повторяютъ снова.

Теперь намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ абхазскихъ народныхъ преданіяхъ и о памятникахъ сѣдой старины въ странѣ. Что касается перваго предмета, то насколько мнѣ известно, онъ почти не затронутъ въ литературѣ. Я по крайней мѣрѣ встрѣчалъ въ литературѣ всего 2 преданія: самурзаканское преданіе объ очокочи (лѣсныхъ, людяхъ) и абживское преданіе о богатырѣ Брискиліа (или Абрсклѣ), напечатанныя въ «Сборникѣ Матерьяловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа»¹⁾. Въ виду этого, крайне желательно было бы, чтобы кто-нибудь изъ этнографовъ взялся поскорѣе собрать абхазскія преданія, пока они еще не исчезли изъ памяти народа. Намъ лично привелось слышать всего 3 преданія; это во 1) преданіе о великанахъ Адоу, или Адоуква (мн. ч). существующее въ Взыбской Абхазіи, 2) о лѣсныхъ людяхъ (обнаоэ) и 3) о карликахъ Цаніяхъ (или Ацанъ); послѣднія 2 преданія распространены по всей Абхазіи. Первое преданіе гласитъ, что нѣкогда, въ ущельи рѣки Взыби, около Калдахваръ, жило племя страшныхъ великановъ людѳодовъ съ семью и болѣе головами, которые имѣли во лбу по одному глазу. Они долгое время разбойничали въ странѣ, наводя ужасъ на окрестныхъ жителей, пока не явились сюда богатыри Норты и не побѣдили ихъ. Могила одного изъ этихъ великановъ одноглазѳвъ еще донынѣ указываютъ въ Калдахварскомъ ущельи, близъ развалинъ крѣпости Хассанъ-Табо. Останемся нѣсколько на этомъ интересномъ преданіи. Адоу по абхазски значитъ собственно богатырь. Въ Абхазіи именемъ Доу или Адоу названъ между прочимъ одинъ изъ извѣстныхъ порываловъ (гдѣ, вѣстятъ сказать, находятъ въ землѣ въ большомъ количествѣ старинныя желѣзныя стрѣлы). Это абхазское преданіе невольно приводитъ намъ на мысль совершенно подобныя преданія, существующія у другихъ кавказскихъ горцевъ. У осетинъ мы также сталкиваемся съ сказаніями о борьбѣ богатырей Доу или Дзау, составлявшихъ въ древнія времена туземное населеніе Осетіи, съ храбрыми и неустранными рыцарями-Нартами, явившимися къ нимъ изъ Персіи и вступившими съ ними въ упорную борьбу, которая кончилась пораженіемъ нартовъ и слияніемъ ихъ съ туземцами²⁾. У кабардинцевъ и черноморскихъ черкесовъ также чрезвычайно распространены преданія о борьбѣ неуклюжихъ великановъ-людо-

¹⁾ Вып. XIII, отд. II (1892 г.) и вып. V (1886 г.).

²⁾ Настоящая статья была уже приготовлена для печати, когда мы получили отъ нашего корреспондента въ Абхазіи, учителя Горской Школы при Ново-Аеонскомъ монастырѣ (въ Пемртехѣ), Б. Г. Хоравы, письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ существующую въ Абхазіи легенду о Нартахъ, совершенно аналогичную Нартовскимъ сказаніямъ Осетинъ и Черкесовъ—Адыгѣ. „Эта легенда, вмѣстѣ съ другими преданіями, сообщаемыми г. Хоравы, будетъ напечатана нами впоследствии въ подробностяхъ. Любопытно, что главнымъ героемъ

ѣдовъ съ храбрыми и хитрыми Нартами ¹⁾ ²⁾.—Передавая абхазское сказаніе о Циклопахъ, я не могу удержаться, чтобы не упомянуть здѣсь встата о любопытнѣйшемъ преданіи о великанахъ одноглазахъ, записанномъ въ Мингрелии, близъ границъ Самурзакани ³⁾. Преданіе это представляетъ почти буквально повтореніе Гомеровскаго сказанія о Циклопахъ. Любопытно, что преданіе приурочиваетъ мѣстожительство этихъ великановъ къ какимъ-то скаламъ на берегу Чернаго Моря, изъ которыхъ вытекаетъ мѣдъ. По нашему разумѣнію, это должно быть не что иное, какъ знаменитыя медовыя скалы на Черныхъ горахъ между Гаграми и Адлеромъ (недалеко отъ устья Взыби), гдѣ въ громадномъ количествѣ гнѣздятся дикія пчелы, дающія въ изобиліи превосходный мѣдъ. Такимъ образомъ, мингрельское преданіе сходится съ абхазскимъ, съ указаніемъ на мѣстожительство великановъ.

Второе сказаніе, которое намъ особенно часто приходилось слышать, такъ какъ оно чрезвычайно распространено въ странѣ—это сказаніе о лѣсныхъ людяхъ (обнаоэ). Эти лѣсные люди изображаются въ сказаніи чрезвычайно дикими существами, которые живутъ въ глуши дѣственныхъ лѣсовъ Абхазіи. Они имѣютъ длинныя волосы. Одѣваются они въ звѣриныя шкуры, и въ груди у нихъ всегда бываетъ привѣшанъ небольшой топоръ. Они очень злы, и встрѣча съ ними въ лѣсу не обѣщаетъ ничего хорошаго. Живутъ лѣсные люди охотой. Въ старое время, когда абхазцы только что явились въ страну, лѣсные люди жили всюду по лѣсамъ Абхазіи и пришлецамъ пришлось вынести съ ними упорную борьбу. Любопытно, что англійскій путешественникъ по Кавказу Фрешфильдъ принялъ это преданіе за истину и въ своемъ Отчетѣ въ Королевскомъ Географическомъ Обществѣ объ экспедиціи для разысканія погибшихъ на Кавказѣ англичанъ, сообщаетъ, ссылаясь на авторитетъ русскихъ официальныхъ лицъ, о существованіи въ лѣсахъ Абхазіи, въ долиняхъ р. Кодора, дикихъ лѣсныхъ людей.

Третье преданіе, о Цаніяхъ, или Ацанахъ, безспорно, самое любопытное изъ всѣхъ. Насколько мнѣ извѣстно, въ литературѣ оно пока не появлялось. Прежде чѣмъ рассказать его, я долженъ ознакомить Васъ, Мм.

является здѣсь, какъ и въ Осетинскихъ и Черкесскихъ сказаніяхъ, все тотъ же Сосрыко (по абхаз. Сесрива, черкесск. Саузерукъ), рожденный чудеснымъ образомъ отъ обольстительной и хитрой женщины Сатанъ.

¹⁾ Нартовскія сказанія Осетинъ, Джантемира Шанаева (Сборн. Свѣд. о Кавк. Горд. вып. V).

²⁾ Изъ Кабардинскихъ сказаній о Нартахъ (Сборн. Свѣд. о Кавк. Горцахъ, вып. V). Вѣрованія, религіозныя обряды и предразсудки Черкесъ, Л. Я. Люлье, Зап. Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ. Кн. V, 1862 г.

³⁾ Петровъ, И. Мингрельское сказаніе объ одноглазѣхъ (Сборн. Матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. V, 1866 г.)

Гг., съ оригинальными постройками, съ которыми это преданіе связано. Постройки эти замѣчательны какъ по своему оригинальному типу, такъ въ особенности по своему положенію высоко въ горахъ, близъ вѣчныхъ снѣговъ. Въ археологической литературѣ о нихъ я не нашелъ никакихъ свѣдѣній. Почти на всѣхъ горахъ Абхазіи, на высотѣ отъ 7000 до 8000 футовъ, находятся оригинальныя городища, имѣющія видъ очень низенькихъ каменныхъ оградъ, сложенныхъ изъ необтесаннаго камня и замкнутыхъ обыкновенно въ видѣ четыре угольника. Большою частію, они находятся въ полуразрушенномъ состояніи, и неопытному глазу въ такихъ случаяхъ бываетъ трудно отличить ихъ отъ естественныхъ грудъ камней, образующихся на этихъ высотахъ путемъ обваловъ и осыпей. Расположены они обыкновенно гдѣ-нибудь на ровной лужайкѣ, удобной для пастбы скота, близъ горнаго потока. Эти постройки носятъ у туземцевъ названіе Цани-гвара, т. е. ограда Цаніевъ. Вотъ что говоритъ объ этихъ Цаніяхъ народное преданіе (замѣтимъ — совершенно тожественное какъ въ Бзыбской Абхазіи, такъ и въ Абжуа и Самурзакани). Нѣкогда въ этихъ оградахъ жили карлики, принадлежавшіе къ племени Ацанъ или Цаніа (первое названіе абхазское, второе — самурзаканское). Тогда на землѣ было еще то блаженное время, когда не существовало ни вѣтра, ни холода, ни дождя, ни снѣга, ни даже — различія между днемъ и ночью. Солнце вѣчно сіяло на безоблачномъ небѣ, и Цаніямъ не было вовсе холодно на этихъ высотахъ, которыя теперь доступны для жительства лишь въ теченіе 3-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Цаніи беззаботно жили здѣсь со своими стадами, которыя паслись на сочной травѣ нагорныхъ луговъ, возлѣ прохладныхъ ручьевъ, бѣжавшихъ изъ подземныхъ источниковъ. Питались Цаніи исключительно молочными продуктами и мясомъ козъ; мясо ѣли сырымъ, такъ какъ употребленія огня не знали. Цаніи были очень нечестивый народъ, который совершенно не хотѣлъ признавать существованіе Бога. И вотъ Богъ, разгнѣвавшись на нихъ за ихъ невѣріе, задумалъ наказать ихъ. Однажды, кто-то изъ Цаніевъ замѣтилъ, что у козла, стоявшаго неподалеку на скалѣ, стала пошевеливаться борода, и вслѣдъ за этимъ Цаніи почувствовали новое для нихъ ощущеніе холода. Это былъ вѣтеръ, который послалъ въ 1-й разъ Богъ на землю, чтобы наказать нечестивыхъ Цаніевъ. Вѣтеръ нагналъ черныя тучи, которыя закрыли отъ Цаніевъ солнце, и вскорѣ съ неба стали падать бѣлые хлопья ваты, которые и покрыли всю землю. Вслѣдъ за тѣмъ, Богъ послалъ съ неба огонь, который воспламенилъ вату и сжегъ Цаніевъ. — Вотъ сущность преданія о Цаніяхъ. Преданіе это я слышалъ отъ нѣсколькихъ лицъ, и всѣ они его повторяли приблизительно въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ.

Разсказавъ о постройкахъ Цаніевъ, я долженъ упомянуть еще объ одномъ крайне любопытномъ памятникѣ старины, который мнѣ также довелось наблю-

дать въ горахъ Абхазіи. Именно, я хочу сказать о жертвенникахъ, которые находятся на многихъ горныхъ перевалахъ. Я лично видѣлъ ихъ на высокихъ перевалахъ Дзина и Хымсы. Въ «Воспоминаніяхъ Кавказскаго Офицера» упоминается о подобномъ же жертвенникѣ на перевалѣ черезъ Главнѣйшій Кавказскій Хребетъ, въ Абхазіи, у г. Капышистры. Жертвенники эти состоятъ изъ нѣсколькихъ сложенныхъ въ видѣ четырехугольника камней. Сюда каждый переваливающій черезъ хребетъ обязанъ положить какое-нибудь приношеніе Духу Горъ, который иначе пошлетъ ему на дорогѣ туманъ или свѣжнюю вьюгу. Приношенія эти бываютъ самаго разнообразнаго характера. Обыкновенно кладутъ пули, деньги, какое-нибудь ненужное оружіе; женщины— пуговицы, ножницы, лоскутки. На жертвенникѣ Дзина я встрѣтилъ въ числѣ приношеній между прочимъ большой кристаллъ известковаго шпата. Никто изъ спутниковъ не смѣетъ присвоить себѣ какую-либо изъ находящихся на жертвенникѣ вещей, подъ страхомъ неминуемаго наказанія свыше. Описываемые жертвенники принадлежатъ, очевидно, глубокой древности, такъ какъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ грудѣ накопившихся вѣками приношеній находятся, между прочимъ, желѣзные наконечники стрѣлъ и копій, откуда и происходитъ абхазское названіе такихъ жертвенниковъ «Ахчаквахыку», т. е. мѣсто, гдѣ лежатъ стрѣлы. Вотъ образцы этихъ наконечниковъ, собранные мною въ землѣ на пер. Ачавчара. Они совершенно подобны тѣмъ, которые находятся на пер. Дзина (съ пер. Дзина я не могъ захватить ихъ, такъ какъ зорко наблюдавшій за мною все время проводникъ не позволялъ мнѣ сдѣлать этого ¹⁾).

Вообще, памятники старины въ Абхазіи едва затронуты изслѣдованіями и нуждаются въ дѣятельномъ, дальнѣйшемъ, изученіи. Въ Абхазіи напримѣръ, есть много пещеръ, служившихъ нѣкогда мѣстожительствомъ человѣка, которыя крайне интересно бы изслѣдовать. Самая любопытная изъ этихъ пещеръ или, вѣрнѣе, пещерныхъ жилищъ, есть Мычишская пещера, между сел. Отхары и Блабурхва. Она находится въ скалѣ, изъ подъ которой вытекаетъ р. Мычишь. Подойдя ближе къ этому мѣсту, вы увидите передъ собою громадную совершенно отвѣсную скалу, въ которой виднѣются въ разныхъ мѣстахъ 4-угольныхъ отверстія—родъ оконъ. Вообще, скала имѣетъ совершенное подобіе знаменитой скалы Уплись-Цихе, близъ г. Гори. Въ мычишскую пещеру въ недавнее время, говорятъ, пробовалъ пробраться одинъ абхазскій князь, проживавшій въ сел. Отхары, Маджаръ Ширвашидзе (не-

¹⁾ Въ Черноморскомъ округѣ, въ бассейнѣ р. Мамыты, около одного домена близъ сел. Романовскаго, находятъ наконечники стрѣлъ и копій, совершенно сходные съ описываемыми.

давно умершій). Для этого онъ съ помощью нѣсколькихъ десятковъ людей соорудилъ родъ воздушнаго моста, по которому онъ достигъ одного изъ оконъ и черезъ него спустился въ пещеру. Князь ограничился однако изслѣдованіями только первой комнаты, такъ какъ не рѣшился спутиться въ другія. Въ этой комнатѣ онъ нашелъ какіе-то серебряные сосуды, которые, говорятъ, были переданы имъ мѣстному участковому начальнику. Какая дальнѣйшая судьба постигла ихъ—мнѣ неизвѣстно. Не мѣшало бы поэтому гг. археологамъ серьезно заняться обслѣдованіемъ Мычишской пещеры. Равнымъ образомъ я хотѣлъ бы обратить вниманіе археологовъ на крайне-интересную въ археологическомъ отношеніи мѣстность, находящуюся въ Самурзакани, на правомъ берегу р. Ингура, около селенія Дихазурги. Это такъ наз. Дихагузба. Мѣстность, извѣстная подъ этимъ именемъ, лежитъ на СВ. склонѣ г. Сатанжи, которая сама по себѣ представляетъ много интереснаго. На вершинѣ этой страны находится высокая старинная башня, видная издалѣка, а внизу у подошвы горы, на берегу р. Ингура, также находятся какія-то развалины. Въ районѣ этой мѣстности издавна, при распашкѣ земли, дѣлаютъ находки разныхъ вещей, преимущественно оружія. Я имѣлъ случай видѣть нѣсколько такихъ находокъ. Это суть: мѣдный (или бронзовый) топоръ, наконецникъ копья и женская застежка (фибула).

Этимъ свѣдѣніемъ я и закончу свое сообщеніе, которое и безъ того уже разрослось до нежелательныхъ размѣровъ.

Въ заключеніе я считаю своимъ долгомъ повторить, что я вовсе не имѣлъ въ виду своимъ сообщеніемъ вносить что-либо существенно-новое въ этнографическую литературу объ Абхазіи. Я желалъ лишь, изложеніемъ своихъ личныхъ 5-лѣтнихъ наблюденій, устранить кое-какія ошибки, вкравшіяся въ эту литературу и до сихъ поръ неисправленныя. Мнѣ хотѣлось также возбудить среди этнографовъ интересъ къ абхазцамъ — этому любопытному народу, являющемуся въ настоящее время единственнымъ представителемъ тѣхъ рыцарскихъ черкесскихъ племенъ, которыя нѣкогда, еще не такъ давно, занимали все Восточное побережье Чернаго моря вплоть до р. Ингура,—народу, который, къ сожалѣнію, теперь подъ давленіемъ русской культуры быстро утрачиваетъ свою племенную самобытность.

Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ
матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской
(1839—1842).

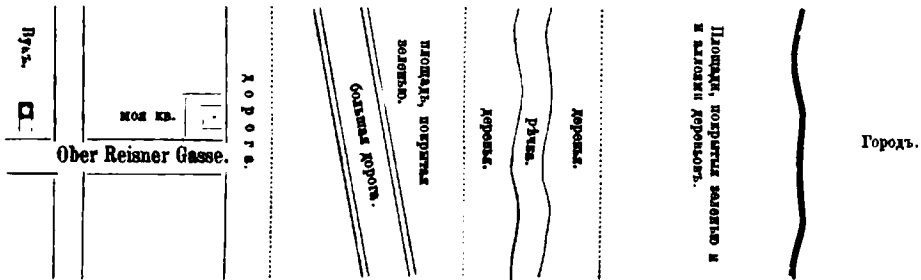
ЛІХ.

№ 49. Копія (потому что подлинникъ написанъ такъ, что и мнѣ самому трудно читать... И такъ копія:)

Вѣна. Декабрь 1841.

Я не пишу числа, потому что дни у меня текутъ одинъ за другимъ безъ различія, и это съ малыми перемѣнами будетъ продолжаться, кажется, все время пока буду въ Вѣнѣ. Почти каждой и почти цѣлой день я дома: въ 8 часовъ пью кофе; потомъ занимаюсь до обѣда; потомъ въ $\frac{3}{4}$ перваго приносятъ мнѣ обѣдъ; послѣ обѣда лежа читаю пока свѣтло, иногда, впрочемъ иногда, и вздремну; далѣе зажгу звѣчку—и за работу до чаю, въ $\frac{1}{8}$ пью чай, и потомъ опять занимаюсь до 9; въ 9 ложусь на софу, и читаю что нибудь легкое для развлечения (напр. теперь Ифланда драмы). Выхожу изъ дому, когда или что нужно купить или въ книжныя лавки расплачиваться (а книги присылаютъ мнѣ на домъ, и я выбираю, что нужно), или въ бібліотеку, или къ Вуку, или наконецъ въ театръ (не болѣе разу въ недѣлю), или, что еще рѣже, на почту отдать письмо и спросить, нѣтъ-ли мнѣ. Меня посѣщаютъ рѣдко: раза два въ недѣлю молодой Сербской литераторъ—студентъ университета Петровичъ, иногда на вечеръ зайдетъ Вукъ. Мнѣ не скучно, а бываетъ грустно (вотъ почему и читаю драмы и повѣсти): не получивъ еще позволенія остаться за границей, я боялся, что мнѣ откажутъ въ просьбѣ; а теперь, получивши его, я бы полетѣлъ домой. Моя несносная сосѣдка заставляетъ меня каждой день повторять: «хорошо въ чужи, а дома лучше»; играетъ себѣ да играетъ то самое, что вы играли тогда, когда—фу! за два года слишкомъ. Если-бы уже скорѣе лѣто, т. е. весна: пошелъ бы бродить,—ужь теперь побреду на востокъ, все ближе къ вамъ.

Моя квартира на углу той улицы, гдѣ я жилъ прошлую зиму, вотъ такъ:

Дорога въ городъ та же; та же старушонка счищаетъ грязь съ дороги, гдѣ люди переходятъ, и также получаетъ отъ меня по 2 крейцера въ недѣлю и за то зоветъ меня Милостью; та-же шармантка подлѣ мостика и тѣ-же яблоки и пирожки подлѣ шармантки, и та-же нищая съ дитятыю за мостикомъ.

Въ Стефановской церкви бываю довольно часто. Кстати: въ варварской Россіи ликъ Божіей Матери пересталъ лить слезы при Петрѣ; а въ образованной Германіи, въ Вѣнѣ—у деревянной статуи распятія въ церкви Стефана еще и до днесь борода растетъ и бороду стригутъ. Я приглядывался къ этой бородѣ: густая, черная; растетъ-ли, примѣтить мудрено, а всѣ ей молятся и говорятъ, что ей-Богу растетъ. Чудная борода. Да и Стефановская церковь чудна: кто ходитъ въ нее молиться, кто (какъ я грѣшной) проходить черезъ нее, чтобы не обходить ее; а кто ради свиданія—кавалеръ для свиданія съ дамой, дама съ кавалеромъ. Церковь огромна, угловъ множество, темно всегда: никто не знаетъ и не видитъ, кто молится, кто проходитъ мимо, кто «свидается».

22-е дек.

Вчерашній вечеръ я провелъ такъ, какъ давно уже, давно не проводилъ. Въ Hofburgtheater вчера разыгрывали Гайдново Сотвореніе міра. Сцена во всю длину претворилась въ амфитеатръ пулпетовъ, у которыхъ по скамьямъ сѣли около 150 музыкантовъ; передъ ними на возвышеніи режиссеръ, ниже ихъ, т. е. ближе къ публикѣ около 100 пѣвчихъ; еще ближе Штаудигль, Лосъ и г-жа Гассель-Бартъ, а между ними фортепіано. Театръ былъ довольно полонъ, хотя впрочемъ и были пустыя мѣста; былъ императоръ съ императрицей, нѣсколько принцевъ и принцессъ.—Впечатлѣній передать вамъ не могу; скажу только, что я плакалъ, не могъ удержаться, сколько ни старался.—А вотъ содержаніе ораторіи:—Вступленіе громовито; только иногда громаы смолкаютъ, и нѣжный, стройной, тихій, но могущественный голосъ отъ

скрыпки къ скрыпкѣ, отъ виолончели къ флейтѣ, и—опять громъ и трескъ. Далѣе арх. Рафаиль (Штаудигль—бассъ) поетъ: «въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю и земля была безъ образа и пуста, и тьма лежала надъ глубиною». Хоръ ангеловъ: «И духъ Божій носился надъ водами, и Богъ молвилъ: Будь свѣтъ, и сталъ свѣтъ». Арх. Уриль (Досъ—теноръ): «И Богъ отдѣлялъ свѣтъ отъ тьмы»,—и далѣе поетъ пѣсню о первомъ днѣ и паденіи демоновъ. Хоръ: «съ отчаяніемъ, яростью, ужасомъ пали они—и новый свѣтъ возсталъ по Божью слову». Арх. Рафаиль: о сотвореніи тверди и пѣсню о воздушныхъ явленіяхъ. Арх. Гавріиль (Гассель-Бартъ—дискантъ) пѣсню хвалы Творцу. Хоръ повторяетъ. Рафаиль: объ отдѣленіи суши отъ водъ и пѣсню о морѣ и рожденіи скаль, потоковъ, рѣкъ. Гавріиль: «да будетъ зелень, деревья, плоды»—и пѣсня. Уриль съ хоромъ поетъ хвалу Богу, и потомъ: о звѣздахъ, солнцѣ и мѣсяцѣ. Далѣе тріо (три архангела): «день дню и ночь ночи повѣдаютъ славу его,—и слово Его идетъ по свѣту, звучное для всякаго слуха, и ничьему слуху не чуждое». Хоръ повторяетъ. Финаль оканчиваетъ первое отдѣленіе. Вотъ мѣста, гдѣ я не могъ удержаться отъ слезъ: «И сталъ свѣтъ», «Колышется море», «И мѣсяцъ восходитъ» (это неподражаемо: начинаютъ низкіе инструменты—контрабасы, барабаны, но едва слышно, потомъ пристають виолончели, далѣе альты, а между контрабасы и барабаны уже едва слышны, далѣе скрыпки—и все тихо, и медленно, и все скорѣе, все громче), послѣдній хоръ и конецъ тріо «ничьему голосу не чуждое, ничьему!.. ничьему?—ничьему». 2-ое отдѣленіе. Гавріиль: «И Богъ молвилъ да будутъ живыя творенія и птицы», и пѣсню: «На могучемъ крылѣ паритъ гордо орелъ, и мчится къ солнцу; жаворонокъ веселой пѣснью встрѣчаетъ утро, и о любви коркуетъ (girrt) пара голубковъ, а по рощамъ раздаются соловья—еще не тосковали они». Я опять въ слезы; а мѣсто о парѣ голубковъ было выше слезъ. Рафаиль: о созданіи рыбъ. Тріо. Рафаиль: «И Богъ рекъ: да будутъ звѣри», и потомъ пѣсню. Уриль: И Богъ создалъ человѣка по образу своему, и далъ ему душу. Общая пѣсня о человѣкѣ—простая, но достойная человѣка. Тріо. Хоръ. Аледуя. Въ третьемъ отдѣленіи остается одинъ Уриль, и являются Адамъ и Ева (Штаудигль и Гассель-Бартъ). Они поютъ пѣсню хвалы Богу, и еще одинъ дуеть (превосходной) о своей любви. Хоръ. Финаль.—Музыка исполнила свое дѣло чудесно: пѣвчіе было мало чѣмъ хуже нашихъ (дисканты плохи—это были ученики). Штаудигль пѣлъ съ чувствомъ, но это не протодяконской бассъ. Гассель-Бартъ была превосходна: ея партія чрезвычайно трудна и разнообразна; но слушатель не могъ замѣтить ни въ ея голосѣ, ни въ движеніяхъ, гдѣ ей трудно. О согласіи цѣлаго я не говорю.—Давно я не наслаждался такъ,—и никогда не жалѣлъ болѣе, что васъ нѣтъ: мы бы забрались въ уголокъ

ложи — и вдоволь бы наплакались. Въ одиночку меньше чувствуешь, да при томъ въ партерѣ что не разсвѣтъ: впереди меня напр. сидѣлъ какой то провинціальный франтъ (Боже избави, если Русской), и то разваливался какъ пьяный (въ счастію его мѣсто подлѣ его было не занято, а то бы негдѣ было разваливаться), то любовался своею перчаткой. А сзади я не могъ не слышать по временамъ: ach, s'is' hübsch = ахъ, вишь ты какъ мило! Это проклятое hübsch: у Нѣмца все hübsch — и холстинковое платье въ $\frac{1}{2}$ гульдена, и только не коровье лице, и — божественное произведеніе искусства.

26-е.

Сегодня утромъ я былъ съ Вукомъ у князя Милоша. Милошъ былъ въ 1839 изгнанъ изъ Сербіи, и какъ помѣщикъ жилъ въ Валахіи, между тѣмъ какъ его сынъ Миланъ (іюня 1839), а послѣ его смерти другой сынъ Михаилъ избранъ княземъ. Милошъ изгнанъ за жестокости. Онъ впрочемъ сдѣлалъ много для Сербіи. Я принять былъ имъ ласково и просто. Говорили большею частію о древностяхъ Сербіи: видно, что онъ знаетъ Сербію прекрасно. Онъ уже здѣсь лѣто и зиму. Не добивается ли чего черезъ Австрію? Не мудрено... а молодецъ: настоящій Запорожскій гетманъ.

30-е.

19-го я былъ въ театрѣ, когда давали Лира; а сегодня слушалъ Гамлета. Лиръ былъ данъ превосходно: Аншюцъ игралъ Лира, и точно, надобно его слушать, что бы понять, какъ все въ этой роли естественно, даже самой монологъ: «Бушуйте вѣтры (Blow, winds). Лѣве игралъ шута, Лѣве — шута — и чудесно. Всѣ другіе играли хорошо. — Вчера было не то: пьесу окоротили, выбросивши много прекрасныхъ мѣстъ. Гамлета игралъ Лѣве — очень хорошо; впрочемъ не въ монологъ «Быть или не быть» и не въ отвѣтъ Цолонію «Слова, слова, слова». Реттигова играла Офелію: были мѣста прекрасныя, но вся Офелія мнѣ не понравилась. Аншюцъ въ роли духа-короля былъ тоже хорошъ. Остальные дрянъ. Не ожидалъ я этого въ Вѣнѣ. Лучше бы было остаться дома и читать съ Вукомъ пѣсни: каждый вечеръ приходитъ онъ ко мнѣ, снимаетъ свою деревянную ногу, ложится, — пьемъ чай, а потомъ читаемъ пѣсни.

Finis coriae.

Вотъ на отвѣтъ письму № 18, которое получилъ я вчера — и мѣста нѣтъ. Слѣдующій листокъ начать; но онъ въ другое время пошлется, какъ

№ 50. Приходится тамъ отвѣчать. Не сердитесь, душенька маменька, если рѣдко буду писать: не о чемъ. Струве ¹⁾ сейчасъ буду писать: надпишите на конвертѣ его имя и отчество.

ЛХ.

№ 50.

Вѣна. 4 Января 1842.

Наконецъ зима: 1-го января былъ морозъ, 2-го и 3-го рѣчка Вѣна стала, сегодня снѣгъ, Русской снѣгъ,—и на душѣ у меня какъ-то весело— не потому что холодно на дворѣ, а потому что у меня тепло. До сихъ поръ я сижу дома въ легенькомъ холстинковомъ полу-халатѣ, и водятся даже мухи. Одна изъ этихъ мухъ очень любитъ скрипъ моего пера, живетъ на моемъ столѣ, и прилетаетъ иногда на бумагу, на которой я пишу, ходитъ туда и сюда, осматриваетъ внимательно, что я написалъ или что пишу, суетится около пера, какъ будто желая помочь мнѣ,—предобрая муха. Время мое идетъ по прежнему: дома, а вечеромъ приходитъ Вукъ, пьемъ чай и читаемъ Черногорскія пѣсни. Эти чтенія и бесѣды съ нимъ мнѣ очень полезны, и со стороны глядя даже милы: старикъ сниметъ свою деревянную ногу, ляжетъ на софу, гдѣ я заранѣе приготовлю ему подушку; а я у столика съ книгой и карандашомъ въ рукѣ.

Третьяго дня былъ въ Kärntherthor театрѣ. Давали Роберта-дьявола. Прекрасная вещь. Къ тому же Люцерова. Эта дѣвушка вся изъ бархата, и весела, даже до досады, потому что часто неумѣстно; а голосъ—бархатное серебро. Другіе посредственны; а почтенный Робертъ-дьяволъ ниже посредственности: это теноръ въ родѣ нашихъ извоищичьихъ, кричащихъ «падй».—Сегодня даютъ Гугенотовъ, т. е. Гвельфовъ и Джибеллиновъ, какъ ихъ въ Австріи перекрестили. Не знаю, идти или нѣтъ. И въ театрѣ хорошо, и съ Вукомъ то-же...

^{1/13} Января 1842.

Вукъ ушелъ; я остался одинъ; читалъ сидя, читалъ лежа; погасилъ свѣчу, думалъ заснуть,—и черезъ часъ опять зажегъ свѣчу. А вотъ теперь съеть полночь: новый годъ нашъ. Три года тому назадъ мы были вмѣстѣ. Помню, какъ сидѣлъ я на вашей постели, какъ мы разговаривали съ вами о Маничѣ (дай, Боже, ей счастья). Какъ бы я желалъ опять сидѣть на вашей постели, и разговаривать—о чемъ угодно, хоть молча сидѣть, лишь бы съ вами, лишь бы чувствовать, что я не одинъ на этомъ свѣтѣ. И знаете-ли, душенька маменька, я боюсь за себя: мнѣ все кажется, что странническая

¹⁾ П. И. Струве—лекторъ англійскаго яз. въ Харьковскомъ университетѣ.

жизнь сдѣлала меня такимъ круглымъ сиротою, что я уже и чувствовать перестала, имѣю ли родныхъ; мнѣ все кажется, что я люблю васъ менѣе нежели прежде. Думаю объ этомъ и пугаюсь самъ себя. А утѣшаю себя въ минуты грусти тѣмъ, что не знаю грусти безъ воспоминанія о васъ, что чувствую грусть только потому, что васъ нѣтъ. И въ минуты радости опять радость моя не полна, потому что мнѣ бы хотѣлось раздѣлить ее съ вами. Я боюсь; впрочемъ и утѣшаю себя. Да и если бы,—три года привычки къ равнодушію изглядятся, какъ не бывали, въ одинъ мѣсяцъ, менѣе, когда буду каждый день, каждый часъ чувствовать вашу любовь ко мнѣ. Цѣлую вашу ручку, и молюсь, да сохранитъ Богъ ваше здоровье и покой.—Поклонитесь нашимъ знакомымъ, и поздравьте ихъ отъ меня съ новымъ годомъ,—по крайней мѣрѣ съ Крещенской ¹⁾).

Все еще ¹/13.

Былъ сегодня у Милоша князя. Очень былъ радъ моему посѣщенію.—Послѣ обѣда лежу покойно на софѣ. Вдругъ кто-то стучится, по обычаю, въ дверь.—Herein, то есть милости просимъ, говорю я,—и входитъ дама, а съ нею дитя. «Не угодно ли вамъ пожаловать herüber (не знаю какъ, бы перевести: «на нашу сторону», что ли, или «напротивъ»), если угодно, какъ любителю и знатоку взглянуть на tableau, тамъ выставленные!» Мало по малу—по голосу, я узналъ, что это моя сосѣдка (голосъ мнѣ слышенъ черезъ двери, а ее я еще не видалъ). Прошу садиться, прошу объяснить дѣло. Далѣе я одѣлся и пошелъ. Сосѣдъ мой отставной офицеръ—калѣка, не старей человекъ (а что съ костьюлемъ, это я тоже слышалъ черезъ дверь); у него жена и дочь; у нихъ родственница,—кажется, дѣвушка, хоть я и назвалъ ее «gnädige Frau» (это та самая, которая была у меня). Впрочемъ вотъ картина или табло: изъ бумаги и дерева сдѣланъ аршина въ 2¹/₂ шириною и вышиною дворецъ съ подъездомъ; передъ нимъ пѣшіе и конные, экипажи и возы, все небольшое, но сдѣлано такъ, что и колеса крутятся, и двери отворяются, и внутри сидятъ одѣтыя дамы и кавалеры. Потомъ поднялась передняя стѣна и я увидѣлъ большую залу съ зеркалами, съ люстрами, со множествомъ народа: одни идутъ польскій, другіе играютъ въ билиардъ, иные въ карты, и такъ далѣе, всего штукъ до 300. Это все дѣлалъ отъ скуки мой сосѣдъ. Но этимъ не все кончилось. Онъ повелъ меня къ столику и показалъ мнѣ точно чудеса: по желѣзной дорогѣ идетъ машина, тянетъ за собой экипажей 10, внутри наполненныхъ людьми, коровами, а на заднемъ возѣ

¹⁾ Т. е. съ Харьковской Крещенской ярмаркой.

коляска, и въ коляскѣ лакей показываетъ барину на что-то рукою, а баринъ глядитъ въ подозрную трубу, — и все это приводится въ дѣйствіе, то есть тянется, одною блохою: можете представить, какъ все это велико. Различ. та-кихъ крошечныхъ экипажей съ колесами, дверцами, людьми внутри, у него множество. Есть и блохи, которыхъ онъ кормитъ своей кровью. — Каждая блоха въ платки, то есть приклеена спиною къ платку. Есть блохи, играющія на скрипкѣ и флейтѣ, фехтующія шпагами и прочая. — Чудеса да и только! Вукъ идетъ. —

20-е.

Сегодня Вукъ пришелъ ко мнѣ съ такой исторіей: въ субботу шли дѣти изъ училища; между ними и сынъ живописца Галера съ другимъ. Подходить къ нему какой-то человѣкъ, приласкалъ, далъ ему что-то, и прибавилъ, что «иди вонъ къ тому человѣку, — онъ дастъ тебѣ кое-что». Дитя пошло. — На другое утро нашли дитя мертвое подъ стѣной городской, какъ будто бы оно упало со стѣны, и убитось. Взяли тѣло въ больницу или клинику — не знаю; оказалось, что оно было изнасиловано и удушено. Полиція ищетъ преступника, — и, если въ этой ужасной исторіи замѣшанъ какой нибудь баринъ, то конечно не найдеть. — А простыхъ убійствъ бываетъ довольно: такъ что по гласису (по аллеямъ между мною и городомъ) ходить поздно не безопасно; иной подумаетъ, что у проходящаго деньги въ карманѣ, да отведетъ къ Харону. Это я уже знаю, и идя по гласису изъ театра всегда вооруженъ (!) горстью песка, который постоянно остается въ карманѣ сертюка.

Сегодня балъ при дворѣ, и площадь передъ дворцомъ уложена соломой отъ стука экипажей, какъ будто для тяжело больного.

25-е.

Преступникъ найденъ: родной дядя дитяти и еще кто-то. Ужасно! Открылась и еще подобная исторія.

Вчера я былъ въ Греческой церкви, гдѣ славяли день Савы; пѣли по Сербски. Оттуда къ Милошу. — А вечеромъ былъ въ театрѣ, въ которомъ еще никогда не былъ — въ Theater an der Wien. Это собственно Вѣнскій театръ. Все играется на Вѣнскомъ простомъ нарѣчій; понимать очень трудно; а играютъ очень хорошо, по крайней мѣрѣ очень смѣшно. Вчера давали Цыганъ. Гдѣ-то на границѣ было помѣстье одного Гутбезитцера (помѣщика), старика, который за двадцать лѣтъ имѣлъ жену, и въ несчастномъ случаѣ потерялъ ее въ лѣсу вмѣстѣ съ сыномъ малюткой, а черезъ 20 лѣтъ забылъ о всемъ и, хоть старъ, но думаетъ жениться. Не надѣясь на другую партію,

онъ хочетъ жениться на дочери каменотеса, живущаго въ его селѣ. Камердинеръ его находитъ себѣ невѣсту въ дочери угольщика. Между тѣмъ у каменотеса есть работникъ, любящій его дочь и ею любимый, славный парень, только безъ свидѣтельства о рожденіи, а потому и прозванный Цыганомъ. Помѣщикъ, узнавши объ этомъ, выгоняетъ его въ пограничный лѣсъ. Парень попадаетъ въ руки гусарамъ, а капралъ ихъ, узнавши эту исторію и вспомя, что онъ за 20 лѣтъ потерялъ сына, когда еще былъ самъ бродячимъ Цыганомъ, принимаетъ его за своего сына, и сдѣлавши его своимъ quasi рекрутомъ, ставитъ на квартиру въ каменотесу. Камердинеръ, получивши отъ своей невѣсты обручальное кольцо, читаетъ на немъ имя своего барина, въ припадкѣ ревности думаетъ, что баринъ соблазнилъ ее, отказывается отъ нее, и указываетъ барину кольцо. По этому кольцу тутъ дѣло раскрывается: и кольцо и другія разныя разности найдены въ лѣсу капраломъ, когда еще онъ былъ Цыганомъ, и даны угольщику за квартиру, когда онъ у него стоялъ, и принадлежали женѣ помѣщика; а молодой парень сынъ помѣщика.—Нестрой игралъ камердинера, Карлъ—помѣщика, Шулъцъ—каменотеса. Это три знаменитости. Играли прекрасно. Театръ очень милъ; но публика совѣтъ другая: смѣхъ во все горло, сидятъ въ шляпахъ, много нечистаго народу, и лицъ заранѣе отцвѣвшихъ.

1-е февр.

Въ прошлое воскресенье былъ я въ редутѣ, на маскарадѣ. Не танцуютъ, а ходятъ. Замѣчательныхъ масокъ не было, и то замаскированы были однѣ женщины—какія, легко распозналось къ полночи. Они сами заговаривали съ незнакомыми мужчинами, набивались на вниманіе, успѣвали его находить, если не тутъ, такъ и тамъ, и каждая счастливица ждала потомъ удобнаго случая улизнуть изъ залы со своимъ счастливецемъ. Мужчины со своей стороны были также свободны съ масками, отъ словъ доходило до объемовъ. И такой балъ могъ даваться въ императорской залѣ!

А между тѣмъ исторія о задавленномъ дитяти и другомъ, погибшемъ въ школѣ профессора педагогичи и тоже священника, гремитъ. Царь велѣлъ строго рѣшить, говоря—какъ носится въ публикѣ—что «иначе бы подумали, что въ мое царствованіе все идетъ на переворъ (alles gehet umgekehrt)». Простодушіе, достойное его доброй души. Особенно вричатъ женщины, какъ о дѣлѣ до нихъ касающемся.

Къ ихъ большому сожалѣнію, нѣтъ для многихъ изъ нихъ и баловъ: Русскаго посланника нѣтъ, Англійскій не имѣетъ жены, Французскій еще не устроился, и т. далѣе, а въ царскомъ дворѣ больные. И между тѣмъ фашингъ

(масляница) скоро—черезъ 8 дней—кончится. Завтра будетъ балъ при дворѣ, но начнется въ 7 часовъ, и такъ какъ послѣ завтра среда, то и кончится до полночи.

Наши чтенія съ Вукомъ продолжаются; и потому въ театрѣ я не бываю: да и особеннаго ничего не даютъ.

6-е февр.

Вчера я воротился домой около полуночи. Опять былъ на балѣ, былъ въ Елизіумѣ. Такъ называется глубокой двух-ярусный погребъ (въ Johannesgasse), довольно большой и оригинально украшенной. Великъ онъ такъ, что можетъ помѣстить болѣе 1000 народу; а украшенъ вотъ какъ:—спустившись внизъ и прошедши на лѣво, мимо двухъ гардеробовъ, гдѣ отдаются подъ сохраненіе плащи и т. подоб., входяшь въ длинную и узкую залу, поддерживаемую вмѣсто столбовъ слонами, и разрисованную по стѣнамъ разными очень недурными картинами, на которыхъ видите африканцевъ; въ концѣ залы полупрозрачная картина съ изображеніемъ женщины на львѣ, имѣющей представлять Африку, и все освѣщеніе въ фонаряхъ зелено-желто-краснаго цвѣта. Эта зала называется Африка. Изъ нее, корридормъ, въ которомъ находятся дамскіе туалеты и то, что бываетъ нужно и для мужчинъ и для женщинъ, приходите къ углу, въ которомъ на лѣво спускъ въ низъ, а прямо зала небольшая, называемая Мѣсяцъ, разрисованная изображеніями обитателей мѣсяца, съ двумя хорами, изъ которыхъ одни для зрителей съ кругловатыми обошками, а другіе для музыки, т. е. для пяти особъ, изъ которыхъ одна играетъ на скрипкѣ, другая—на гитарѣ, третья—на цитрѣ, четвертая дѣвушка, поющая въ обыкновенномъ костюмѣ, а пятая баба, поющая по Тирольски. (Я забылъ сказать, что въ Африкѣ музыка скрывается за полупрозрачной картиной). Въ залѣ вдоль стѣнъ, также какъ и въ Африкѣ, разставлены столы съ приборами. Вышедши изъ Мѣсяца и спустившись внизъ по двумъ лѣнницамъ, на право имѣете Европу, а на лѣво Азію. Европа есть зала, тоже болѣе узкая нежели большая, съ паркетированнымъ поломъ, съ колоннами на которыхъ поддерживаются хоры, идущіе вокругъ всей залы; по стѣнамъ вдоль залы диванчики и стулья. Азія раздѣляется на два отдѣленія: одно—Китайское съ Китайскими картинами и со сценой для Китайскихъ представлений, подъ которою богатая конфетная лавка (есть конфетная лавка и въ Африкѣ, но не такъ богатая); другое отдѣленіе—театръ обыкновенный, съ ложами для дамъ по обѣ стороны. Черезъ Азію проходишь въ корридоръ, и имъ доходишь въ Америку, которая также раздѣляется на два отдѣленія: одно съ музыкой и готовыми приборами, а другое въ родѣ лѣсу съ колеями желѣзной дороги. Тутъ къ услугамъ

вашимъ готовы экипажи, довольно уродливо-красивые, запряженные дрянными лошадьми; стоитъ купить билетъ, сѣсть въ экипажъ—и поѣдете въ Австралію. Подлѣ того мѣста, гдѣ садятся въ экипажи есть водопадъ смердящей воды (а въ Мѣсяцѣ запахъ напоминаетъ запахъ бани). Австралія вся въ гротахъ, а на небольшой площадкѣ сидятъ три дивихъ, изъ которыхъ одинъ играетъ на гитарѣ, другой на скрипкѣ, а третій на гармоникѣ. Во всѣхъ мѣстахъ хорошо освѣщено, а гдѣ стоятъ столы съ приборами тамъ на столахъ стоятъ стеариновыя свѣчи. По всѣмъ мѣстамъ, кромѣ людей, смотрящихъ за порядкомъ, ходятъ различные шуты, одѣтые кто арлекински, кто во Французскій кафтанъ прошлаго столѣтія, и т. д. Начало въ 7 часовъ вечера. Мы пришли рано, и должны были ждать съ цѣлой толпою другихъ, пока отпрутятся ворота. Можете представить, что за публика сходится въ Елизіумъ, когда въ числѣ ожидающихъ было болѣе такъ называемыхъ дамъ, нежели такъ называемыхъ кавалеровъ. Въ 8 музыка начала играть, а въ 9 было уже такъ полно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нельзя было продраться. Въ Африкѣ, Америкѣ и на Мѣсяцѣ пошли возиться кѣлнера съ виномъ и кушаньями; въ Европѣ начали вальсировать и галопировать; по Австраліи ѣздитъ на клячахъ; въ Азіи то Китайскія нѣмыя сцены, то театр; шуты всюду забавляютъ публику различными смѣшными предивками. Въ половинѣ 10-го былъ поѣздъ или лучше сказать походъ Геркулесовъ, котораго я не видалъ; а въ половинѣ 12-го походъ Фашинга (Масляницы), состоящій изъ различныхъ шутовъ и шутихъ. Однимъ словомъ пестрота занимательная. Различныхъ забавляющихъ и прислуживающихъ было конечно болѣе 100. Публики болѣе 1000. Между личиками встрѣчались и очень хорошенькія, но всѣ размалеваны какъ на театрѣ. За входъ платится 30 крейцеровъ сереб. т. е. 1—20 коп. Согласитесь, что дешево.

S-e февр.

Сегодня я выѣзжалъ изъ Вѣны, чтобы взглянуть еще на одну забаву Вѣнцевъ. Завтра пепельная среда, начало поста великаго, а сегодня послѣдній день Фашинга; какъ не поплакать надъ окончаніемъ Фашинга, не повеселиться въ послѣдній разъ какъ можно веселѣе. Чтобы и поплакать и повеселиться вмѣстѣ, Вѣнцы выдумали обрядъ погребенія Фашинга и исполняютъ его въ различныхъ мѣстахъ около Вѣны. Мы поѣхали въ Дорнбахъ, гдѣ этотъ праздникъ въ рукахъ водовозовъ, полчася отъ линіи Вѣнской. За саиную коляску заплатили мы 4 двугривенныхъ,—и... не думайте, что помчались. Отъ самой Вѣны до самаго Дорнбаха тянулась тесьмою непрерывная толпа народа пѣшаго и сотни экипажей. Всюду, гдѣ было возможно я просилъ

кучера напомнить мнѣ о Россіи, о нашемъ катаньи; но ему рѣдко удавалось вольно ѣхать, еще рѣже обгонять. Когда же ворочались мы назадъ, то должны были каждую секунду ожидать, пробиваясь сквозъ густую толпу народа.— Что же было тамъ?—спрашиваете вы, милая маменька. Это былъ народный маскарадъ въ огромномъ размѣрѣ. Я уже не говорю о различныхъ отдѣльныхъ группахъ и лицахъ въ различныхъ маскахъ, конныхъ и пѣшихъ; тутъ были цѣлыя возы масокъ,—на одномъ, напримѣръ, паша съ гаремомъ, на другомъ всякаго рода селянки съ масломъ, съ курятниками, съ овощами; на третьемъ разнаго рода ремесленники; тамъ ѣдетъ карточная игра, или любители пива; тамъ ѣдетъ не возъ, а огромный пукъ хворосту, и на немъ дерутся маски, будто не въ шутку; на главномъ возѣ самъ фашингъ—чучело съ раз. чучелами по бокамъ, и сзади высоко надъ нимъ еще одно чучело съ фонаремъ; кругомъ бѣгаютъ мальчишки маскированные уродливо и пестро, и, тряся ящичками, собираютъ деньги на этотъ обрядъ; прыгаютъ шуты, водятъ маску—медвѣдя, женщина, замаскированная въ осла ведется мужчиною въ маскѣ возы, и пр. и пр.—И тутъ же военная музыка—безъ масокъ! Весь этотъ поѣздъ выѣзжалъ изъ селенія, объѣхалъ тамъ по полямъ, и воротился. Мы поѣхали назадъ; но пляска и питье и пѣсни будутъ продолжаться до полночи. Ударить полночь,—посыплются щепломъ, и спать, чтобы проснуться съ горькою мыслью, что фашингъ умеръ.

20 февр.

Сегодня я былъ въ Leopoldstadttheater. Театръ очень бѣдной, и построенъ такъ что-бы болѣе было мѣста для простого народа, а ложь очень мало; публика очень, очень простая, за то много крику и вольности. Актеры тѣ же, что и въ Theater an der Wien, и господствующій діалектъ Вѣнскій, и играютъ фарсы, а слѣдовательно хохоту просторъ. У одного помѣщика есть дочка, есть надежда выдать ее за какаго то графа, и есть егеръ, который столько же нравится ей, т. е. не надеждѣ, а дочкѣ, сколько и самъ ее любить. Графъ у помѣщика въ замкѣ, получилъ отъ отца слово, а егерю со своей стороны дочка дала обѣщаніе бѣжать съ нимъ и, обвинившись, просить у отца прощенія. Помѣщикъ выѣзжаетъ на охоту, между тѣмъ какъ два ободранные Вѣнца шляпочникъ и сапожникъ, бѣдняки со сѣвными карманами, голодные, встрѣтившись нечаянно въ лѣсу помѣщика близъ рѣки и познакомившись другъ съ другомъ помощію голода, думаютъ идти въ деревню и промыслить себѣ хоть кусокъ хлѣба. Какъ дичь попадаютъ они охотникамъ, помѣщикъ велитъ имъ немедля выйти изъ его имѣнія; но они мало объ этомъ думаютъ и, нашедши уды, давай пробовать счастья въ ловлѣ рыбы.

Тутъ попадають ихъ мужики и, считая ихъ за воровъ, ведутъ къ сельскому судья. У судьи есть племянница, молоденькая и прехорошенькая, и сколько она ни представляетъ ему, что она имѣетъ уже либгабера, что она готова и утопиться, и повѣсится, и изъ окна упасть, однако старикъ судья неумолимо хочетъ жениться на ней самъ. А тутъ и ведутъ шляпочника и сапожника, которые очень рады, если ихъ запрутъ на хлѣбъ и на воду, лишь бы не умереть съ голода... и на ихъ счастье судья въ сапожникѣ находитъ своего сына, а Фанни въ шляпочникѣ своего незабвеннаго либгабера.—Судья радъ сыну, а Фанни хитра, и обоимъ хорошо: оба не только сыты, но и добыли чистое платье. Фанни назначаетъ своему шляпочнику свиданіе въ дѣсу въ тѣ же 6 часовъ, когда и егеръ дочери помѣщика и въ томъ же мѣстѣ. Между тѣмъ приходятъ въ деревню странствующие актеры; а сапожникъ, провѣдавши какъ-то о назначенномъ свиданіи шляпочника съ Фанни, и сказавши объ этомъ отцу, предлагаетъ отцу запереть Фанни, а самъ, переодѣвшись въ женское платье, идти на свиданье. Въ дѣсу темно. Приходитъ шляпочникъ, приходитъ дочь помѣщика: псъ, псъ, какъ знакомые побѣждали далѣе. Приходитъ сапожникъ, переодѣтой въ женское платье, приходитъ егеръ; псъ, псъ,—и тоже хотятъ идти. Но егерю показалась ручка любезной очень жесткою, онъ взглядывается, даетъ пощечину, и уходитъ искать предметъ своей любви. Сцена перемѣняется: дочь помѣщика въ слезахъ, что попалась въ руки шляпочника, а не егеря, а шляпочникъ сердится что попалъ на нее, а не на свою Фанни. Слышутся рога, шляпочникъ на дерево, а егеръ съ охотниками отводятъ дочь помѣщика къ отцу. (Между тѣмъ директоръ труппы, искавши между селянками актрисы, нападаетъ на мамзель сапожника, уговариваетъ его—ее, и получаетъ согласіе). Шляпочникъ остается на деревѣ, какъ приходитъ кто-то, разговариваетъ самъ съ собою, изъ чего и открывается, что онъ, такъ названный графъ не графъ, а просто мошенникъ, и, укравши у помѣщика шкатулку съ деньгами и драгоценностями, хочетъ дать драла. Шляпочникъ понялъ это, осторожно соскочилъ съ дерева къ нему, за воротъ его, и не пустилъ, пока не сошлись люди. Ихъ повели къ помѣщику; мошенникъ хотѣлъ было обвинить шляпочника въ покражѣ шкатулки, но это ему не удалось, а шляпочникъ въ награжденіе получилъ отъ помѣщика домикъ и Фанни, и егеръ его дочку. Послѣдняя сцена въ театрѣ, гдѣ сапожникъ играетъ женскую ролью.—Смѣшныхъ сценъ безъ щету. Сапожника игралъ Нестрой, а шляпочника—Шульцъ превосходно.

23-е февр.

Жила была гдѣ-то у горъ, а впрочемъ въ землѣ гдѣ владычествуетъ еще Австрійское нарѣчіе, нѣкая молоденькая, столько же веселая сколько

капризная Виртинъ, т. е. содержательница постоялаго двора. Жилъ былъ Гутбезицеръ, часто заѣзжавшій къ ней съ охоты—поѣсть и попить, и былъ очень богатъ. Жилъ былъ жидъ, отдававшій деньги взаймы, если ему давали 1000 на 100. Жилъ былъ молодой живописецъ, очень молодой, очень доброй и очень любившій снимать съ природы виды, а слѣдовательно и бродить по горамъ, между прочимъ и мечтать. Одного недоставало у него—денегъ. Онъ долженъ былъ Виртинѣ чуть-ли не 100 флориновъ, не зналъ какъ ей заплатить. Она однако нашла средство. «Женись на мнѣ,—и долгъ твой заплаченъ». Подумалъ живописецъ и согласился, и переселился къ ней жить, и досталъ у нея слугу для ношенья по горамъ его живописныхъ инструментовъ. Бродя однажды по горамъ, онъ нашелъ на такое мѣсто, куда, какъ ему сказалъ поселянинъ, слетаются иногда феи играть, и пришелъ тогда, когда онѣ готовы были прилетѣть. Онъ притаился подъ кустомъ. Смотритъ, и въ самомъ дѣлѣ слетаются феи, а между ними и молодая ихъ княжна. Чтобы веселиться свободнѣе, онѣ сняли свои покрывала, и княжна также, однако замѣтя имъ, что онѣ должны беречь ихъ, что кто изъ нихъ потеряетъ покрывало, та останется на землѣ, какъ женщина. Игрались, прыгали; а между тѣмъ живописецъ схватилъ съ дерева покрывало княжны, и драла. Наступила буря; феи собрались улетѣть, и улетѣли, а княжна осталась на землѣ, плакала, и улетѣть не могла. Надобно было подумать о землѣ. Къ счастью нашла она пастушій плащъ, и обернувшись въ него пошла исвать пристанища... Случилось ей прежде всего придти къ Виртинѣ, и та приняла ее какъ келнерку (трактирную служанку). Живописецъ узналъ въ ней свой идеалъ, упросилъ ее ввѣрить ему свою судьбу, взялъ у жида на два мѣсяца 100 флориновъ, съ тѣмъ чтобъ заплатить 1000, и пошелъ съ феей. Виртинъ бѣсилась, да нечего дѣлать; а Гутбезицеръ перекупилъ у жида вексель, и пригласилъ Виртину съ собою въ городъ, чтобы она была у него хозяйкой. Та согласилась. И пошло все хорошо. Живописецъ любилъ нѣжно свою фею, не зная, что она фея; а она и любила его и боялась любить. Однажды подслушалъ живописецъ ее разговоръ съ самой собою и съ сестрами, спросилъ что все это значитъ, и, узнавши, что она фея, что можетъ улетѣть на небо, если достанетъ свое покрывало, далъ ей его. Фея было обрадовалась, но, подумавши о томъ, что оставить должна на землѣ живописца, отдала ему назадъ. Было время виноберьбы. На праздникъ сошлось множество народа. Надобно было выбрать и королеву; а обычай требовалъ, чтобы та была ею, кому достанется бѣлая роза, изъ корвинны, гдѣ множество красныхъ и только одна бѣлая. Выбралась бѣлая роза феѣ, а она выбрала королемъ живописца. Ее короновали, и пошли плясать. А тутъ Гутбезицеръ и показалъ живописцу вексель. Живописецъ счастливо работалъ, но когда хотѣлъ заплатить, хватъ—въ карманѣ нѣтъ бумажника: украли Цыгане.

Гутбезицеръ призвалъ полицію, чтобы схватить живописца. Тотъ выхватываетъ у одного изъ солдатъ ружье, хочетъ его, а тутъ прибѣгаетъ фея, и онъ ранить не солдата, а ее, ранить смертно, и его уводятъ въ тюрьму. Сидитъ онъ въ тюрьмѣ; а фея между тѣмъ выздоровѣла, и узнавши, за что посадили его въ тюрьму, стала работать и выплачивать долгъ. Ея покрывало украла у живописца Виртина. Черезъ нѣкоторое время Гутбезицеръ призвалъ живописца и фею, предлагая простить долгъ, если живописецъ уступитъ фею ему. Живописецъ не согласился, а Виртина, зная уже тайну покрывала и думая, что этимъ избавить себя отъ феи, заставитъ живописца любить себя, и отомстить невѣрному Гутбезицеру, накинула на фею покрывало—и та улетѣла. Царица фей обрадовалась ея возврату, горюя о ея страданіяхъ на землѣ, и позволила ей пожелать, чего хочетъ. Фея пожелала воротиться на землю. Прискорбно было царицѣ; но исполнила ее желаніе, и обѣщалась всегда ей помогать, на всегда сохранить за нею сердце живописца. Выпроводили фею свою сестру. Летя надъ землею на облакахъ мимо разныхъ селъ и городовъ, онѣ остановились тамъ, гдѣ указала фея, передъ окномъ у котораго стоялъ живописецъ, и пада къ нему въ объятія.—Вотъ содержаніе пьесы, которую сегодня видѣлъ я въ Josefstadt-театрѣ. Мысль прекрасная; исполненіе, хоть и полное смѣшнаго, глупо. Декораціи прекрасны: особенно послѣдняя—въ облакахъ, на небѣ, и особенно вторая ея половина, когда земля шла мимо облаковъ, безпрестанно мѣняая виды. Музыка набрана изъ разныхъ оперъ. Пьеса дѣлается въ Вѣнѣ *figura*. Играютъ ее теперь почти каждой день, и всякой день биткомъ набито. Я не могъ достать *Speersitz*, и долженъ былъ простоять. Театръ не очень великъ, но хорошенькой. Главное достоинство его декораціи, рисуемая однимъ живописцемъ Полякомъ, по имени Юшковичемъ или какъ то иначе.

26-е.

Сегодня получилъ письмо Алекс. Петр. съ прибавленіемъ отъ васъ и Амвросія ¹⁾. А я было уже и грустить собирался. Слава Богу, вы здоровы; но Амвросій пишетъ, что вы рѣдко выходите изъ дому. Это не хорошо, душенька маменька! Вотъ настаеъ весна, надобно прогуливаться. А къ осени ждите меня. Изъ Вѣны уже скоро выѣду. Книги пошлю изъ Вѣны въ Броды; самъ же тамъ еще не скоро буду. Впрочемъ изъ будущихъ писемъ будете видѣть, куда поведетъ мой путь.—Цѣлую вашу ручку. Вашъ вѣрный сынъ.

Из. Срезаневскій.

¹⁾ Ал. П. Рославскій и Амв. Л. Метлицскій.

LXI.

№ 51.

Вѣна. 4-е мар. 1842.

Какая ужасная погода! Дождь и вѣтеръ. Дождь еще бы туда-сюда, но Вѣнской вѣтеръ—такой вѣтеръ, о которомъ имѣютъ понятіе только степеняки наши. Зонтики ломаются, широкіе подола надуваются какъ шаруса, и дамы летать... и пр. Воды пошла. Кругомъ Вѣны черезъ воду проходу нѣтъ, а слѣдовательно въ Вѣнѣ должны постыть по крайней мѣрѣ безъ молока: такъ мнѣ объявила моя Рези. .

5-е.

Сегодня ужъ совсѣмъ не то: солнце свѣтитъ, тепло, свѣжо; окно у меня отворено; Вѣнцы и Вѣнки встрѣчаютъ весну, гордо выступая, приглаженные, разряженные; травка начинаетъ зеленѣть.

У меня все «выглядываетъ» (говоря по Чешски) или «изгледа» (говоря по Сербски) походомъ: въ комнатѣ, гдѣ занимаюсь, тетради связываются въ связки, а въ другой сундукъ на сундукъ съ книгами, и ждутъ времени, пока улягутся на возъ и поѣдутъ въ Львовъ сирѣчь Лембергъ.

Я былъ сегодня въ Iosephinum'ѣ, въ анатомическомъ кабинетѣ, гдѣ всѣ части человѣческія и цѣлый человѣкъ представлены изъ воска—и какъ въ природѣ. Превосходно—и гадко, отвратительно гадко. Всѣ фигуры сдѣланы во Флоренціи и перевезены на ослахъ сюда.

6-е.

Сегодня я слышалъ такія новости: въ Петербургѣ появился старый пророкъ, какой-то священникъ, предрекшій смерть Екатеринѣ и Павлу, а Александру—войну 12-го года и пожаръ Москвы, теперь царю Николаю онъ предрекаетъ, что въ этомъ 1842 году Англія должна утопнуть, Франція останется какъ корабль на морѣ, залита будетъ и Россія и не будетъ въ ней покояно.—Папу ожидаютъ въ Вѣну въ маѣ. Императоръ собирается въ Галицію объявить лично прощеніе заключеннымъ тамъ Полякамъ. Въ той же Галиціи захватили въ тюрьмы священниковъ, которые, ако-бы подъ вліяніемъ Русскимъ, обратились отъ уніятства къ православію.

Я былъ сегодня на представленіи Егмонта Гетева; Егмонта игралъ Лѣве порядочно; Оранскаго — Аншюцъ порядочно; Маргариту — Реттигова превосходно, Альбу — Маресь очень, очень хорошо, Кларкенъ—г-жа Пехе не

совсѣмъ ровно, но съ чувствомъ, пьеса Фанзена—де-ла-Рошъ чудесно. Пьеса была сокращена. Музыка къ ней небольшая, но очень хороша. А сосѣдкою моею была Люцерава. Полная, жирная дѣвка, лѣтъ двадцати пяти. Не знаю почему, но мнѣ подлѣ нея было тѣсно. Три антракта я ни слова; на четвертый я рѣшился, и то уже садясь опять на мѣсто, и сказалъ ей «proszm za otprušténj». Она стала подбирать свое широкое черное платье, и отвѣчала: «to nic ne delá». Потомъ она спросила меня: Sind sie lange aus Böhmen?— Ein jahr, etwas mehr.—Sie sind ein Böhme? - Um Verzeihung, ich bin kein Böhme.—Und sie sprechen doch Böhmischn? Gefált ihnen diese Sprache?... O, sehr.— Ja, ja, ja—una bella lingua.—Si, signora, e veramente bella, come quella che potesse... Ich danke höflichst... и за этимъ сдѣлала такую мину, что я не зналъ что и отвѣчать. Кстати была начавшаяся сцена. Послѣ окончанія акта она вышла, оставивши мнѣ поклонъ въ родѣ той старухи, съ которою ушла. Сидѣла скромно и даже безъ лорнета, по моему.

¹/₁₂ Марта.

Вукъ получилъ отъ нашего царя большую золотую медаль, и на радости давалъ вчера званый обѣдъ въ домѣ купца Тюрки. Надобно знать, что мать этого Тюрки была первая благодѣтельница Вука. Цѣлую недѣлю работая какъ прилежная хозяйка, воскресенья посвящала она книгамъ и литературѣ, особенно Сербской, была дружна съ Добровскимъ, со многими другими учеными, и когда Вукъ сталъ печатать свой Словарь, дала ему 2000 флор. серебр. (безъ малаго 5000 руб.). Сынъ уже не то что покойная мать, но всетаки добрый человѣкъ, и Вукъ по прежнему въ домѣ другъ. За обѣдомъ былъ Милошъ, его секретарь и нѣкій Гоппе, человѣкъ въ родѣ Милошева хвоста, идеаль раба, а впрочемъ корреспондентъ Аугсбургской Всеобщей Газеты. Обѣдъ былъ прекрасный, вина пили вдоволь, и веселы были всѣ. Милошъ началъ здравицей царю, я отвѣчалъ ему на это здравицей его; далѣе пили за здоровье Вука, за память покойной хозяйки и пр. Передъ концомъ выпилъ Милошъ за счастливое мое путешествіе и я отвѣчалъ ему опять его здоровьемъ. Разошлись въ 7 часу.

16-е Шопронъ (Oedinburg) въ Венгріи.

Вы сыщете этотъ городокъ не далеко отъ Вѣны на югъ. Вотъ какимъ побытомъ я очутился въ немъ:—по дорогѣ изъ Вѣны въ Триестъ, близъ Вѣны есть городокъ Wiener Neustadt; въ немъ есть кадетскій корпусъ, а въ немъ профессоромъ Чехъ Фіалка. Фіалка былъ у меня въ Вѣнѣ, и предложилъ мнѣ сдѣлать вмѣстѣ съ нимъ прогулку къ Хорватамъ живущимъ.

Венгрію на границахъ Австріи вокругъ Желѣзнаго (Eisenstadt), Шопрони и близь Мутенскаго озера (Neusidler See). Такимъ образомъ я сѣлъ на желѣзную дорогу вчера послѣ обѣда, и черезъ два часа былъ въ Нейштатѣ; а сегодня сѣли мы съ Фіалкой въ коляску—и пріѣхали сюда. Съ нами вмѣстѣ ѣздилъ Древницкій, тоже профессоръ корпуса. Осмотрѣвши этотъ городокъ, мы пошли къ озеру (1 1/2 часа отъ города) и полюбовались на него; возвратившись, пошли къ попу изъ Хорватовъ и спрашивали его, а теперь, возвратившись, собираемся спать. Завтра идемъ назадъ пѣшкомъ черезъ Хорват. деревни.

17. Нейштатъ.

4 мили пути. Я не усталъ, но мои сапоги скривились, и ноги на пяткахъ болятъ. Хорваты чудесной народъ: мужчины высоки ростомъ, женщины красавицы, и одежда предельная. Нравственностью отличаются отъ всѣхъ сосѣдей. Домики большею частію каменные, свѣтленькіе, чистенькіе.

19. Нейштатъ.

Вчерашній день я остался въ Нейштатѣ чтобы привести въ порядокъ то, что собралъ третьяго дни, и чтобы исполнить желаніе одного изъ профессоровъ, Вурьяна, позвавшего меня на обѣдъ. Вурьянъ извѣстенъ въ литературѣ Чешской грамматикой. И жилъ я все это время въ корпусѣ у Фіалки: онъ не допустилъ меня остаться въ трактирѣ. Корпусъ или академія помѣщается въ замкѣ ерцгерцога, огромномъ домѣ съ огромнымъ садомъ. Учениковъ до 500, Между языками преподается и Чешскій.

19-е Вѣна.

Здравствуй, Вѣна.—Прощай, Вѣна!—

19-е Брѣтиславль (Presburg).

Я было написалъ 20-е вмѣсто 19-го, а между тѣмъ еще 19-е, я еще 6 часовъ, и уже я цѣлой часъ тутъ, да и въ Вѣнѣ пробылъ отъ 9-ти утра до 2-хъ послѣ обѣда, т. е. всего въ дорогѣ изъ Нейштата сюда 5 часовъ, благодаря парамъ. По желѣзной дорогѣ изъ Нейштата въ Вѣну нужно 1 3/4 часа, да изъ Вѣны въ Брѣтиславль или, какъ мы привыкли называть, Пресбургъ, 3 часа на пароходѣ. Въ Вѣнѣ мнѣ было хлопотъ по самое горло: пришелъ въ полицію за паспортомъ, стали спрашивать и сколько останусь въ Брѣтислави, и зачѣмъ тамъ останусь, и куда далѣе поѣду, и всетаки не дали паспорта, а послали въ посольство за сертификатомъ для проѣзда въ Венгрію; въ посольство пришелъ, не дали сертификата безъ паспорта; опять въ полицію за паспортомъ, опять въ посольство, и опять въ полицію,

прежде въ № 6, потомъ въ № 2-й. Венци я оставлялъ у Вука. Вукъ хотѣлъ было меня проводить, но не могъ, потому что спѣшилъ къ Милошу (звалъ и меня, но въ такомъ случаѣ я бы долженъ былъ остаться въ Вѣнѣ на цѣлыя сутки, и слѣдовательно нанять квартиру), а проводилъ меня до парохода Курелацъ. Пароходъ Гермина (по имени покойной принцессы, племянницы нашего царя) устроенъ чудесно, роскошно, и вдоль по Дунаю мчится какъ пухъ.

И такъ я опять въ Венгріи. За спиною Карпаты, на сердцѣ Словаки,— и они то причиной всѣхъ распросовъ и сертификатовъ; они любятъ Русскихъ, а Мадыры ихъ ненавидятъ, какъ и Русскихъ; Австрійцы же каждого Рус. путешественника считаютъ эмиссаромъ, и очень не жалуютъ, что я такъ долго гуляю по Австріи, занимаясь одними Словянами.

Ходилъ къ одному изъ здѣшнихъ ревностныхъ Славянъ, Штуру ¹⁾, съ которымъ познакомился еще въ Галле, не засталъ дома, оставилъ карту, и жду.

24-е.

Наконецъ я имѣю квартиру, и остаюсь тутъ на мѣсяць, а съ квартирою можно сказать что была хлопота. Комнаты меблированныя тутъ чрезвычайно рѣдки, а если и дадутъ мебель, то такую гадкую, что взглянуть стыдно. Наконецъ удалось мнѣ найти чистую комнату на Зеленой площади, а мебель долженъ былъ взять у такъ называемаго Тендлера, т. е. продавца разныхъ разностей, между прочимъ и мебели. За комнату плачу въ мѣсяць 4 гульд. серб. = $2\frac{2}{3}$ руб. серб. да за мебель 4 руб. серб.; женщины прислуживающей надобно будетъ дать при отъѣздѣ съ небольшимъ гульденъ. Итого квартира обойдется 11 гульденовъ: все таки дешевле нежели въ Вѣнѣ, гдѣ я платилъ 18 гульд. за одну квартиру безъ услуги (не нашлось другой подлѣ Вука), и въ трие дешевле противу того, что бы стало у Солнца, гдѣ я было остановился.

Брѣтиславъ имѣетъ жителей до 35,000, но гораздо меньше Харькова, и на мои глаза хуже. Онъ расположенъ по берегу Дуная и идетъ на гору, на которой стоятъ развалины замка.

Площадей довольно, дома не высоки. Жители большею частію Нѣмцы, а простой народъ на площадяхъ Словаки.

27-е. Модра.

Только что воротились изъ Словацкаго протестанскаго костела; сегодня здѣсь Свѣтлое воскресенье. Церковь велика, народу множество, все сидитъ

¹⁾ Людевитъ Штуръ (1815—1856)—одинъ изъ наиболѣ выдающихся дѣятелей національнаго возрожденія Словаковъ.

въ порядкѣ, въ рукахъ каждаго и каждой книга молитвенная. Сначала пѣли всѣ вмѣстѣ подѣ органъ, потомъ пасторъ говорилъ проповѣдь, за проповѣдью кратенькая обѣдня на Словац. языкѣ.—Модра есть маленькій городокъ, въ 3 часахъ ѣзды отъ Брѣтислави. Тутъ братъ Стура ректоромъ гимназіи ¹⁾, и мы со Стуромъ приѣхали сюда третьяго дни и останемся до завтра. Это первый мой выѣздъ къ Словакамъ; я тутъ, какъ дома.

Апр. 2-е. Брѣтислава.

Сегодня былъ на лекціи въ лицѣѣ. Лекцію читалъ Штуръ: онъ преподаетъ сравнител. Славян. грамматику на Словацкомъ нарѣчій. Аудитория была полная. И его слушаютъ изъ любви къ родному языку, и онъ читаетъ безъ платы. 2-й часъ была бесѣда: студенты декламировали и читали свои сочиненія. Благородное юношество.

Всюду въ Австр. имперіи все болѣе начинаютъ отпущать усы и бороды; но такихъ усовъ и бородъ какъ здѣсь я нигдѣ не видалъ: окладистыя, густыя, Великодрусскія. Но это бы ничего: пусть бы носили и бороды и волосы въ кружокъ (что тоже въ модѣ); а то бѣда, что борода тутъ въ Венгріи почти безъ исключенія признакъ злодѣйской души: это люди, которые бы хотѣли помадьярить весь свѣтъ. И что тутъ должны терпѣть Словаки, бѣда да и только. Даже и на православныхъ Сербовъ хотятъ поднять руку и перевести и библію, и каноны, и всѣ церков. книги съ Старославянскаго на Мадьярскій, и заставить молиться по Мадьярски. Все это дѣлается по закону, который они сами утверждаютъ, а царь—по окошкамъ барабанить, и слова⁴ не смѣетъ сказать.

17-е. Воскресенье.

Сегодня я былъ въ дружескомъ обществѣ Сербовъ молодыхъ, учащихся тутъ въ Лицеѣ и Академіи; прежде ихъ общество было открытое, но когда общества въ Венгріи запрещены, то и имъ надобно было ограничиться приватными сходками. Эта сходка дѣлана была собственно для меня. Декламировали, читали сочиненія и переводы. Все было прекрасно.

18-е.

Сейчасъ только получилъ письмо отъ Гартенштейна, купца 1-й гильдіи въ Радзивиловѣ, берущагося переслать въ Харьковъ мои книги. Онъ пишетъ: деньги за пересылку могутъ быть уплочены по обстоятельствамъ или здѣсь или же и по присылкѣ изъ Харькова; издержки кромѣ провоза въ Харьковъ

¹⁾ Карлъ Штуръ—извѣстный Словенскій патриотъ и писатель.

могутъ простираться до 15 рубл. серебромъ; за провозъ книгъ въ Харьковъ слѣдуетъ полагательно считать по 1 руб. сереб., съ пуда. Прошу Амвросія узнать, что сдѣлалъ университетъ, и если еще не сдѣлалъ, то распорядиться, чтобы скорѣе было. А деньги за провозъ въ Харьковъ, я, милая маменька, прошу заплатить васъ: у меня и есть деньги, но боюсь, чтобы не достало. Платить придется не мало: уже послано мною 745 фунтовъ, а вѣрно еще прибавится до 150.

19-е.

Наконецъ—отъ васъ письмо. Цѣлую вамъ за него ручку, милая маменька; цѣлую и Амвросія: спасибо, что онъ уже не сердится на меня. Сегодня же получилъ письмо отъ князя Милоша, въ отвѣтъ на слѣдующее мое:

Светлеjší кнеже! На мою несрећу и жалостъ ни сам могао, при моме одлазку изъ Беча, баремъ још једанъ путъ видети вашу високу особу и особије засведочити предъ вама моје искрне уваженје. Оно је дугъ свакога, за кога ни су туђе срећа и слава народа Србског; онда и мој,—и тиме за мене дражни што сам имао частъ познати особије вас и вашу дубоку лјубавъ спрема вашег народа. Благословъ је Вожи на томе, ко лјуби свој народ, и зна шта има радити, да за његова лјубавъ разцвете добромъ неба у земномъ животу народа, и може то радити, и хоће. Ваша светлостъ је показала да то знате радити, и оћете: путујућ по Србији видю самъ томе доста примера, а шта ни сам сам видю, а томе чуо самъ од народа, чуо самъ доста пута топлу молбу за здравје господара Милоша. Не само Срби кнежества Србског, него и ти, што су у Мађарској од Граница, и ти знаду вас и зову васъ диеомъ Србског рода. Вратећесе у Бечъ био самъ већ далеко од крајева Србскихъ, але и ту готово сваки данъ самъ чуо, шта самъ чуо тамо: свуда, гди је гласъ срдца Србског, је и гласъ о Милошу. Тако приповедао је мени о вашој светлости и незаборављени Вукъ Стеф. Караджичъ, а особито какъ самъ го роспитивао о његовомъ животу, о тихъ који су му помагали издавати у светъ његове важне кнѣге, и поддрживали га, да може радити више и више за писменостъ Србску; овај пророкъ Србске изображености утврдио је у мојој души светлу мисао о заслугама ваше светлости.

Садъ опетъ чујемъ о новој милости, којомъ ваша светлостъ самизволитѣте удостоити писменостъ Србску, чујемъ да изволитѣте опредѣлити капиталъ, на који издаватѣдусе најважније кнѣге Србске, као што су Нови Рјечникъ Србски Вука, Цјесме народа Србског, а тако дале. Изъ тога сваки види, до ваша светлостъ дубоко познаје потребе Србског просвештенја. Право имате: некъ Срби познаду сами себе, шта су, и шта имаду, и што њимъ фали, некъ се развије међу њима прави духъ народности, онда изображеностъ лакко ће к њима доћи народностъ

у народа је то само, што намет у човека: у сваког своја, а не има ли је — пропао је, за себе пропао, за других болје би било, кад би са свим пропао. Сознавајући дубокост ваше мисли и умољавајући Бога, да укрепи ваше здравје на славу и срећу Србског рода, узимам си смелост захвалити вашој светлости са стране тих саплеменника ваших, који би ради били познати народ Србски из књиџа, који ћете издавати под вашим светлим покровом; опет као ученик Вука захвалјујем вама, светли кнеже, за вниманје к великом мајстору Србског језика, којег заслуге так кнежески показатћете свету. Подкрепијавајући Вука, указатћете пут и другим Србам да изучавају народ свој, и раде за његов напредак; а своје светло име ћете поставит у сјајном реду благодетеља Србске писмености, нека немрком звездом гори на успомен будућих векова.

Целујући десницу ваше светлости, имам част и срећу остати на свагда почитујућим вашу светлост. Из. Ср. ¹/₁₃ апр. 1842. У Пожуну. PS. Имам срећу засведочити моје дубоке уваженје благородном господину Живановићу, а њего молити да је преда од моје стране и не заборави Вуку.

На это писъмо въ отвѣтъ онъ пишетъ между прочимъ: «Землякъ мой, г. Вукъ, уживат'тье и отсад' при затруднителным' своим' литерарным' занимањима усердну podporу мою». — Спасибо Милошу. Сам Вукъ просилъ меня, чтобы я написалъ Милошу писъмо въ этомъ родѣ, говори, что онъ уважаетъ меня; е могу не радоваться, что мое писъмо успѣло.

Поклонитесь Амвросію, и отдайте прилагаемыя у сего листочки: это отрывокъ изъ новаго альманаха «Нитра», который тутъ печатають.

Прейса я тутъ ждалъ; а теперь получилъ писъмо отъ Коллара, что онъ уѣхалъ изъ Пешти въ Краковъ. Удивляюсь, что самъ Прейсъ не написалъ мнѣ ни слова.

Цѣлую вашу ручку, душечка маменька.

Скоро, скоро я вашъ.

LXII.

№ 52. Брѣтислава. 22 апр. 1842.

Сегодня пятница, а въ пятницу собирается на моеи Рыбной площади базаръ, продають зелень, цвѣты, и т. д. Каждая баба приноситъ на плечахъ овальную вадушку, въ ¹/₂ арш. и болѣе шириною и въ аршинъ длиною, полную всякой всячины, раскладываетъ свой товаръ на землѣ, обливши водою, и начинаетъ торгъ. Сходятся покупщицы и покупщики, барыни и служанки, жида и жидовки (которыхъ тутъ множество).

Тавъ и сегодня. Такого веселаго шума, какъ у насъ. тутъ нѣтъ. да и

базаръ-то не Харьковскій: такихъ огромныхъ базаровъ я еще за границей не видалъ. А тутъ въ Брѣтиславѣ я вижу хромоногихъ и кривоногихъ въ такомъ множествѣ, что 9-й или 10-й вѣрно переваливается на ногахъ: у иного одна нога короче, у другого переломлена, у третьяго носки ищутъ одинъ другого, четвертый на костылѣ или костыляхъ, пятой какъ кошка выдвигаетъ ногу за ногой, какъ будто изъ чамодана, шестой раскачивается идучи, какъ будто бы его тащили то въ одну, то въ другую сторону. И эти люди не изъ бѣднаго званія, а часто хорошо одѣтыя дамы и хорошенькія дѣвушки.

23-е.

Сегодня я ходилъ со Словаками пить молоко на одну изъ горъ, окружающихъ Брѣтиславу съ сѣвера. Вечеръ былъ чудесный; луна по срединѣ неба, съ горы внизъ огромный видъ на Дунай и за-Дунайскую безконечную равнину. Человѣкъ до 40 молодыхъ людей стали кругомъ, и давай пѣть, а лѣса по горамъ вторили ихъ пѣсни. Что за пѣсни! Музыканту не знать ихъ грѣхъ; а я, не музыкантъ, слушая нѣкоторыя, не могъ удержаться отъ слезъ.

24-е. Дѣвнина.

Такихъ развалинъ я еще не видалъ, или по крайней мѣрѣ давно уже не видалъ. Подо мною, саженьяхъ можетъ быть въ 150, съ запада на востокъ течетъ Дунай, а съ сѣвера впадаетъ въ него Морава; воды Дуная чисто голубыя; воды Моравы желто-мутны; Дунай перерѣзываетъ ихъ, но онѣ, еще долго не мѣшаясь съ водами Дуная, текутъ у лѣваго берега сами собою. На стрѣлкѣ возвышается утесистая гранитная гора—первая ступень Карпатовъ—двумя вершинами, на нихъ развалины замка Дѣвина (что перековеркано Нѣмцами въ Töben), а за горою на Дунаѣ мѣстечко того же имени. На самомъ верху—отъ зданія осталась тутъ одна терраса—сѣжу на камнѣ, пишу и люблюсь видомъ. Эта вершина вся одна скала, на которую трудно бы и взобраться, если бы не навѣсія стѣны; уцѣлѣло тутъ не многое: ниже террасы уцѣлѣли стѣны какой то залы; еще ниже на конической скалѣ стоитъ часовенька, готовая, кажется, каждую минуту упасть въ Мораву, и между тѣмъ сохранившая на себѣ остатки бѣлыхъ и красныхъ трехугольниковъ, которыми была раскрашена; съ другой стороны, ниже, стѣны двухъяруснаго дома, подлѣ нихъ колодезь, въ глубинѣ котораго видна дверь, безъ сомнѣнія имѣющая сообщеніе съ внутренностью скалы; посреди скалы дверь въ скалу и отсюда переходы подскальные. На другой вершинѣ тоже группа развалинъ и ниже

ихъ по отлогости горы къ Дунаю опять развалины съ остатками двухъ башенъ. Все пространство, на которомъ видны развалины замка, занимаютъ въ длину не менѣе 500 или 600 шаговъ и въ ширину отъ 300. Тутъ жили Велико-Моравскіе князья Святополкъ и Рагиславъ. Все показываетъ, что замокъ былъ не только крѣпко, но и довольно красиво строенъ; есть между камнями и известкой и кирпичъ, отлично выжженный, а окна и двери обложены вытесанными плитами гранита.

Печальные, угрюмые остатки
Бывалаго могущества Славянъ...
Что было тутъ, преданіе забыло;
Потомокъ рабъ страдаетъ подъ ярмомъ
Своихъ враговъ и ждетъ-неждетъ уныло,
Освѣтитъ-ли судьба своимъ лучомъ
Его удѣлъ. Надежда искрой тлѣетъ,
И вспыхнула, и вновь ужъ леденѣетъ...
Угаснетъ-ли несчастная, иль вѣтъ,—
На Сѣверѣ готовится отвѣтъ.

Мы обѣдали въ мѣстечкѣхъ подъ горой, и потомъ воротились въ Брѣтиславу: дорожка идетъ по берегу Дуная, то по горѣ и полугорѣ, то у самаго берега. Идти надобно болѣе 2 часовъ.—Деревья начинаютъ развѣтываться: черезъ недѣлю будетъ зелено все.

$\frac{1\text{-е мая}}{19\text{-апрѣля}}$ Свѣтлое воскресенье—въ Нитрѣ.

Еще третьяго дня взялъ я билетъ въ дилижансѣхъ, чтобы сегодня ѣхать въ Нитру. Вчера узнаю, что на дняхъ долженъ пріѣхать въ Брѣтиславу одинъ изъ почтеннѣйшихъ Словаковъ, Годжа ¹⁾, и что слѣдовательно я не стану уже его въ его Липтовской столицѣ (уѣздѣ), и, если уѣду изъ Брѣтиславы, не выдвинусь съ нимъ тутъ, то уже и совсѣмъ не увижу. Что дѣлать. Остаться—2 гульдена (почти 5 рубл.) пропадутъ, не остаться—еще хуже! Я придумалъ такъ: ѣхать въ Нитру и далѣе воротиться назадъ въ Брѣтиславу: за заплоч. 2 гульдена доѣду до Нитры, за другіе 2 ворочусь назадъ, и слѣдовательно потеряю только то, что измѣню планъ пути. Въ 6 рано меня выпроводили какъ брата, и вотъ ужъ я въ Нитрѣ: быть $\frac{1}{2}$ 8 вечера. Былъ въ семинаріи, не засталъ кого искалъ, и жду. Дорога очень порядочная. За Дюсекомъ, гдѣ обѣдали, горы все болѣе видны, и чѣмъ ближе къ Нитрѣ тѣмъ виды чудеснѣе. Нитра лежитъ у подножія огромной горы Зобора на большой равнинѣ, растилающейся вокругъ него. Старый замокъ стоитъ впро-

¹⁾ Михаилъ-Милославъ Годжа (род. 1811 г.)—евангелическій проповѣдникъ, одинъ изъ дѣятелей національнаго возрожденія Словаковъ.

чемъ на скалѣ, будто нечаянно выдавшея или какъ-бы скатившея съ Зобора. Съ горы, по которой мы спустились въ равнину видъ на нее, на Нитру, на Зоборъ — радость. Самую Нитру мало знаю, но могу сказать, что она мнѣ нравится своей оригинальностью: всюду видишь простой народъ, Словаковъ, простодушно веселящихся, заѣздныхъ дворовъ для нихъ цѣлый рядъ, необыкновенная живость на улицѣ, со стульями и столами выходятъ передъ ворота сидѣть и работать. Нѣмецкій языкъ слышенъ очень рѣдко, и даже въ семинаріи на мой вопросъ нѣмецкій отвѣчали: *nem tudom* — не понимаю, прося объясниться по Мадьярски; я на это отвѣчалъ со своей стороны: *nem értem madjari*, а вы хотите по Словенску, то пойдите. Домики есть очень милые; своей комнатой впрочемъ я недоволенъ: огромная и пустая.

2-е. Нитра.

Вице-президентъ Геромета, котораго я вчера ждалъ, пришелъ и отвелъ меня на островъ, гдѣ приготавлился балъ. Садъ былъ освѣщенъ разноцвѣт. бумажными фонарями очень пестро, на площадкѣ передъ бесѣдкой памятники Гайдну, Моцарту, Бетховену и еще не знаю кому и надписи на Нѣмецкомъ, Словенскомъ и Мадьярскомъ, въ бесѣдкѣ музыка и танцы. (Танцуютъ — мазурку, польку, русскую кадрили: это любимыя здѣшніе танцы). Мы ходили до 10 часовъ. Геромета милой молодой человекъ. Мимоходомъ познакомился я кое съ кѣмъ другимъ. Меня тутъ ждали, узнавши изъ газетъ, что я поѣду въ Татры (Карпаты). Жду, пока будутъ готовы мои вчерашнія попутницы: въ 8-мъ часу, онѣ хотятъ ѣхать въ Штявницу. Это двѣ сестры, съ которыми мы прохотали всю дорогу.

3-е. Мадунцы.

Проводивши моихъ знакомыхъ, я съ Герометой къ аптекарю Лангу, который былъ въ перепискѣ съ раз. нашими естествоиспытателями и имѣетъ богатое собраніе черепахъ и растений. Послѣ обѣда ходили мы на гору Зоборъ. На полугорѣ есть развалины Камальдульс. монастыря, отдаваемые теперь подъ аренду корчмарю. Гораздо выше есть пещера св. Андрея Зорарда. Видъ съ горы на передовое пасмо Карпатовъ, къ самой Брѣтислави, на Нитранскую долину, покрытую лугами и полями, уже зелеными, на множество селеній. Гора покрыта лѣсомъ, только вершина гола и камениста. На возвратномъ пути мы пили молоко въ монастырѣ, случайно сошедшись съ дамами, которыя туда же ходили гулять. На другое утро, т. е. 3-го, т. е. сегодня, по предложенію Ланга я сѣлъ въ одну коляску съ комитатскимъ докторомъ Питранскимъ и поѣхалъ до Фраштата (*Freystädtel*), чтобы оттуда перебраться въ Мадунцы.

Докторъ завезъ меня во Фраштавъ къ Сербскому купцу, уединенно тутъ живущему въ дали отъ православія и родины. Онъ обрадовался, увидя православнаго Русса, оставилъ обѣдать и потомъ далъ проводника до Мадуниць, стараго хожалаго Словака.—И вотъ я тутъ. Мадуницы—деревенька, небольшая, небогатая, съ крошечной церковью, съ бѣднымъ приходскимъ домикомъ; но знаменита у Словаковъ болѣе многихъ большихъ и богатыхъ городовъ. Тутъ священникомъ Иванъ Голый—великій поэтъ, Чехо-Словенскій Державинъ. Къ сожалѣнію я не засталъ его дома: онъ поѣхалъ въ городъ Тернову сегодня утромъ, и воротится можетъ быть поздно вечеромъ. Сижу въ комнатѣ его кухарки и жду. Можетъ быть и еще придется ждать нѣсколько часовъ. А хотѣлось бы уже скорѣй увидѣть Голаго. Словакъ, ведшій меня сюда, рассказывалъ мнѣ о немъ многое: «Такого князя (священника) и между тысячами не найдешь, такого добраго человѣка и на цѣломъ свѣтѣ нѣтъ; ни отъ кого ничего не требуетъ—ни десятины, ни за погребеніе или вѣнчанье, что дадутъ то и возьметъ, а самъ раздаетъ всѣмъ, отъ этого и бѣденъ. Впрочемъ онъ и [не] думаетъ объ этомъ: ему уже давали и лучшіе приходы, хотѣли сдѣлать и каноникомъ,—не хочетъ, хочетъ и умереть въ Мадунцахъ. А пѣсни-то какъ складывается, хей!..»

4-е. Тернава.

Сидя съ кухаркою, я спрашивалъ и ее о Голомъ, а къ ея рассказамъ прибавляли свои замѣчанія дѣвочки служанки то же самое. О хозяйствѣ онъ не думаетъ, все оставляетъ на руки кухарки; и такъ бывало, что кухарка опьется, а онъ остается цѣлый день на одномъ хлѣбѣ, и съ досады, чтобъ не видѣть пьяной кухарки, уйдетъ въ свою роццу Млечь (=Млечь), и просидитъ тамъ до 10—11 вечера. Съ женщинами говоритъ только тогда, когда это необходимо, и говоривши никогда не взглянетъ. Даже съ самими мужчинами говорить, очень рѣдко глядя на нихъ. Все въ окрестности, и священники, и помѣшники, его любятъ, желали бы его видѣть чаще; но онъ не любить общества, и выѣдетъ изъ своихъ Мадуниць только въ случаѣ крайней нужды. Далѣе Брѣтиславы еще не былъ.—Къ вечеру кухарка пошла перестилать ему постель и пригласила меня посмотрѣть на его комнаты: ихъ двѣ, одна довольно большая, довольно бѣдно мебелированная съ постелью для гостя, а другая крошечная, съ полками для книгъ, съ письменнымъ столомъ, съ его постелью, нечистая; въ этой другой онъ сидитъ всегда, тутъ и обѣдаетъ (онъ только обѣдаетъ, а завтракъ и ужинъ не знаетъ). «Однако тутъ холодно», сказалъ я, и хотѣлъ идти на другую половину, къ кухаркѣ, какъ вдругъ отворяются двери, и въ нихъ уставляется высокая плотная фигура. «Имѣю ли счастье видѣть васъ, словутный цзне Голый!» Давая распоряженіе кучеру,

чтобы онъ сносилъ съ вова вещи, фигура отвѣчала мнѣ какъ то не-хотя, и я самъ не знаю что. Ну, думаю, это какой нибудь фараръ сосѣдскій, странный человѣкъ, и говорю ему: «Вы вѣрно хотѣли тоже видѣть Голаго; но его нѣтъ, и можетъ быть воротится еще поздно изъ Тернавы». Фигура оборотилась ко мнѣ и спрашиваетъ: «а вы имѣете какую нибудь нужду къ Голому?» — «О да: я бы пошелъ на конецъ свѣта, чтобы только его увидѣть.» «А отъ куда вы?» — «Я Русскій путешественникъ» — Русской? «Русской? О Боже мой!» — И мы обнялись, какъ родные, какъ отецъ съ сыномъ. Кухарка принесла свѣчу, и я увидѣлъ лице знакомаго незнакомца: бѣлое, довольно полное, покрытое свѣжимъ румянцемъ, съ голубыми глазами, съ длинными бѣлосѣдыми волосами, важное, можно сказать гордое, и между тѣмъ дѣтски, невинно доброе. Радость видѣть Русскаго одушевляла его. Голый обнималъ меня, цѣловалъ, жаль руки. «Русской?! О вы, Русскіе, великій народъ, слава Славянъ! Русской!» Онъ утиралъ слезы. Мы перешли въ маленькую комнатку, закурили трубки и давай болтать о томъ о семъ. Моя фамилья была уже ему извѣстна; онъ впрочемъ не думалъ, чтобы я пришелъ къ нему. Весь вечеръ до $\frac{1}{2}$ первого мы говорили о Россіи, о Русскомъ народѣ, о царѣ, о казакахъ. Онъ знаетъ прекрасно нашу исторію, помнитъ множество анекдотовъ, объясняющихъ Русскій характеръ, о Николаѣ говоритъ съ одушевленіемъ урожденнаго Русскаго. Вообще нигдѣ не видалъ я той глубокой любви къ намъ, нашей славы и нашему царю, какъ у Словаковъ: въ этомъ одинаковы и Словаки евангелисты, и Словаки католики. И тѣ и другіе уважаютъ даже наше православіе. Англичане же для нихъ—кровные враги. Утромъ я и не слышалъ, когда Голый всталъ и пошелъ въ церковь служить. Въ $\frac{1}{2}$ 9-го онъ воротился, и мы опять стали разговаривать о Россіи. Передъ обѣдомъ мы пошли въ рошу Млечь, гдѣ онъ написалъ большую часть своихъ сочиненій: шелъ дождь, я уговаривалъ его остаться дома, пустить меня одного, но онъ никакъ не соглашался. Роша довольно густая, но большія деревья всѣ вырублены, народъ оставилъ несрубленнымъ только тотъ дубъ, подъ которымъ Голый любитъ сидѣть. «Прежде онъ былъ вѣтвистѣе—говорилъ Голый—свѣжѣе, зеленѣе, а теперь, оставшись одинъ, долженъ бѣдный терпѣть отъ вѣтровъ и бурь». Подъ нимъ онъ сидитъ на травѣ, а когда мокро, то переходитъ на ближній пенъ и садится въ чащѣ на немъ. «Тутъ мнѣ никто не мѣшаетъ: никто не видитъ меня, никого я, и мысли ложатся вольно на бумагу». Воротившись, мы обѣдали. Потомъ я переждалъ дождь, и взявши проводника, собрался въ путь. Голый проводилъ меня до ближней деревни; прощаясь, онъ цѣловалъ меня въ губы и лобъ, благословилъ, приговаривая: «не забывай, милый другъ, въ твоей великой родинѣ на насъ, бѣдныхъ Словаковъ; скажи своимъ, что мы ихъ любимъ, какъ братьевъ, и молимы за нихъ Богу: сильному дѣло, слабому

молитва». Мы плакали, прощаясь, и прощались нѣсколько разъ.—Голый высокаго роста, довольно плотный мужчина, величественной осанки. Каждый, увидя его, сказалъ бы, что онъ рожденъ быть поэтомъ: о давно прошедшемъ онъ говоритъ какъ будто о томъ, что только что было передъ его глазами, все живо чувствуетъ, плачетъ, припоминая что-нибудь великое или прекрасное, или злое. Простодушень онъ, какъ дитя; о томъ, что такое двумысліе, поддѣльность мысли или чувства, онъ, кажется, не имѣетъ и понятія; скромность удивительная: онъ не можетъ не знать, какъ его уважаютъ, даже иностранцы (пріѣзжающіе въ Питуянскія минераль- [ныя] воды въ 2 миляхъ отъ Мадуніцъ),—и между тѣмъ съ глубокимъ, искреннимъ чувствомъ говорилъ мнѣ: «Повѣрь, милый другъ, мнѣ тяжело, мнѣ горько, что я недостойнъ того вниманія, которое мнѣ оказываютъ. Я бы хотѣлъ сдѣлать и то, и другое, я чувствую недостатки въ моихъ сочиненіяхъ, и между тѣмъ силъ не достааетъ».

5-е. Тернава.

Отъ Мадуніцъ до Тернавы я пришелъ въ 3 часа. Деревенки Словавовъ, черезъ которыя шель, довольно чисты: домики выштукатурены снаружи, покрыты соломой, стоятъ ровными линіями. Въ поляхъ слышны пѣсни Украинскихъ напѣвовъ. Тернава маленькій городокъ, но очень мило выстроены. Улицы ровны и широки, есть много большихъ домовъ, 9 церквей, почему и называется Тернава малымъ Римомъ. Отъ старыхъ стѣнъ еще остаются остатки; поповъ множество. Есть и нѣсколько сѣмей православныхъ, но священника не имѣютъ. Вокругъ Тернавы огромная равнина. Недалеко отъ Тернавы есть крѣпость Леопольдштадтъ (Опольдъ), построенная противу Турокъ; страшно подумать что Турки были такъ сильны, что укрѣпляться противъ нихъ надобно было у самаго подножія Карпатовъ, какъ будто они шли съ этихъ горъ. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа я ѣду въ Брѣтиславу: мѣсто въ штельвагенѣ (покойная карета) стоитъ 1 гульденъ серебра = 2,30 к.

7-е. Брѣтислава.

Годжу я нашелъ въ Брѣтиславѣ: молодой человекъ, очень образованный и пылкій Словакъ. О, если бы такихъ болѣе въ этомъ угнѣтенномъ народѣ. У Штура очень много заботъ, и потому мы съ нимъ вдвоемъ проводимъ почти цѣлой день. На вечеръ сходимся всѣ вмѣстѣ.

8-е. Пароходъ Карль Францъ.

Вчера, узнавши, что я ѣду изъ Брѣтиславы, и съ тѣмъ чтобы не воро-

тяться, пришли ко мнѣ прощаться Сербы и Словаки, прежде одни, потомъ другіе, поручивши за всѣхъ говорить одному изъ товарищей, благодарили меня за посѣщеніе Брѣтислави, за дружбу, за совѣты, за братскую взаимность... Я бы желалъ, чтобы кто нибудь изъ Русскихъ, я самъ желалъ бы быть свидѣтелемъ подобной сцены. Отвѣчая имъ, сколько могъ выразить свои чувства на ихъ нарѣчій, я плакалъ; видя въ цѣлой толпѣ нравственныхъ юношей одну мысль, одну надежду, одну молитву, и къ себѣ такое искренно-родственное чувство, заплакалъ бы на моемъ мѣстѣ всякій. Вечеръ провели мы вмѣстѣ съ Штуромъ Людевитомъ и Годжей Михаиломъ, и побратались на жизнь. Такими братьями гордиться могу. Сегодня въ 6-мъ часу у насъ (Годжа ѣдетъ вмѣстѣ со мною и ночевалъ у меня) уже комната была полна молодыми Сербами и Словаками, захотѣвшими насъ проводить до парохода. Мы толпою пришли къ берегу, простились, отдѣлились, поѣхали, но шляпы и шапки еще долго, долго мелькали надъ головами. Одного такого прощанья было бы довольно для того, въ комъ еще не пробудилось чувство Славянское. Прощай, Брѣтислава, разцвѣтай для будущей славы Славянъ!... Я ѣду въ Пешть...

Послѣ обѣда у Вацова (Wattzew)

Уже $\frac{1}{2}$ 6-го послѣ обѣда. Передъ обѣдомъ останавливались мы на нѣсколько минутъ у Коморна: порядочной городокъ, а далѣе на берегу крѣпость, одна изъ сильнѣйшихъ во всей Венгріи. До Остригома (Grau) Дунай очень однообразенъ, равнина да лѣса, и то молодые, а равнина видна сажня на два отъ берега: скучно. У Остригома опять начинаются гористые берега. Въ самомъ Остригомѣ есть довольно большая гора, и на ней строится величественная церковь, жаль что поставленная къ Дунаю задомъ, но всетаки огромная и величественная; внутри уже многое сдѣлано; снаружи недостаетъ башень; вся обшита мраморомъ. Чѣмъ далѣе отъ Остригома, тѣмъ горы выше, между горами кое-гдѣ долинки, все блещетъ весенней зеленью. Только что теперь потерялся изъ виду Вышеградъ—развалины замка на горѣ вышиною до 300 сажень. Передъ Вышеградомъ горы такъ снердись со всѣхъ сторонъ, что для плывущаго Дунай кажется озеромъ. Есть преданіе о Нѣмцахъ, въ первый разъ сюда приплывшихъ: думая что Дунай тутъ кончился, они пристали къ берегу, вышли на гору, увидѣли, что рѣка течетъ далѣе, и—перетаскали черезъ гору свои лодки на плечахъ. А между тѣмъ и между этими горами Дунай широкъ очень довольно. Развалины Вышеграда огромны и занимаютъ не только верхушку горы, но спускаются и къ самому берегу: видны башни, видны стѣны, все огромныхъ размѣровъ. Теперь около Вышеграда живутъ Нѣмцы; а Славяне за ними; прежде Нѣмцевъ не было. У Вацова пристанемъ на нѣсколько минутъ. Об-

щество наше довольно незначительно. Занимательнѣйшія лица: а) Графъ Ватъани, богачъ, цѣлой день лежавшій то на палубѣ, то въ камерѣ, отворотивши заднюю часть тѣла къ публикѣ, б) баронъ Радецкій, съ которымъ я случайно познакомился, и объявившій мнѣ, что онъ имѣетъ пять материнскихъ языковъ, с) всеобщая жена, знающая понемногу каждый языкъ, между прочимъ и Русской, и искавшая себѣ прочнаго пріятеля. Изъ Вадова пристало къ намъ множество гостей; но общество отъ этого не одушевилось.

Пешть.

Въ 8^{1/4} пристали мы къ берегу, и снесши багажъ къ Англійской королевѣ, тотчасъ пошли къ Коляру и просидѣли до 10.

9-е. Пешть.

Утромъ былъ у Павловича ¹⁾, у Субботича ²⁾ и потомъ обѣдалъ у Коллара. Послѣ обѣда пошли въ 2-хъ съ Колларомъ къ Долежалку, съ которымъ встрѣтился вчера на парходѣ, и оттуда поѣхали въ Ирму (1 часъ отъ Будима), гдѣ погребена Александра Павловна, покойная супруга палатина. Въ долигѣ между горами лежитъ это село. Въ сторонѣ отъ села, окруженная садами стоитъ часовня, очень маленькая, но прекрасно выстроенная изъ дикаго камня и мрамора; далѣе домъ для пѣвчихъ, а еще далѣе домъ священника отца Амфилохія. Онъ спалъ когда мы пріѣхали; насъ проводилъ въ часовню пѣвчій Марсовъ. Ризы, чаша и сосуды, евангеліе, покровы, все великолѣпно богато. Подъ часовнею погребъ, въ который спускаешься по витой лѣстницѣ. Тамъ въ мѣдномъ гробу, покрытомъ малиновымъ бархатомъ, лежитъ другой гробъ обитый парчею, и въ немъ покоится тѣло. Одинъ ключъ отъ гроба у ерцгерцога, другой у священника, и гробъ отпирается для освидѣтельствванія только при перемѣнѣ священника. Обѣдня служится каждое воскресенье и въ великіе праздники. Если бы землѣ угрожала какая нибудь военная безопасность, то тѣло перевозится въ Будимскую крѣпость (это уже случалось два раза). Поклонившись праху и осмотрѣвши часовню, мы пошли къ священнику. Моя фамилья была ему известна по газетамъ; а самъ онъ очень милый человекъ: мы провели у него съ часъ очень весело. Онъ уже тутъ 11 лѣтъ, и начинаетъ забывать Русской языкъ, выговариваетъ чисто, но забываетъ выраженія. Душою впрочемъ не только Русской, но и Славянинъ. Воротились мы назадъ къ половинѣ 7-го и въ театръ. Давали Роберта дьявола: принцессу Изабеллу играла Вѣнская Гессельбартъ, и играла неподобно: я еще не слышалъ, чтобъ она выдѣлывала всѣ пассажи съ такимъ искусствомъ и непринужденностью; Бертрамъ (Дракслеръ)

¹⁾ Тодоръ Павловичъ—Сербо-хорватскій литераторъ, редакторъ «Сербскаго народнаго листа», «Сербской лѣтописки» (съ 1837 г.) и др.

²⁾ Юванъ Субботичъ (род. 1817)—извѣстный Сербо-хорватскій писатель и литераторъ новаго времени.

былъ также хорошъ. Остальные посредственны; оркестръ превосходенъ (оркестръ тутъ находится подъ дирекціей молодого Славика, брата знаменитаго Славика (извѣстнаго подъ именемъ Долче).

10-е.

По Венгріи, какъ мнѣ говорили въ книжной лавкѣ, распространено около 300 Англичанъ, распространяющихъ въ Мадьярахъ вражду къ Русскимъ. Такъ они боятся насъ.

11-е.

Былъ у почтеннаго издателя сочиненій Голаго М. Гамульяка. Не горько ли подумать, что эти безсмертныя творенья могли печататься только въ 300 экз. и что, такъ какъ подписная цѣна очень дешева (6 флор. серб. = 4 руб. сер. за 4 большихъ тома), то Гамульякъ долженъ прибавить своихъ денегъ. Бѣдные Словаки: Мадьяры ихъ преслѣдуютъ, а публика ихъ мала, и помощи ни откуда!

Больше писать не буду въ этомъ письмѣ. Начну № 53, а этотъ пошлю сегодня.

Милая душенька маменька! Поздравляю васъ съ наступающимъ днемъ вашего ангела. Сохрани Господь Богъ ваше здоровье. Будьте веселы: скоро, ужъ скоро я буду у васъ. Цѣлую вашу ручку. Поклонитесь всѣмъ знакомымъ нашимъ.

Богъ васъ опатруй. Вашъ сынъ Измаиль Срезневскій.

ЛХП.

№ 53.

Остригомъ (Gran). 12-е мая.

Въ семь часовъ утра я выѣхалъ сегодня изъ Пешти на пароходѣ и пріѣхалъ сюда въ началѣ третьяго послѣ обѣда. Сначала въ строящуюся церковь: огромная будетъ, великолѣпная, но покамѣстъ остается еще многое въ ожиданіи. Потомъ къ профессору Руми. Онъ Мадьяръ родомъ, но умный человекъ, бранить Мадьяровъ за ихъ желаніе все омадьярить, знаетъ хорошо языкъ Сербскій, самъ выписываетъ Гаевы Иллирскія Новины и Денницу и пишетъ не только Мадьярски но и Сербски. Онъ одинъ изъ ученѣйшихъ Мадьяровъ. Съ нимъ вмѣстѣ и съ однимъ Мадьярскимъ графомъ, спутникомъ по пароходу, мы пошли въ архіепископскую библіотеку, а потомъ въ церковь. Отдѣлана въ ней только Стефанова капелла, въ которой поставленъ до времени и алтарный огромный образъ, изображающій вѣнчаніе короля Стефана. Отдѣ-

ланы также погребя, и превосходны: онѣ опредѣлены для тѣлъ архіепископовъ и канониковъ, идутъ подъ всей церковью, высоки и величественны. Статуи, которыя будутъ стоять передъ церковью (Петръ и Павелъ) огромныхъ размѣровъ (сажени въ 3 вышиною каждый) дѣлаются Казаграндоу; подъ его же смотрѣніемъ готовятъ и барельефы. Казагранда умный художникъ. Ходили мы на самый верхъ церкви, видѣли и модель цѣлаго зданія; впрочемъ планъ теперь измѣненъ. Подъ горою прямо къ Дунаю епископскій городъ, а далѣе собств. свобод. городъ. Немошенъ, нечистъ, дурно построенъ. Все Мадьярское. Есть впрочемъ и Сербская церковь. Мѣстоположеніе роскошно: кругомъ горы, покрытыя лѣсами и виноградниками. Особенно хорошъ видъ съ горы, гдѣ церковь; Дунай и Дунайская долина роскошно разстилаются въ обѣ стороны; приближающійся пароходъ виденъ въ одну сторону за 2, въ другую за 1 часъ до прихода.

Немци (Nemeti) $\frac{13}{1}$ мая.

Гранъ=Остригомъ стоитъ на правомъ берегу Дуная; на другой сторонѣ черезъ мостъ селеніе Парканъ, чисто Мадьярское, очень чистое и промышленное. Тамъ всего легче найдти извозчика изъ Грана въ любую сторону. Этотъ извозникъ запрагаетъ въ свой безконечно длинный возъ четыре лошади пугомъ, садятся на одну изъ увозныхъ—и пошелъ. Возъ почти вдвое длиннѣе Русскаго воза, переложень во всю длину обручами, и по обручамъ покрытъ полотномъ. Внутри положить сѣна, сколько угодно, покроютъ чѣмъ нибудь, путешественникъ ляжетъ тамъ какъ убитой волъ, и пока сѣно не сляжется, можетъ спокойно спать, не чувствуя тряски. Первый переѣздъ великъ и проворенъ; далѣе, не смотря на три часа отдыха, лошади бѣжать уже не хотя; а наконецъ, не слушаясь ни понуканій, ни хлестанья бича, ни ударовъ, тащутся едва-едва. Вчера Парканцы приходили ко мнѣ одинъ за другимъ отъ 7 до 9 вечера; я не взялъ однако ни одного: одни просили много, другіе не понимали ни слова ни по Нѣмецки, ни по Словенски. Сегодня я договорилъ Нѣмецкій штейерльвагенъ (повозочку) о двухъ добрыхъ лошадяхъ за 10 гульд. серб., выѣхалъ въ 10, обѣдалъ въ Иполи, а на ночь пріѣхалъ сюда. Кучеръ мой хотъ и Мадьяръ, но говоритъ и по Словенски. До Иполи и въ Иполи все Мадьярское, однако съ хозяйкой я говорилъ по Словенски. Кучеръ говорилъ мнѣ, что и во многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ Словаковъ и вовсе нѣтъ, на постоялыхъ дворахъ всѣ понимаютъ Словенскій языкъ. За Ипольемъ начинаются Словаки. Мужчины одѣты бѣднѣе, женщины чище, лица пріятнѣе. Въ селеніяхъ все готовится къ Туріцамъ (Троицъ—послѣ завтра): перины вывѣшены на заборы, домики бѣлятся... Въ поляхъ сѣютъ. За часъ до Нѣм-

цевъ проѣзжалъ я черезъ маленькую деревеньку, гдѣ домики всѣ до одного курныя. Какъ она, такъ и другія селенія часа три отъ Немцевъ лежатъ въ узкой долинѣ, по которой течетъ рѣченка Штявница. Склоны съ обѣихъ сторонъ покрыты лѣсомъ; соловьевъ множество. Гостинница гдѣ я остановился очень порядочная: комната которую мнѣ отвели велика, чиста, съ готовыми постелями... Я выпилъ чашку чернаго кофію, и теперь велѣлъ подать себѣ молока съ бѣлымъ хлѣбомъ: и молоко и хлѣбъ прекрасны. Вообще во всей Венгріи хлѣбъ очень хорошъ, и бѣлой и житной. Мясо тоже прекрасное... И тутъ былъ пожаръ: весна время пожаровъ въ Венгріи, выгораютъ цѣлыя села и городки; такъ нынѣшнею весною выгорѣла и Модра.

$\frac{2}{14}$ мая. Штявница (Schemnitz).

Сюда я пріѣхалъ въ началѣ 10-го. Хотѣлъ было идти къ суперинтенденту Себерини, спрашиваю о его квартирѣ; болтливый мальчикъ, хотѣвшій меня провести къ нему, объявляетъ мнѣ, что онъ бываетъ въ трактирѣ часто, что онъ посѣщаетъ тутъ больнаго. Кто онъ?—Не знаю.—Давно-ли?— Съ мѣсяцъ. Лечу—и не ошибся: Прейсъ еще тутъ, и бѣдный боленъ. Еще Годжа говорилъ мнѣ, что онъ видѣлся съ нимъ тутъ, но этому прошло уже почти двѣ недѣли, я воображалъ, что Прейсъ уже въ Варшавѣ. Онъ впрочемъ меня ждалъ со дня на день. Обрадовавшись встрѣчѣ, мы провели съ нимъ цѣлый день. Только передъ вечеромъ съ однимъ Сербомъ, приходившимъ къ Прейсу, я выходилъ на полчаса прогуляться, и съ одного возвышенія взглянулъ на городъ. Городъ маленькій, не дурно выстроенный, но весь на босгорѣ такъ, что нѣтъ ни одной улочки неспускающейся внизъ; кругомъ поднимаются разомъ горы. Съ возвышенія видѣлъ я и бѣлоснѣжныя вершины Карпатовъ. Теперь уже спать пора, и глаза смыкаются, и потому я только скажу еще то, что Штявница извѣстна своими рудокопнями и что во вторникъ начинается ярмарка, а потому я и не могъ получить тутъ комнату, какую хотѣлъ.

16-е мая.

Сегодня разбудилъ меня горный практикантъ сдѣшній, родомъ Сербъ изъ княжества, Бранковичъ, въ половинѣ втораго: такъ мы уговорились съ нимъ вчера, чтобъ идти на гору Сытно и встрѣтить тамъ восходъ солнца. Къ намъ пристали еще два практиканта Павловичъ Сербъ и Фридакъ Словакъ. Мы шли до вершины горы часа два съ половиной, не останавливаясь.

Подъемы не круты, но прежде нежели достигнемъ вершины, надобно нѣсколько разъ спуститься въ долины, и слѣдовательно опять подниматься. Гора возвышается на 4,500 фут. надъ моремъ, и около 3,000 ф. надъ Штявницей. Главное ея возвышеніе почти всюду покрыто лѣсомъ; только на самой вершинѣ поднимаются огромныя, отвѣсныя скалы. На нихъ стоитъ бесѣдка, немного ниже корчма, въ которой мы могли найдти вдоволь молока. Восходъ солнца былъ впрочемъ очень скученъ, изъ за облаковъ. Отъ этого нельзя было видѣть и всѣхъ горъ: всѣ окрестныя казались или холмами, или сляпались въ одну равнину; отдаленныя, и особенно снѣжныя нельзя было и видѣть хорошо изъ за тумана; въ другое время видно до Коморна и Дунай и на сѣверѣ вершины Карпатовъ. Сытно значить адъ: Богъ знаетъ почему такое названіе могла получить гора. Говорять, что на немъ открывали клады, что видѣнъ иногда возъ на огненныхъ колесахъ быстро бѣгущій, что въ его пещерахъ живутъ чуть не бессмертные люди; поютъ впрочемъ о немъ и самыя невинныя пѣсни, напр.: *na tom Sytně ruža kwitne, kdo ju bude trhati...* Мы воротились назадъ къ 10 часамъ. По дорогѣ встрѣчались люди, идущіе изъ церкви: и мужчины, и женщины очень хорошо одѣты; но лица мужчинъ измощены, иные хромы, другіе слѣпы или кривы, и т. д. Работниковъ въ здѣшнихъ рудокопняхъ до 4000. Чистаго дохода получаетъ правительство никогда болѣе 150,000 гульд. сѣреб. Плата работнику отъ 8 до 9 гульд. въ мѣсяцъ. Плата хо-роша, но всетаки жаль на такую работу употреблять честныхъ людей.

18-е мая.

Вчера вечеромъ въ началѣ 9-го пришли за мною Бранковичъ и Фридакъ съ лампами и съ горнымъ платьемъ (штаны и куртка изъ толстой крашенины, кожа на задъ и шапка высокая валеная зеленая), и мы пошли въ рудокопни. Около трехъ часовъ оставался я подъ землею, и вышелъ изъ подъ земли въ Виндшахтѣ, за $\frac{3}{4}$ часа отъ Штявницы. Несмотря на то, что мы опускались въ одномъ мѣстѣ слишкомъ на 50 лѣстницъ, и потомъ поднялись на 106 лѣстницъ вверхъ (каждая около и болѣе сажня и назыв. фартъ), однако работающихъ еще не видали: такъ они глубоко подъ землею. Особенное чувство рождается когда бродишь подъ землею, по ходамъ, прорытымъ самимъ человѣкомъ... Каждая [лѣстница] пригвождена сверху, и снизу укрѣплена на узенькомъ полу, работникъ опускаясь или поднимаясь, держитъ въ одной рукѣ лампу, а въ зубахъ трубку. Около лѣстницъ машина, поднимающая воду и руду. Главная у Виндшахты машина занимаетъ въ глубь 1,250 футовъ. Въ Виндшахтѣ пришли мы къ бергману Добрянскому, Русину изъ Спизской столицы: и онъ

русисть, надъ постелью у него Петръ Великій, а со всѣхъ сторонъ карты частей свѣта, гдѣ Россія имѣетъ свои владѣнія; портретъ Николая на другой сторонѣ; о Россіи говоритъ онъ съ какою то чудной гордостью и любовью. Мы воротились домой въ половинѣ 1-го.

19-е. Лиготка.

Сегодня въ 10-мъ часу я простился со Штявницей и Прейсомъ. Болѣзнь удержитъ его тамъ еще съ недѣлю, а потомъ онъ проѣдетъ въ Краковъ скорымъ маршемъ; а я хочу обойти Словаковъ порядочно, и слѣдовательно не смѣю терять времени. До Свѣдѣнной Топлицы провожалъ меня Бранковичъ (2 часа хода отъ Штявницы): тамъ мы зашли въ баню минераль[ныхъ] горячихъ водъ, выкупались и потомъ пообедали. Дорога шла сначала тяжело на гору, потомъ горою внизъ и вверхъ по лѣсамъ и далѣе долиной. Купалень пять, хорошо обстроены, но кажется всё для мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ. Далѣе пошелъ я съ проводникомъ одинъ въ деревню Крестъ (Кряжъ, Kreutz, Керстъ) черезъ гору, которой вершина называется Золотой столъ, и потомъ спустился въ долину къ Грону. Въ Крестѣ есть замокъ, гдѣ живетъ епископъ Бѣлянскій, покровительствующій Голому. Онъ боленъ, и я не рѣшился безпокоить его посѣщеніемъ, а пошелъ далѣе и пришелъ сюда: постоялой дворъ у дороги въ Кремницъ, за нею потокъ Руница, за Руницей на холмѣ деревня Лиготка.

20-е мая. Кремница (Kremnitz).

Въ 10-мъ часу сегодня я пришелъ сюда, при самомъ входѣ въ городъ встрѣтилъ г. Ивачковича, къ которому адресовалъ меня Бранковичъ, и съ нимъ пошелъ въ топиальни, гдѣ руда топится, металлъ очищается и добывается. Кромѣ множества олова, и довольно порядочнаго количества серебра, получается и до 6 пудовъ золота. Не смотря однако на это, правительство питается надеждами на будущее и теряетъ ежегодно до 60,000 гульд. серебромъ. Въ топиальныхъ (Hütten) все показывалъ и объяснялъ мнѣ директоръ топиленъ, молодой, бойкой человекъ. Кремница лежитъ у истоковъ Руницы, такъ же какъ Штявница между горами; обстроена хуже.

21-е.

Послѣ обѣда мы отправились вчера на монетный дворъ. Это единственный для цѣлой Венгріи: на немъ чеканится ежегодно около 250,000 червонцевъ и на 1.200,000 гульд. серебра ежегодно. Серебро и золото поступаютъ сюда еще въ смѣси, отдѣляется, тянется въ ленты, изъ которыхъ вы-

рѣзываются монетные кружки, потомъ кружки подпиливаются по должному вѣсу, серебрянные для цванцигеровъ (двугривенныхъ), оксидируются, чтобы получили бѣлый серебрянный цвѣтъ (а до этого серебро кажется оловомъ, такъ нечисто), правильно округляются гладко и наконецъ чеканятся. Мы застали чеканенье и серебра и золота и я даже самъ отчеканилъ себѣ нѣсколько цванцигеровъ. Далѣе пошли мы къ евангелическому Словенскому пастору, и ходили съ нимъ вмѣстѣ въ такъ назыв. замокъ, гдѣ старая церковь, и на фарфоровую фабрику. Глина выжигается изъ кремнезема. Выжигать впрочемъ тутъ не умѣютъ. Назадъ шли мы мимо домовъ, гдѣ прежде жили храмовые рыцари, или какъ народъ ихъ называетъ Красные монахи. Они были и въ Штывницѣ. Нѣмцы пришли впрочемъ сюда прежде нихъ, и Нѣмецкій языкъ тутъ счелъ сильнѣе, особенно въ классѣ горныхъ и монетныхъ работниковъ.

Сегодня мы ходили съ пасторомъ Главачемъ къ фискалу-архивариусу городского архива. Онъ мадяроманъ, а я Русскою, и потому отвѣтомъ было, что въ архивѣ ничего нѣтъ примѣчательнаго. Хоть онъ потомъ склонился показать; но въ данное время въ архивъ не пришелъ, а оставилъ только реестръ. Огромная книга, на просмотръ которой надобно по крайней мѣрѣ два или три дня. Я могъ только замѣтить, что есть вещи изъ перв. половины XIII вѣка Напису Палацкому, пускай прѣзжаетъ самъ.

21-е Теплица у Гаа.

Опять въ Теплицѣ,—и въ добавокъ въ Турчанской столицѣ, откуда приходятъ къ намъ Словаки съ лекарствами, что тутъ зовутся олейкари. Большая часть этой столицы представляетъ долину, окруженную со всѣхъ сторонъ горами, на которыхъ кое гдѣ еще до сихъ поръ остался снѣгъ. Дорога изъ Кремницы идетъ на гору, между лѣсами еловыми, и мимо Нѣмецкихъ деревень; потомъ постепенно спускается и наконецъ за Alt Stuben къ Neu Stuben идетъ по долинѣ. Долина очень велика, покрыта лугами, полями, лѣсами, тоже большею частью еловыми. Природа вообще здѣсь прекрасна. Бани тутъ теплыя. Я купался сегодня въ самой холодной, и та довольно тепла. Со мною еще купались мужъ съ женою, незнаю кто. Гостей еще кажется мало. Комнаты очень дурны: мебель мужицкая и полы нечисты. Я впрочемъ останусь тутъ до вторника (сегодня суббота): обѣщалъ придти Главачъ, чтобы вмѣстѣ идти къ какимъ то развалинамъ. Время не потеряю, я между тѣмъ и покупаюсь. Отъ Кремницы сюда четыре часа ходьбы: я заплатилъ 2 двугривенныхъ возжатою, несшему мое добро; а отъ Штывницы до Кремницы 4 двугривенныхъ. Около Кремницы есть много кретивовъ, людей низкихъ, глупыхъ, едва понятно выговаривающихъ,—и всѣ они изъ Нѣмцевъ.

22. Воскресенье.

Сегодня послѣ купанья пошелъ я къ евангелическому князю (священнику) Мартини въ Гай, за $\frac{1}{4}$ часа отъ Теплицы, и съ нимъ въ церковь. Церковь по обычаю покрыта лавками, каждый приходитъ съ молитвенникомъ и кладетъ передъ собою. Надъ лавками довольно высоко, почти надъ цѣлой половиной церкви хоры: на хорахъ стоятъ мужчины, особенно молодые, ввизу жены, а спереди дѣвушки. Передъ обѣдней и послѣ обѣдни сверху внизъ выдаются такъ называемыя вонячки, т. е. букетики цвѣтовъ: каждый бросаетъ своей милой; впрочемъ не переглядываются. Турчанки славятся красотой, и въ самомъ дѣлѣ есть много хорошенькихъ. Одѣты все очень чисто. Обыкновенный цвѣтъ синій.

24-е.

Сегодня вмѣстѣ съ Мартини ходили мы ва Градки (1 часть отъ Гая), гору на которой былъ когда то замокъ. Теперь уже все заросло деревьями. Остаются только камни и кирпичи, и преданіе, которое между прочимъ говорить, что погребъ въ глубинѣ горы открывается самъ собою каждые три года въ невѣстный день, и что кто попадетъ въ это время въ погребъ, тотъ можетъ набрать золота въволю. Нѣкоторые думаютъ, что тутъ было Евогит. Видъ съ горы роскошной: съ одной стороны на Турчанскую долину и горы, а съ другой въ глубокое удолье, въ глубинѣ котораго стремится горный потокъ, а на одной изъ отлогостей стоитъ пастушій салашъ, и вокругъ пасутся между густымъ лѣсомъ на полянахъ овцы и козы.

Мошовцы, 27 мая.

Третьяго дня рано я вышелъ изъ Теплицы въ мѣстечко Мошовцы и остановился было въ постояломъ дворѣ; но священникъ Кубовичъ, котораго я тотчасъ посѣтилъ, заставилъ меня перейти къ себѣ. День прошелъ въ разговорѣ, а на вечеръ съ учителемъ Чипкаемъ отправились въ Блатницу къ священнику Месу, съ тѣмъ чтобы на другой день сдѣлать прогулку въ горы. Вчера рано пристала къ намъ и жена Кубовича съ двумя дѣвушками и жена Меса съ сестрой да различного сѣдомаго плечей 5. Мимо стараго Блатницкаго замка долиной пошли мы къ горѣ Толстой, и потомъ по ней, къ Махарной пещерѣ: къ ней карабкались, съ нее сватились; а тамъ и варили, и пѣли, и жарили, и пѣли пѣсни, а между тѣмъ въ мою записную книжку перепало и то другое любопытное, что мнѣ рассказывали. Теперь мы опять въ Мошовцахъ и собираемся въ новый путь. Блатница знаменита тѣмъ, что имѣетъ много Руссовъ.

т. е. олейкарей, ходившихъ по Россіи; они богатые люди; говорятъ языкомъ смѣшаннымъ, ни Словенски, ни Русски, имѣютъ самовары и чашки, и пьютъ чай, приняли разные Русскіе обычаи, и нѣкоторые по Русски говорятъ довольно хорошо, даже самъ священникъ выучился.

Блатница. 29.

Я все еще тутъ, въ Турчанской столицѣ. Третьяго дни ѣздили мы въ четырехъ въ село Шклабиню, къ развалинамъ стараго замка. Вчера цѣлый день остался въ Блатницѣ и разспрашивалъ объ обычаяхъ, а сегодня хочу присутствовать на сватбѣ. Третьяго дни вечеромъ мы пили чай у одного изъ Москвалей (какъ тутъ называютъ ходящихъ въ Россію): чай былъ хорошъ когда то, но потерялъ запахъ и отзывается разными маслами. Онъ мнѣ сказаль, что Блатничане, не ходя въ Россію, не могли бы жить.

Иванчина. 1-е Іюня.

Со мною случилась исторія. Жаль, что подробно разскаать ее не могу въ письмѣ. 29-го (воскресенье) я былъ въ Блатницѣ на сватобномъ обрядѣ и послѣ обѣда вмѣстѣ съ священникомъ и его женою пошли въ Мошовцы. Пришедши, мы пили чай, пѣли, плясали. Въ 12-мъ часу вечера пришелъ присяжный, который, узнавши обо мнѣ, захотѣлъ меня видѣть. Сначала было хорошо, но, опившись вина и чаю съ ромомъ, онъ захотѣлъ показать себя какъ чиновника важнаго на мнѣ; я ему замѣтилъ, что мы теперь въ приватномъ обществѣ, и всѣ равно приватные люди. Ich, ich bin ein privat! взревѣлъ онъ и мапугнулся на меня, говоря что въ столицѣ и самъ Kaiser von Oestergreich зависить отъ него, что меня онъ можетъ взять въ арестъ, можетъ повѣсить. Я показаль ему часы (было $\frac{1}{2}$ 2-го за полночь) и, сказавши, что могу разговоромъ ввести его еще въ большее искушеніе, пожелаль ему покойной ночи. Aber der Pass?—Паспортъ покажу завтра, а сегодня хочу спать. Съ этимъ я ушелъ въ другую комнату. Еще сильнѣе возбурился мой присяжной, кричалъ, грозилъ, и все это продолжалось до $\frac{1}{2}$ 4-го. Меша стоялъ за меня, говорилъ, что такимъ обхожденіемъ со мною онъ подаетъ мнѣ худое мнѣніе не только о себѣ, но и о невѣ[же]ствѣ цѣлой столицы. Мало по малу онъ усмирѣлъ. Меша пришелъ ко мнѣ, прося, чтобы я ему показаль паспортъ и отвязался отъ него. Я отвѣчалъ: пожалуй, пусть придетъ ко мнѣ ex officio съ вопросомъ, кто я и имѣю ли паспортъ. Онъ пришелъ, я принялъ его, какъ новое, совершенно незнакомое лице, показаль паспортъ; онъ сталъ просить прощенія, и въ пылу желанія благодѣтельствовать мнѣ сказаль, что дастъ форспангъ (почтов. лошадей, которыя тутъ даются только безъ денегъ, по казенной надобности).

Впрочемъ примиреніемъ дѣло не окончилось: онъ ушелъ уже въ 6-мъ часу, напившись кофію. Тогда только легли мы спать. Послѣ обѣда все мы пошли вмѣстѣ въ Иванчину, гдѣ священникомъ Солтисъ, одинъ изъ извѣст. писателей: меня хотѣли проводить. День прошелъ приятно, я остался ночевать у Солтиса, на другой день думая далѣе. Вчера пошли мы прогуливаться съ Солтисомъ къ р. Турцу, какъ вдругъ намъ даютъ знать что пріѣхалъ служный (Stullrichter, земскій судья) и хочетъ меня видѣть. Онъ просилъ меня показать паспортъ, разспрашивая о моихъ путешествіяхъ и разговаривая довольно вѣжливо; а потомъ сказалъ, что мой паспортъ недостаточенъ, что теперь въ Венгріи владычествуетъ націонализмъ (т. е. мадьяризмъ), что Славяне вооружаются противъ него, хотѣли бы имѣть царемъ Русскаго царя и что поэтому всякой Русскій подозрителенъ (verdächtig). Далѣе далъ мнѣ совѣтъ идти къ вице-ишпану столицы и просить его визировать паспортъ. Вице-ишпанъ чортъ знаетъ гдѣ, и потому я рѣшился прямо къ обер-ишпану, живущему въ Мошовцахъ, какъ въ помѣстьи. Съ Солтисомъ я воротился въ Мошовцы, былъ у обер-ишпана, очень хорошо имъ принять, и получилъ отъ него своеручное визо. На мое удивленіе, какъ могъ мнѣ служный сказать, что всякой Русскій подозрителенъ въ Венгріи и что паспортъ данный правительствомъ Русскимъ и утвержденный правительствомъ Австрійскимъ, недостаточенъ, баронъ Ревай отвѣчалъ мнѣ: простите невѣжеству сказавшаго, и чтобы не имѣть впередъ дѣла съ невѣжами, представляйте всюду свой паспортъ вице-ишпану сами. Онъ оставлялъ меня на вечеръ, но мнѣ хотѣлось еще посѣтить домъ, гдѣ родился Колляръ, и католическую церковь. Братъ Коллара—скорнякъ, очень бѣдной. Въ церкви я видѣлъ дерев. статуи Кирилла и Мефодія, безъ всякихъ римскихъ признаковъ, вставленныя въ коробъ или шкафъ съ дверями, похожій на наши складни, и на дверяхъ образа греческой школы въ золотомъ полѣ. Ночевалъ въ Мошовцахъ, а сегодня воротился въ Иванчину, и по дорогѣ смогъ, а потому и долженъ былъ остаться на ночь. Не я первый остановленъ былъ въ Турчанской столицѣ: и у короля Саксонскаго, шедшаго по Карпатамъ, спросили тутъ паспортъ, и онъ отдѣлялся подарками. Турчанскіе дворяне чрезвычайно бѣдны, иные бѣднѣе бѣднѣйшихъ мужиковъ, и ихъ множество; а между тѣмъ они хотятъ казаться богатыми.

Угровцы. 2-е іюня.

Сегодня изъ Иванчины я переѣхалъ въ мѣстечко Словенское Правно, похожее на деревушку, къ священнику Бѣлогорскому, и пообѣдавши у него, отправился далѣе, нанявши тутъ «прилежность» до Тренчина за 18 гульденовъ, т. е. за 16 рублей. Переѣхавши черезъ горы Жьары или по здѣшнему выговору Жьары, мы спустились въ Нитранскую столицу. Чудесная долина, плодо-

родіе удивительное, земля прекрасно вздѣлана, бѣдныхъ земановъ (помѣщиковъ) очень мало, а мужики богаты, хоть и гораздо хуже одѣты. По дорогѣ встрѣчались господскіе дома очень милые, окруженные садами, а замокъ Пальфи графа, близъ мѣстечка Привидзы, въ другомъ мѣстечкѣ Бановцахъ, огромный и великолѣпный. Угровцы крошечное селеніе въ $\frac{3}{4}$ часа за другимъ мѣстечкомъ Осланомъ.

Тренчинъ. 6-е.

Взглянувши на карту вы увидите, что я подвинулся довольно далеко на западъ къ Вагу. Тренчинъ—главный городъ Тренчанской столицы, крошечной городокъ, въ которомъ болѣе половины жителей Жиды. По широкой долинѣ, между лугами течетъ Вагъ, надъ долиною слѣва возвышается стѣною огромная скала, на скалѣ огромныя развалины замка, подъ самой скалой прижался городъ, не имѣющій ни одной улицы, а только нѣсколько переулковъ и длинную площадь, оканчивающуюся съ обѣихъ сторонъ воротами, за которыми съ южной стороны тянется въ сторону и около города предмѣстіе. Въ самомъ городѣ есть порядочные домики; въ предмѣстіи дрянныя какъ за Лопанью по Рождеств. улицѣ, и хуже. Монастырь піаристовъ большое зданіе. Но лучше всего развалины и видъ съ нихъ на окрестность, равно и вербовныя аллеи по долинѣ. 4-го я былъ у вице-ишпана и показалъ ему свой паспортъ, ходилъ на развалины (колодезь въ скалѣ чрезвычайно глубокой, страшно глубокая яма, гдѣ когда-то умирали голодомъ протестанты гонимые католиками, башня Матвея Корвина, тройная стѣна), и съ башни піаристовъ снималъ видъ развалинъ. Вчера ѣздилъ въ Теплицы ($\frac{3}{4}$ часа отъ Тренчина) вмѣстѣ съ протест. священникомъ Долежаломъ, его женою и крошечнымъ миленькимъ сыномъ Самуиломъ: тамъ мы купались, гуляли. Близъ Теплицъ село, кругомъ горы, покрытыя лѣсомъ, на площади около церкви лавки съ разными товарами большею частью изъ Пресбурга. Гостей еще не много, но уже съѣзжаются (тутъ бываетъ много и изъ Польши); вчера было воскресенье, и потому много съѣхалось изъ Тренчина особенно дворянъ, пріѣхавшихъ въ Тренчинъ по дѣламъ. Теплицы вмѣстѣ съ мѣстечкомъ Дубилицы принадлежатъ Вѣнскому банкиру барону Синѣ.

Жилина. 7-е.

Это тоже городокъ въ Тренчанской столицѣ. Вчера въ 2 часа пополуни выѣхалъ я изъ Тренчина, ночевалъ въ Быстрицѣ, и сюда пріѣхалъ въ концѣ 11-го. Дорога по лѣвому берегу Вага; виды очаровательны, но къ сожалѣнію видѣть ихъ мѣшалъ дождь. Лишь только начинается дождь тутъ, горы тотчасъ застилаются облаками и видны только кусочками. Долина между

горами—садъ. У Быстрицы есть развалины замка на неприступной скалѣ. Вообще тутъ замковъ въ развалинахъ по горамъ очень много. За Быстрицей начинаются небѣленны курныя избенки. Народъ тутъ чрезвычайно бѣденъ: полей мало, а народу много; единств[енный] промыслъ сплавъ деревъ по Вагу въ Дунай, плги т. е. плоты идутъ во множествѣ, но такъ какъ отъ нихъ доходу мало, то Тренчане должны ходить въ другія столицы промыслять хлѣбъ и ходить не только въ другія столицы, но и далеко по свѣту. Турчане ходятъ, какъ олейкари, а Тренчане, какъ дротари, продаютъ дротъ, дротятъ разбитые горшки, продаютъ также простые ножи, губку деревянную (grachno) и пр. Они заходятъ даже въ Америку. Рассказываютъ, что однажды два Тренчана сошлись въ Америкѣ и не мало тому удивились: одинъ былъ попъ, а другой дротарь; дротарь пришелъ исповѣдываться къ попу, и попъ не узналъ своего земляка до тѣхъ поръ пока дротарь не сталъ молиться по Словенски. Хоть избенки и дурны, но глядѣтъ на нихъ пріятно: домика за зеленою деревьевъ почти не видно, весь дворъ какъ садъ, покрытъ яблонями, черешнями, вишнями, липами, тополями, дикими каштанами и т. п.

За обѣдомъ я слышалъ, что народъ тутъ хлѣба не ѣстъ, а ѣстъ картофель; хлѣбъ продается и имъ платитъ дань. Страшно подумать, что дань вырываетъ послѣдній кусокъ изъ рта.

Сегодня послѣ обѣда я ѣздилъ въ деревню Лѣтаву (1¼ отъ Жилины), въ горы. Мѣстоположенія очень похожи на Фріульскія, гдѣ я былъ за 13 мѣсяцевъ: тѣ же скалистыя горы, потоки по камнямъ, только зелени больше и деревенки хоть и столь же нечистыя, но не изъ камня, а изъ дерева. Надъ Лѣтавою возвышается на огромной, крутой горѣ замокъ, знаменитый въ преданіяхъ угнѣтеній инновѣрцевъ—чуть ли не православныхъ. Далѣе на югъ есть гора Жибридъ, въ долину подъ горою, говоритъ народъ, былъ монастырь черныхъ бородатыхъ монаховъ, а теперь ему слѣдовъ нѣтъ. Лѣтавскіе паны сожгли его, а монаха взяли въ замокъ, мучили, и потомъ сбросили со скалы замковой; гдѣ онъ палъ, тамъ камни растворились, и опять лягли какъ будто ничего не бывало. Онъ впрочемъ, говоритъ народъ, былъ кациръ (еретикъ). Въ Лѣтавѣ священникомъ почтенный старикъ Горецкій, хоть и католикъ, но хорошій Словакъ. Въ церквѣ, въ постройкѣ которой замѣтно что-то православное (раздѣлена она на три части: алтарь, церковь и паперть), есть старый образъ, составлявшій часть складня, изображающій множество голыхъ, пронзенныхъ кольями, на которые были кинуты съ горы, гдѣ стоятъ люди въ Татарскихъ долгополыхъ кафтанахъ, и одного, какъ будто Нѣмца въ востюмѣ XVII—XVIII вѣка, толкающаго одного голаго съ горы внизъ ногою. Между многими очень много бородатыхъ, а одинъ и въ Римской митрѣ, тоже голый. Поле образа—золотое въ узорѣ.

Сучаны. 8-е.

Я опять въ Турчанской столицѣ; старыя мои знакомыя отъ меня вблизи, часахъ въ 4-хъ, въ 5-ти. Изъ Жилины я продолжалъ путь далѣе все берегомъ Вага. До Стрѣчна продолжались прежніе виды—широкая долина, въ срединѣ Вагъ, далѣе горы. За Стрѣчномъ горы сходятся; Вагъ течетъ узко и бурливо, а съ обѣихъ сторонъ поднимаются скалы, почти отвѣсно. Онѣ только что прикрыты лѣсомъ. Дорога прорублена по лѣвому берегу, и хоть исправляется арестантами непрерывно, однако вода обваливаетъ влочки ея въ воду и дѣлаетъ ее непроходимую. У Стрѣчна тутъ есть чудесныя развалины, далѣе въ горахъ другія, потому нѣтъ ни жилья, ни человѣка. Эта дичь продолжается и въ Турчанскую столицу, но тамъ мало по малу горы раздвигаются, и потому опять передъ глазами долина—и горы видны до вершины.

Ясенова. 10-е.

Вчера рано утромъ выѣхалъ изъ Сучанъ на сѣверъ въ Оравскую столицу, изъ долины опять въ горы, опять по берегу Вага между скалами, потому оставилъ Вагъ на право и вверхъ по берегу Оравы пріѣхалъ въ Истѣбно къ священнику евангел. М а т ѹ ш е ѣ. Предоброй молодой человѣкъ, жена прелестная молодая дама изъ богатаго дома и проста, какъ сестра. Церковь тутъ деревянная, бѣдная. Сегодня съ Матѹшкой поѣхалъ я въ Оравскій замокъ, принадлежавшій Турау, а теперь многимъ. Смѣло поставленъ онъ на узкой торчащей сахар[ной] головою скалѣ, и сохранилъ многое отъ стараго времени. Тамъ обѣдали, потомъ поѣхали въ городокъ Кубинъ, главной въ Оравской столицѣ. Тутъ переѣхали черезъ деревянный, сдѣланный сводомъ мостъ съ крышей чудной архитектуры. Кубинъ дрянной городишна. Тутъ мы останавливались у стараго евангел. священника, а къ вечеру пріѣхали въ Ясеново, гдѣ священникомъ Цохіусъ, молодой чел., приготавлиющийся жениться и для меня очень полезный. Тутъ я остаюсь на завтра. У этихъ людей я, какъ дома. Орава вся въ горахъ. Сегодня видѣлъ съ замка и собств. Татры. Снѣгу на нихъ еще довольно. Эта столица также знаменита полотняниками, какъ Турчанская шафранниками и олейкарами, а Тренчанская драгатами: полотно возятъ они въ Турцію, Грецію и т. д.

Св. Микулашь. 13-е.

Вчера пріѣхалъ я сюда подъ вечеръ: это главный городокъ Липтовской столицы. Изъ Ясеновой надобно было подняться на основаніе огромной горы Хоча и потомъ спуститься къ Вагу. Тутъ у входа въ Липтовскую долину

стоятъ городокъ Ружембергъ, дрянной, но годится для картинки, потому что кругомъ огромныя живописныя горы. Микулашъ и Врбѣца два мѣстечка, соединенныя улицами. Есть нѣсколько порядочныхъ домовъ, но всѣхъ мало, и все безъ порядка. Тутъ пасторомъ Годжа ¹⁾. Онъ только что воротился изъ Вѣны и ужиналъ у тестя; я пошелъ туда и повнакомился съ тестемъ и съ молодой Годжевой женою. Приятно глядѣть на эту пару голубковъ. Годжа былъ въ Вѣнѣ съ другими и съ суперинтендентомъ Йозефи просить правительство защиты противу Мадьяровъ. Меттернихъ и Колловратъ приняли ихъ прекрасно; Людвигъ взялъ просьбу и можно надѣяться, что просьба подана не напрасно. Сегодня утромъ я провелъ время отчасти дома, отчасти съ Фейерпатави, здѣшнимъ книгопродавцемъ, обѣдалъ у Годжи, а послѣ обѣда ѣздилъ съ капелланомъ Носавомъ въ Демановскую пещеру, въ 2 часахъ отъ Микулаша. Въ пещерѣ мы были два часа. Она въ родѣ Аделсберской, но стара. уже не родитъ капельника, и спускъ въ нее чрезвычайно крутъ, несносенъ. Одна часть ея, — Ледовà дѣра очень занимательна: тамъ всѣ фигуры изъ леду, страшны, красивы, оригинальны. Ледъ никогда не таетъ.

16-е.

Третьяго дня утромъ я съ Носавомъ и мѣщаниномъ Бѣлоу поѣхалъ изъ Микулаша на прогулку къ Татрамъ. Цѣлая Липтовская столица окружена горами, до сихъ поръ покрытыми снѣгомъ, собственныя Татры на сѣверо-востокѣ, съ тремя своими главными шпичами, Криванью, Герлашскимъ шпичемъ и Ломницею. Мы не надѣялись взойти ни на одинъ изъ шпичовъ, потому что снѣга совершенно покрываютъ ихъ, однако рѣшились ѣхать — взглянуть хоть на плеса (горныя озера), если не на что другое. По дорогѣ заѣзжали мы въ св. Янъ (село). Тутъ есть замѣчательное эхо: оно повторяетъ 14 слоговъ очень внятно. Мы закричали: да здравствуетъ царь Русскій Николай! и эхо повторило все это до буквы. Оно впрочемъ не громко, хоть и внятно. Чтобы слышать эхо, надобно стоять въ известномъ мѣстѣ среди поля; сзади тянется поле далеко подъ гору и оканчивается лѣсистою горой, а спереди тоже ровный дугъ и потомъ горка длинная (она то повторяетъ голосъ), на право горы сгущаются, на лѣво расширяется Липтовская долина. Тутъ же близъ церкви есть источникъ соленой воды: раннимъ утромъ пролетающая надъ нимъ птица падаетъ и умираетъ. Въ Гибакъ мы уговорили сопутствовать намъ доктора Гвота и кандидата Крауса, и, взявши проводникомъ ловца Гакеля, рѣшились попытаться взойти на Кривань, и поѣхали ночевать подъ самую гору въ лѣсъ. Тамъ въ лѣсу стоятъ халуты, хорошо выстроенныя изъ дерева, не хуже Сербскихъ хижинокъ. Едва мы успѣли

¹⁾ См. выше, стр. 352.

добраться до нихъ (въ $\frac{1}{2}$ 11-го), какъ собрались тучи и начались раскаты грома. Мы разложили огонь въ халупѣ, набрали на ночь сухихъ вѣтвей и коры; Носакъ наварилъ намъ супу и говядины, Гвотъ напекъ солонины, окорока; вина, хлѣба, сыра было у насъ вдоволь; были всѣ веселы. А Гавель придавалъ на[мъ] еще болѣе бодрости, увѣряя, что къ утру небо очистится. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ трехъ бурь, грозно раздававшихся между горами, солнце встало ясно, остались только густые туманы по горамъ. Мы съѣли по куску сыра и хлѣба, запили виномъ, и отправились въ путь въ половинѣ шестаго. Съ часъ шли мы лѣсомъ, потомъ голой отлогостью очень удобно, и такъ дошли подъ кончурь (верхушку), мимо трехъ прегибъ. Съ послѣдней взглянулъ я опять на кончурь, и повторилъ по крайней мѣрѣ въ 10-й разъ, что я не понимаю, какъ бы можно было добраться до верха. Онъ такъ крутъ, какъ только можетъ быть круто поставлена лѣстница,—и ничего кромѣ камня и снѣга. «Э, пойдемъ», сказали мнѣ товарищи, и мы начали карабкаться. Гавель шѣлъ впереди и указывалъ путь: это настоящая коза, бѣгаетъ, прыгаетъ съ камня на камень надъ пропастями, какъ со стула на стулъ, прокладываетъ дорогу по снѣгу, и одинъ только обремененъ ношею (онъ имѣлъ въ сумкѣ хлѣбъ, вино, сыръ, порохъ, пули) и ружьемъ. Мнѣ непривычному было тяжело всѣхъ; въ иныхъ мѣстахъ я не зналъ какъ и ступить слѣдующій шагъ, за какой камень взяться рукою, куда переставить ногу, а ползти по снѣгу было и страшно и досадно: я того и ждалъ что скачусь въ пропасть. Эта исторія продолжалась болѣе часу, и я самъ не знаю, какъ я наконецъ очутился у памятника Саксонскому королю, бывшему тутъ за нѣсколько лѣтъ. Верхушка совершенно завалена снѣгомъ; только оболочка памятника оттаялъ онъ, и еще намъ было мѣстечко въ квадратную сажень. Мы тутъ сѣли. Все вокругъ было закрыто густыми облаками тумана: мы были какъ будто въ небѣ, и такъ продолжалось отъ 10 до 11. Мы закусили, стали пить за здравіе всѣхъ кто намъ дорогъ, пѣть пѣсни. Между прочимъ мы пѣли одну патриотическую пѣсню Словенскую. При стихѣ «Мы стоимъ стаде певнѣ» мы встали и не успѣли пропѣть куплета, какъ подулъ сильный вѣтеръ, разогналъ туманы и мы увидѣли Татры подъ ногами, и далѣе Липтовскую столицу, Спишскую, часть Зволейской, Шаршской, Оравской, часть Галиціи до Кракова. Видъ великолѣпной. Татры покрыты еще всюду глубокимъ снѣгомъ. Снѣгъ этотъ стекаетъ въ долины и образуетъ плеса; ихъ видѣли мы съ Кривани 7. До полудня (2 часа) мы остались на вершинѣ, потомъ стали спускаться. Гавель выбралъ другую дорогу, съ другой стороны кончура, говоря, что тамъ будетъ легче спускаться. Я впрочемъ всетаки не понималъ, какъ спустимся, и признаюсь думалъ не воротиться живымъ. Все окончилось однако счастливо. Съ полчаса было мучительно, а потомъ, хоть и не легко, но я уже

привыкъ прыгать и дѣло пошло весело. Въ три часа мы были уже опять въ Болибахъ. Краусъ не ходилъ на Кривань, а варилъ намъ мясо. Къ вечеру мы были въ Гихбахъ, и тамъ остались на ночь. Намъ не хотѣли вѣрить, что мы были на Кривани, и самъ Гакель утверждаетъ, что мы первые, рѣшившіеся до Ивана (24 іюня) идти на Кривань; обыкновенно всходятъ въ августъ и въ сентябрѣ, когда снѣгъ сойдетъ; тогда и дорожка на вершину открывается, и хоть тяжела, но далеко не то, что испытали мы. Усталости я не чувствую, но ноги выше колѣнъ болятъ. Кривань вышиною 7,600 футовъ. Только въ самомъ низу покрыта она лѣсомъ, далѣе до самаго кончура пологости покрыты травюю, и послѣ косодревниной (Krumholz), на кончурѣ голый камень и мохъ.

20-е. Банская Быстрица.

Вчера былъ на Годжевой проповѣди: говорилъ о томъ, что значить человекъ строгій къ самому себѣ и другимъ, и говорилъ превосходно. Я и не думалъ, что онъ, мой милый Мишео, таковой чудесный проповѣдникъ. Послѣ обѣда я сѣлъ и поѣхалъ далѣе. Жаль мнѣ было разставаться съ этою доброю милою парюю. Онъ меланхоликъ, она весела, онъ съ характеромъ твердымъ, она краснѣетъ съ каждымъ словомъ, и оба добры, милы, какъ нельзя болѣе.

Тутъ оканчиваю свое письмо и начинаю слѣдующее. Цѣлую ручку, милая маменька.

Вашъ вѣрный сынъ Измаиль.

ОТДѢЛЪ II.

О говорѣ крестьянъ южной части Череповецкаго уѣзда Новгородской губ.

Южная часть Череповецкаго уѣзда граничитъ съ Устюженскимъ уѣзд. Новг. губ., Весьегонскимъ уѣзд. Тверской губ. и Моложскимъ уѣзд. Ярославской губ. и заключаетъ въ себѣ слѣдующія волости: Уломскую, Дмитріевскую, Колоденскую, Горскую, Хотовецкую и Мороцкую. Означенныя волости отчасти расположены по лѣвому берегу р. Мологи и тянутся до р. Шексны.

Въ говорѣ означенной мѣстности характерными чертами будутъ: сохраненіе древняго Новгородскаго говора: *чваканье* и *чваканье*; затѣмъ большая часть рѣчи пересыпается *теканьемъ*, т. е. послѣ словъ ставится приставка *те*, и наконецъ т. е. мѣна *ъ* въ *и*, а иногда и въ *ы*. Примѣры будутъ указаны ниже.

Переходъ твердыхъ гласныхъ въ мягкія чаще, чѣмъ на оборотъ, отсюда въ разговорѣ замѣчается нѣкоторая мягкость.

Перехожу къ особенностямъ отдѣльно по каждой буквѣ, начиная съ измѣненій въ гласныхъ:

1. А въ *я* и *о* въ словахъ: ярякъ, ялушерка, больня, шалья, дальня, прошляйте, корета, покастъ.
2. О въ *ѣ*, *у* и *ы* въ словахъ: ѣнъ, льдѣшъ, кореннѣй, лѣжится, сильнѣ, трѣсникъ, Миккулай, дотрыгаться.
3. Ы въ *і* и *у* въ словахъ: больнѣ, кореннѣ, ¹⁾ прущъ.
4. У въ *ю* и *а* въ словахъ: Дюня, льдю, двюхъ (многіе пронаносятъ и двехъ), штюка (щука), купчю, отчю, швечю, фрячюзъ, маравей, Маравьево село ²⁾.
5. Я въ *е* и *а* въ словахъ: легу, стѣду (деревня Хмѣлина), нельзе, грезъ (Улома), прѣду, прѣсти, прѣжа, порѣжена, (с. Мороцкое), запрѣгать (с. Дмитріевской), опѣтъ, гудеть (д. Островъ), трѣсти, воденой, хозиннъ (Улома); байна, байну, баенка.
6. Е—о, у и я въ словахъ: пещора, приподцы, должонъ, доржать, поддорживать безчостно, небезчостно, очосался, робонотъ, кресла (кресла), Надежа (Надежда—ния); очунъ, качула, болязь. Ъ—и въ словахъ: лисъ, истъ, смиверь (д. Островъ), мисяць, встрича, обидня, нисто, виснѣ, тима, одить (с. Мороцкое), листинца (д. Пехтнево), хлибъ (с. Кондашъ), бмный (с. Дмитріевское), сима.
7. И—ы и о въ словахъ: смородына, хархотына, отростыли; бѣлочій, дѣвочій ³⁾.
8. Ю—и въ словѣ: слина.

¹⁾ Желательно знать, только ли въ имен. множ. мужск. р. или и въ винит. множ. ч. женск. р.—требуются разные примѣры. Ред.

²⁾ Здѣсь *о* не изъ *и*, а изъ стар. *ъ*—бѣлка, дѣвка, наше же *дечиій* отъ *дечица*. Ред.

³⁾ Тутъ *у* изъ *о*: мравій (старосл.), русск. моровой.

Измѣненія въ согласныхъ:

9. К—г, т и х въ словахъ: ключь, глубинка, глвдiя, зергалo, гачать и гичать; трах-малъ, пота (=пока), дота (дока); верховъ (=вершковъ).
10. Г—х въ словѣ: шяхомъ.
11. Х—ф въ словахъ: куфарка, куфня.
12. П—т и м въ словахъ: тробка, перетона, перетонка; мтица, мташка.
13. Б—г въ словѣ: гуага.
14. В—р и с въ словахъ: розлѣ, скусъ.
15. Т—ч и н въ словахъ; учажелать, почми (=почти).
16. Д—н въ словахъ: кимать, скимывать.
17. Ч—ц въ словахъ: чай, сада, цистый, мочить, получить, лець, пецка, цѣво (=чего), цароцка, доцка, ноцка. Нужно замѣтить, что перемѣна звуковъ ч въ ц болѣе рѣзко выдается въ Николо-Раменскомъ и Вауцкомъ приходдахъ Горской волости.
18. Ч—п въ словѣ: перезъ (=черезъ).
19. Ш—с въ словѣ: салашь.
20. Щ—шт въ словахъ: пичтя, вешти, крештевiе, угоштенiе, проштайтя, штипать, пуште, шти, штюка (=щука), еште.
21. Ж—з въ словѣ: порозной.
22. Ц—ч въ словахъ: чѣпъ, чѣна, чарь, работнича, двадцать, тридцать, черковь, молодець, боречь, мудречь.
23. Л—в и н въ словахъ: пойво, кормицець.
24. Р—л въ словахъ: трактель, карактель.
25. Н—м въ словахъ: почметъ, Микнта.

Наконецъ можно привести нѣсколько словъ съ лишними буквами: спосуда, скряду, скопiя, воспа, оострый, Ле(с)онидъ, Лари(с)онъ, пере(н)борка, здра, байна; (с)колько (сколько), поземъ (пойдемъ), тязовый, тончновый и отгѣтитъ перестановку въ: ускусъ (=увкусъ).

Переходя къ склоненiямъ именъ существительныхъ можно указать на слѣдующее: имена оканчивающiеся на чь во множественномъ числѣ родительнаго падежа вмѣсто окончанiя *овъ* выговариваются *ей*: купчей, зайчей, жнечей, огурчей, рубчей, кончей. Имена прилагательныя оканчивающiеся на *оскiй* въ произношенiи измѣняются на *сской*: Москосской, Русской, борсской, остросской, Панфлосской, Коротосской (отъ названiй селевiй).

Глаголы повелительнаго наклоненiя, настоящаго времени, единственнаго числа вмѣсто окончанiя *ся* произносятся *си*: грѣйси, мойси, зомайси, шатайси, мотайси, майси, лайси.

Въ глаголахъ взаимныхъ и страдательныхъ окончанiе *ться* произносится *тцы* и *ви*. *лса-лсы*: сбратцы, бросатцы, ругатцы, боротцы, боятцы, смѣятцы; *иналсы*, *наседѣлсы*, *наѣлсы*, *наплсы*, *насмотрѣлсы*, *женплсы*, *ложилсы*.

Въ глаголахъ изъявительнаго наклоненiя окончанiя *иъ* и *чь* произносятся на *си* и *ци*: *даси*, *недаси*, *иси*, *понси*, *леми*, *немоци*, *береци*.

Мѣстоименiя единственнаго числа, женскаго рода въ родительномъ падежѣ вмѣсто окончанiя *ой* и *ей* сохраняютъ въ *ые* и *ее*: *тѣе*, *самые*, *иные*; *твоеть*, *моеть*.

Имена числительныя въ тѣхъ же направленiяхъ измѣняются въ произношенiи: *одные*, *другiеъ*.

Мѣстоимѣнiе или членъ *те* слѣдуетъ послѣ именъ существительныхъ множественнаго числа: *кони-те*, *сѣна-те*, *уши-те*, *наши-те*, *руки-те*, *дороги те*, *плеча-те*, *коровы-те*, *слезы-те*, *дѣвокъ-те*. Повторяю, что это *те* *ка* и *нѣ* при-даетъ особую характерность мѣстному говору.

Ударенія на первомъ слогѣ слышны въ слѣдующихъ словахъ: ковать, снѣль, коной.

Прилагаю ниже списокъ мѣстныхъ словъ, которые могутъ служить дополнительнымъ матеріаломъ къ «Новгородскому областному словарю», если таковой существуетъ. Еще нужно добавить, что слова, отмѣченныя у меня звѣздочкой (*) распространены и въ другихъ мѣстностяхъ ¹⁾.

А.

Ахетало, ахеталось—Случилось, угораздило.
Аховой—Удалый, смѣлый человекъ.

Б.

*Бася, баской,—ая—Красота, красивый, нарядный.
Бархатникъ.—Сарафанъ изъ бархатной матеріи.
*Бажничать, забажничалось.—Хотѣть, желать чего нибудь.
Балаболешникъ—Водяное растеніе желтые кувшинчики (*Nymphaea flava*).
Бѣломойка—Растеніе, сокомъ котораго дѣвушки натираютъ себѣ лице, при этомъ оно сильно разгорается.
Бережникъ.—Сарафанъ изъ синяго холста, носимый старухами.
*Божатко, божка, божинька—Крестный отецъ и мать.
Болоно, болонья—Невоспалительныя опухоли на тѣлѣ.
Болѣлый—Нездоровый, больной.
Болятокъ—Прыщъ, короста.
Бобка, бобочка—Игрушка, забавка, потѣшка, какой нибудь предметъ для дѣтей.
Брила, брилка—Губа, подбородокъ.
Брунецъ—Ягоды моховаго вереска, черноголовника (*Potegium*).
Буршеи—Майскій жукъ.
Бѣль—Сулема.
Вредъ—Конопляныя нагребя.
Вредовина, бредникъ—Кустарникъ ива.
Вачина—Палецъ, колъ.
Богать—Загонять рыбу.
Бобушки, воспица—Волѣвъ оспа.
Багонникъ—Растеніе богульникъ (*Audromena polifolia*).
Брага, бражка.
Блинникъ—Пирогъ съ блинами, пересыпанными крупой или яйцами. Стряпаютъ къ мянникамъ и къ праздникамъ.
*Большакъ—уха.—Хозяинъ дома, глава семейства.
Былецъ—Трава (=?).
Баловка—Дѣвушка или женщина худого поведенія.
*Ваять—Говорить, связывать.
Вайдакъ—Толстыя доски; половой тесть.
Врунтъся—Колосится
Бродкѣй, небродкѣй—Бойкій, рѣшительный человекъ и обратное значеніе.
Бежеша—Кафанъ, крытый сукномъ.

¹⁾ Рудновъ. Статистическія свѣдѣнія о Новгородской губ. 1866 г. (Но въ какомъ уездѣ записаны неизвѣстно).

Я. Свѣтловъ. О говорѣ жителей Каргопольскаго края. („Живая Старина“, выпускъ III, 1892 г.).

Н. Лѣсковъ. О вліяніи корельскаго языка на Русскій въ предѣлахъ Олоонецкой губ. („Живая Старина“, вып. IV, 1892 г.).

Благодать—Худая погода, наступившая вдругъ, какъ то: буря, мятель, дождь, громъ и молнія.

Вухвостить (=?).

Валжашъ—Шутникъ, озорникъ.

В.

Вализна—Воспаленіе подкожной жирной кѣтчатки.

Вѣтвеница—Хроническая сыпь по тѣлу.

Векшарь—Грибъ козлякъ (*Boletus granulatus*).

Вѣшница—Лихорадка.

Вешнетинье, вешти.—Лекарство, средство.

Вихлецъ—Поносъ у дѣтей, зависящій, якобы, отъ свертыванія копчиковой или хвостовой кости наружу и вслѣдствіе этого задній проходъ остается открытымъ.

*Вица—Вѣтка, хворостина.

Вольный—Лѣсовикъ, лѣшій.

*Волога, воложны й, поволожистей.—Жирно, маслянисто.

Волошокъ—Глиняная крышка для горшка.

Волось—Свищи, холодные нарывы, востокѣда съ сильнымъ отдѣленіемъ гноя, гдѣ предполагаются животныя, едва видимыя глазомъ въ формѣ волоса.

Ворогуха—Лихорадка.

Выть—Вѣда, время обѣда и ужина.

Високъ, виски.—Обрывокъ, кусокъ тряпки, отренья.

Вятеръ—Рыболовный снарядъ.

Возгри, возгреватый—Сопли, соплягый.

Встрѣшникъ—Болѣзнь лошадей.

Варево—Супъ изъ ячневой крупы.

Выть, воеть.—Плакать, голосить.

Валѣжь—Лѣсъ, подрубленный съ весны, осенью его чистятъ и употребляютъ на уголья.

Вѣтрундѣкъ—Нѣжные лепестки, береста на березѣ, которая отъ малѣйшаго вѣтерка двигается.

Волочуга, волочушка—Небольшой возъ сѣна.

*Взабыль, взабыльшой—Вѣрно, правда.

Вершокъ—Чулокъ, носокъ.

Важеватый—Ласковый, пріятливый въ обращеніи.

Волокошко—Невладѣющій членъ, напр. рука или нога.

*Волоть.—Стебель у зерновыхъ хлѣбовъ.

Воврѣть, воврѣло—Пристало, прилипло.

Варзѣ, варзаться—Неспокойный, придирчивый человекъ.

Волосникъ—Старинный женскій головной уборъ съ тремя рожами.

Вирять. (=?).

Верстать—Отдавать за мужъ.

Вражки—Дѣвчья игра на подобіе горѣлокъ.

Вересовое сусло Праздничный напитокъ, приготовляемый изъ можжевеловыхъ ягодъ.

*Вѣенусъ—Прошлой весной.

Г.

Галуха, галится—Смѣхъ, смѣяться.

Гарусникъ—Сарафанъ изъ шерстяной матеріи.

Голошено—Чистое пространство между сучьями у сосны; колѣно, часть.

*Голчить—Говорить.

Гораздо, не гораздо—Очень, не очень.
Гошиться—Готовиться, припасаться.
Горькуша—Растение полынь (*Herba absinthis*).
Грамотка—Бумага.
Гуня, гунька—Дѣтская пеленка.
Гветуха—Лихорадка.
Горлянка—Болезни: дифтеритъ и скарлатина.
Горлоуша—Тоже.
Глотуха—Черемуха (*Fructus pruni radi*).
Головникъ—Головная боль, соединенная съ гноетечениемъ изъ ушей.
Горяцка—Различныя формы тифа.
Голомѣймъ—Временами, непостоянно.
*Горбуша—Коса съ короткой ручкой.
Грыжная трава—Растение (=?).
*Гверста—Древа, крупный песокъ. Въ Боров. у. Хверсть.
Грива—Возвышенное мѣсто среди болота, поросшее крупнымъ лѣсомъ.

Д.

Десятокъ—Связка льна изъ 10 павѣсмъ.
Долонскаго—Въ позапрошломъ году.
*Даро(=ше)ми—Ничего, не бойся.
Доспѣшникъ—Праздничный пирогъ съ блинами, пересыпанными крупой, горохомъ или яйцами.
Добро—Ладно, хорошо.
Двинеть—Болезни брюшныхъ органовъ у грудныхъ дѣтей.
Дюкъ, въ дюкъ—Прокъ, въ пользу.
Духмянка—Лѣсная мята (*Herba menthae silv.*).
Домаха—Старая дѣвица, откинувшая мысль о замужествѣ.
Деряба—Плауниное сѣмя. (*Semes licopodii clavot.*).
Дрозженникъ
*Дубецъ.—Вѣтка, пруть.
Доспѣшка, доспѣлось.—Ушибы и другія травматическія поврежденія, случившіяся внезапно и страннымъ образомъ и затянувшіяся въ леченіи на долгое время, а начальная причина ихъ приписывается нечистой силѣ.
Декопъ—Растенія. (=?).
Дослова (дать).—Безъ разговоровъ, безъ отказа.
Довѣдь—Страданіе, мѣла, безпокойство.
Дубовикъ—Бѣлый грибъ (*Boletus edulis*).
Дѣкватъся—Издѣваться, смѣяться.
Дѣдора—Ругательное слово.
Двою—Два раза, дважды.

Е.

Ежа, ёжи.—Пища, ѣда.
Езь, езовище.—Запруда черезъ всю рѣчку или ручеекъ, состоящая изъ вбитыхъ въ дно рѣчки кольевъ, переплетенныхъ между собою древесными вѣтвями, съ нѣсколькими отверстиями; въ которыя вставляются «кужи» для ловли рыбы.
Ески—Есть.

Ж.

Жиловатикъ—Бѣлый грибъ съ длиннымъ изогнутымъ корнемъ, растущій во мху.

- *Журавника—Клюква. (Fructus oxycoccus).
Животная трава—Растение медуница.
Жабка—Воспаление языка.
Желтякъ—Старый бѣлый грибокъ.
Желтнѣкъ—Верхній слой почвы, состоящій изъ мельчайшаго желтаго песка.

З.

- Заносище—Остановка мѣсячныхъ очищеній.
Звякать, вячать—Кричать.
Замай—Болѣзни брюшныхъ органовъ у грудныхъ дѣтей.
Замаяться, маяться—Измучиться, утомиться.
Запанъ—Женскій передникъ, надѣваемый съ головы.
Заворъ—Ворота для проѣзда въ огородахъ между полей.
Зажоры—Скопленіе воды подъ снѣгомъ по дорогамъ весной при таяніи его.
Захребетникъ—Человѣкъ пользующійся чужими трудами.
Здобляться—Одѣваться, собираться.
Золотникъ—Матка.
Золить—Упрекать, ругать.
*Зобенька—Корзинка съ ручкой.
*Зыбка—Дѣтская люлька, колыбель.
Зимовка—Небольшая изба для зимы.
*Засна—Ячменная крупа.
Затошъ, затоличной—Глухое мѣсто, въ сторонѣ отъ большой дороги; проселочная дорога.
Захватъ—Запоръ мочи и кала у дѣтей.
Зарѣяться, обрѣяться—Тяжело дышать отъ быстрой ходьбы или во время болѣзни.
Заезокъ—Часть еза; запруда не во всю рѣку.
Знаткѣ—Знахаря.
Замилаха—Любовно-ласкательное слово.
Западать, запади—Переставь, отстань.
Запески—Песчанья отмели на рѣкѣ.
Заводить—Начинать.
Згѣга—Тошнота, рвота.
Запросный, запросенъ.—Доступный человѣкъ и хорошій въ обхожденіи съ людьми.
Загнѣтка
*Зимусь—Прошлой зимой

И.

- Исподъ, исподомъ—Низъ, низомъ.
Игрушка—Гармонка.
Избывать—Расходовать, изводить.
Исполу—По половинной части.
Иматься, пейматься—Хотѣть, общаться.
Имѣмъ, иму, имуть—Будемъ, станемъ.

К.

- Кербъ.—Десять десятковъ трепаного льну.
Кичига.—Валекъ для выколачиванія мокраго бѣлья.
Кислица конявья.—Растение, конскій щавель.
Копѣръ.—Козлы для забойки свай.

Кѡнциѣ—Окончательно, рѣшительно.

Кобурить, закобурило—Разобрало, взяло (о дѣйствіи вѣдки).

Килы, каменные килы—Опухоли и нарывы на различныхъ частяхъ тѣла, приписываемыя злобѣ и дурному глазу нѣкоторыхъ людей, способныхъ «насаживать килы».

Кѡпани—Дерево съ корнями, идущее для постройки лодокъ.

Кониѣкъ—Лавка въ избѣ.

Короватикъ—Бѣлый грибокъ.

Красуха, красушка—Грибокъ солодышка (*Agaricus gussula*).

Кашлюнья—Лихорадка съ кашлемъ.

Крякосъ—Зеленовато-жидкія испражнения при поносѣ.

Красивъ—Краснорожій, толсторожій (дружеско-ругательное слово женщины къ мужчине).

Изъ хлѣба вышелъ—Объясненіе слабости, послѣ болѣзни.

Земли на одну копейку.—Счетъ земли на «копейки» ведется въ д. Клопузовѣ. Копейка обозначаетъ одинъ душевой надѣлъ земли; на двѣ копейки—на двѣ души земли. Полъ души обозначается «денежкой». Сей оригинальный счетъ можно-ли объяснять тѣмъ, что въ старину «души» были такъ удивительно дешевы?

Кой ножъ, кой усовъ—Восклицаніе при какомъ-нибудь недоразумѣніи или удивленіи.

Кувовъ, кузовокъ—Большая корзина.

Кундосить—Дѣлать, пачкать.

Кужель—Часть льна, прикрѣпляемая къ прилѣ.

*Крытаты, крени, скрытаты—Поднимать, подвинь, тронь съ мѣста, сдвинуть.

*Клепъ, клепцы—Капканъ для ловли звѣрей.

Бужа—Конусообразная корзина изъ прутьевъ для ловли рыбы, вставляемая въ «сѣз».

Крыланъ, крылачъ—Рыболовный снарядъ.

Колѡтнѣкъ—Слизь, осѣдающая въ водѣ на древесныхъ сучьяхъ.

Кустоловъ—Короткій кафтанъ изъ толстаго ряднаго холста.

Купавки, купаленки—Растеніе волокольчатки.

Колучъ, усовная трава—Растеніе (*Tugetis glabra*).

Кудить, покудить—Просить.

Колѣй—Когда.

Кладѣи—Бревна положенныя на землю, для прохода черезъ болота.

Корюха, корюшка—Болѣзнь корь.

Каза книтъ—Суконный лѣтній кафтанъ.

Курича—Рыболовный снарядъ.

Каначъ—Кабанъ льда.

*Кузло—Кузнечное мастерство, промыселъ.

Кузленикъ—Занимающійся кузнечнымъ промысломъ.

Кувалда—Желѣзный молотъ въ 20 и болѣе фунтовъ.

Клнѣнья—Желѣзный клинообразный коротенькій ломъ.

Крица—Кусокъ желѣза отъ 30 до 50 фунтовъ.

Кумачникъ—Сарафанъ изъ кумача.

Комель—Берестяная плоская корзинка, одѣваемая на спину въ родѣ котомки, для състныхъ припасовъ, берущихся на сѣнокосы и для сбора ягодъ.

Костовникъ—Болѣзнь костова.

Косторывъ—Тоже.

Костоловъ, костоломнѣе—Ревматизмъ.

Курипы, курипки—Вязанки обитыя холстиной.

Колѣнѣтъ, колѣной.—Потерять гибкость въ членахъ, негибкій.

Куфтырь—Узелъ чего нибудь; свертокъ.

Косица—Височная часть головы.

Колосовникъ—Ранній бѣлый грибокъ, растетъ когда колосится рожь.

Корюватикъ—Коренной зубъ.

Корёжка—Долбленный лотокъ для катанья дѣтямъ зимой.

Л.

Летучій огонь—Хроническая сыпь; коросты на губахъ и на лицѣ.

*Донисъ—Въ прошломъ году.

Ляга—Яма: рытвина на дорогѣ.

Лопнуть, лопну—Ударить, хватить, хлеснуть.

Лютѣ—Сильно.

Лембѣна—Пятна.

Лепушки, лепушникъ—Растеніе (?)

*Ладить, излаживать—Дѣлать, готовить.

Лѣха, лѣшить, облѣшено—Ставить вѣхи зимой изъ прутьевъ по сторонамъ дороги.

Ледунецъ, ледунешникъ—Кусты красной спородины.

Лѣтосъ—Прошлымъ лѣтомъ.

Лужки—Дѣтская игра.

Леваши—Сушонный сокъ говобоя ввидѣ листовъ.

М.

Малѣнка—Мѣра.

Мездра—Внутренняя поверхность съ выдѣл. шкуръ.

Мѣжкорница—Часть спинны, между лопатками.

Межговѣнье—Время отъ Крещенія до Масленой недѣли.

Межмолоки—Время, въ которое корова не даетъ молока.

Межугалокъ—Промежутокъ.

Межеумокъ, багорникъ—Сортъ гвоздей по величинѣ средній между одностесомъ и купорнымъ.

Мостина—Большая корзина для носки сѣна. Въ Боров. у. всякая корзина, и самая маленькая—мостинка.

Мягкій—Ватрушка безъ начинки.

Молокита.—Болотное растеніе (ѣдятъ дѣти).

Мокрецъ—Трава, вытягивающая жаръ.

Мать, манить, приманило—Призракъ, привидѣніе; представилось что-нибудь сверхъестественное.

Мордовать—Тошнить, рвать, блевать.

Мусинка—Крошечка, милый, хорошій.

Мальга—Младшая изъ сестеръ съ одинаковыми именами.

Марышь—Младшій изъ братьевъ съ одинаковыми именами.

Милѣнокъ—Любовно-ласкательное слово.

Моленникъ—Свадебный бѣлый хлѣбъ съ украшеніями.

Мѣлоди—Маленькій, молодой лѣсокъ.

Молотникъ—Работникъ, бьющій молотомъ въ кузницѣ.

Морянки, томлянки—Угольные ямы.

Мрашить—(=?)

Марышевникъ—Муравейникъ.

Мулять—Вертѣть.

Молѣшонка—Цвѣтъ во рту у дѣтей.

Мадежи—Пятна на тѣлѣ.

Могильная восточка—Мѣшеччатая опухоль на кистевомъ суставѣ.

Н.

Наземъ.—Навозъ.

Надсада, натуга.—Послѣдствія тяжелой работы.

- Напущенная зябелъ — Историческіе припадки и обмороки у женщинъ, приписываются «порчѣ».
- Незамогъ — Сдѣлался нездоровъ.
- Нечистище — Болѣзнь чесотка.
- Нѹда — Тоже.
- Нутникъ — Мясникъ.
- Нырокъ — Раковое новообразование на губѣ и на другихъ частяхъ тѣла.
- Насмягло — Неприятное ощущеніе во рту во время болѣзни.
- Недужницы, ватужницы — Множественныя чары по тѣлу.
- Недоунокъ — Безтолковый, неумѣлый.
- Ночкики — Пустулезная сыпь или водяной прыщъ, появляющійся ночью.
- Неять — Нельзя, не могу, невозможно.
- Наперстокъ — Чулокъ, носокъ.
- Намѣтка — Рыболовный снарядъ.
- Непѣбытомъ — Необычайно, неестественно.
- Набиваться — Предлагать что-нибудь, напрашиваться.
- Нередя — Часто, постоянно.
- Налйванка
- Надѹшникъ — Растеніе.
- Ночной щипокъ — Прыщъ.
- Нарохтиться — Намѣреваться.
- Насыкаться — Напрашиваться.
- Нетель — Молодая нетелившаяся еще корова.
- Наплавни — Перекладины на крышѣ.
- Наумирало — Бѣлье и платье, приготовленное заранѣе на случай смерти.
- Надымы, надымный снѣгъ — Сугробы, рыхлый снѣгъ.
- Нажилъ — Верхній слой земли изъ перегнившихъ листьевъ и хвои.
- На лѣсъ сказано — Вставочная фраза во время разговора о чемъ-нибудь страшномъ, чтобы отвести отъ разговаривающихъ какія-нибудь дурныя послѣдствія, такъ какъ въ лѣсу водится «вольный», т. е. лѣсовикъ или лѣшій, то на него и сваливаютъ.
- На голо хорошо, на готово хорошо — Очень, весьма хорошо.
- Напиво не теча — При неудавшемся пивѣ, когда «сложенное» пиво плохо цѣдится. Отсюда эта поговорка употребляется при всякой неудачѣ.
- Намалѣ такихъ — Мало, рѣдко такихъ.
- На два яка сказали — Двояко говорили.

О.

- *Осенесь — Прошлой осенью.
- Одинова — Однажды.
- Откутай, закутай лазейку — Отвори, затвори дверь.
- Отпки — Дѣтская игра.
- Оболокаться — Одѣваться.
- Озыкъ — Легкое лихорадочное состояніе или недомоганіе, происходящее отъ «дурнаго глазу».
- Озимочекъ — Лошадь въ возрастѣ одного года.
- Озерко и дитеньки — Зрачекъ и отраженіе человѣчковыхъ въ глазу.
- Осѣкъ — Огородъ.
- Опѣкишь — Остатокъ тѣста отъ хлѣбовъ, испеченный въ видѣ лепешки.
- Осениуха — Лихорадка.
- Отводъ, отводокъ — То же, что «заворъ».
- Опнуться, приопнуться — Остановиться, подождать.
- Осериа — Болотная рѣзущая трава.

- Отвага—Облегченіе, улучшеніе.
Отвѣдывать—Узнавать, справляться.
Обмѣнъ—Человѣкъ, измѣнившійся послѣ болѣзни до неузнаваемости; непохожій.
Обнобель—Чувство озноба въ тѣлѣ.
Охрѣять, неохрѣять—Перенести болѣзнь, поправиться послѣ болѣзни.
Осарки—Кузнечные отбросы.
Окалина—Тоже.
Оконечко.—Глухая ватрушка съ окномъ.
Обезрѣдить—Обездолить, опечалить.
Опышка—Одышка, затрудненное дыханіе.
Обѣчаться, обѣчаться.—Задумано, обѣщанось.
Обдѣль, обдѣлка, обдѣльничать—Хитрый, пронырливый, умѣющій ловко обойти людей.
Овяника—Дрова, заготовленные для сушки сноповъ на овинѣ.
Осоvény—Капустная кочерыжка.
Обрушить—Повредить, поранить.
*Очепъ—Шестъ, къ которому привѣшивается люлька.
Остроклиный сарафанъ—Стариннаго покроя сарафанъ.
Обогушка—Одежда, которой покрываются ночью.
Оттолнуть—Оттаять отъ морозу.
Особе.—Врозь, отдѣльно.
Осьмакъ—Условная по величинѣ площадь земли или лѣса, которая дѣлится по ровну на душу.

II.

- Памха—Бѣда, напасть, невзгода.
Патья—Угольная пыль.
Павесма—Мотокъ нитокъ.
Пасма—Четыре пучка по 60 нитокъ.
Паренина—Поле, предназначенное для посѣва ржи.
Паузиться—Перегружаться.
Подшалмокъ—Мѣшокъ на боку, подвѣшиваемый черезъ плечо.
Помани—Подожди.
Полевой опоръ—Боль въ поясницѣ, случившаяся въ полѣ во время работы.
Порный—Сильный, здоровый.
*Понитокъ—Легкій кафтанъ, затканый по льняной пряжѣ шерстяными нитками.
Похолстинкъ—Тоже.
Почечуй—Геморой.
Порозъ, порозочекъ—Быкъ, бычекъ.
Порховица—Дождевикъ, грибокъ табашникъ (*Licoperdon brevisti*).
Полуторникъ—Лошадь въ возрастѣ 1½ годовъ.
Поскавшки—Растеніе.
Пошерсть, пошестъ—Эпидемическое распространеніе какой нибудь болѣзни на людяхъ.
Поглумъ—Ушибы и другія травматическія поврежденія, случившіяся внезапно и страннымъ образомъ и затнувшіяся на долгое время, а начальная причина ихъ приписывается нечистой силѣ.
Прятка }
Прикосъ } Тоже.
*Прихехеня—Любовникъ, другъ.
Простень—Веретено съ нитками.
*Платно—Сарафанъ изъ шелковой матеріи.
Пятистѣнокъ—Большая лѣтняя изба о пяти капитальныхъ стѣнахъ.

- Польникъ—Тетеревъ.
Переломъ—Болезни глазъ.
Порѣвъ—Кровоостанавливающее растеніе.
Помазень.—Ватрушка имѣющая начинку сверху.
Поторжной—Бойкій, отчаянный.
Пооначе—Отличіе въ чемъ нибудь отъ другихъ.
Почесульки, почесульки—Болезнь чесотка.
Полуночица—Бессонница у дѣтей повидному здоровыхъ.
Понять, понятье—Взять съ собой, пригласить.
*Порѣчка—Корзинка изъ береста.
Помилёнокъ—Любовно-ласкательное слово.
Полодник—Мостики на низенькихъ стойкахъ черезъ болотистыя мѣста.
Пытаться—Совѣтоваться со знахарями на счетъ болѣзни.
Полоска—Кусокъ желѣза длиною около $\frac{1}{2}$ арш. вѣсомъ отъ 15 до 25 фунт., изъ кривы ихъ выходятъ двѣ, затѣмъ ихъ на желѣзо-рѣзательныхъ заводахъ вытягиваютъ въ *полосы*, далѣе разрѣзываютъ на *прутья*, изъ которыхъ уже и выковыываютъ гвозди.
*Приузь—Цѣпь молотильный.
Плюсно—Срѣзанная корка съ брусники и ягодъ.
Пѣдкуръ, подкуръ—Высокія подстановки, на которыхъ мечутся стога сѣна на низькихъ, болотистыхъ мѣстахъ, чтобы ихъ не хватала разливающаяся вода.
Пришвица—
Пустоваръ—Постный супъ изъ ячневой крупы.
Панія—Рыболовный снарядъ.
Повлещь—Пришли.
Пѣтаться, упѣтаться—Стараться, мучиться.
Пѣтка, поточка—Половой членъ у маленькихъ мальчиковъ.
Пожня—Сѣнокосный дугъ.
Пастыка—Высушенный сокъ ягодъ черники или гоноболя въ формѣ листиковъ или плитокъ.
Прижитникъ, пережитникъ—Крыльцо у амбара, навѣсъ во всю стѣну.
Протка.—Глотка.
Паздѣрнуть—Ударить.
Прогалеечка, перегалеечка, пригалеечка—Перехватъ, ложбинка.
Порастульки—Недомоганіе у дѣтей къ росту.
Прудить—Сгребать сѣно.
Полувозы—Цоль воза кладя.
Пожилавки—Послѣдній снопокъ сжатого овса.
Посвятой уголь—Передній уголь въ избѣ, гдѣ находятся иконы.
Поскотина—Мѣсто, гдѣ пасется стадо.
Похилокъ—Вѣтерокъ.
Попрощать—Сбирать милостыню.
«Прощайте всѣ рядомъ»—Уходящій изъ избы, гдѣ остается нѣсколько чело-
вѣкъ, вмѣсто рукопожатія и прощанія съ каждымъ, произноситъ эту фразу.
«Печка на весело топилась»—Опредѣленіе утренняго времени.
Приторомко—Неловко, больно смотрѣть глазами.
«Поцала лента, далъ ленту»—О нанесеніи удара, раны или побоевъ.
Пытали—Долго, много. Вообще это слово прибавляется къ глаголамъ для усиленія дѣйствія, напр.: пытали смѣятцы, пытали звать, пытали искать и проч.

Р.

- Разій, разенькій—Большой, большинкій.
Разгай—Открой.

Раздробить—Растолковать, рассказать.
Рогушка.—Ватрушка, начинка сверху съ защищенными краями.
Рученька—Небольшое ведро съ крышкой и ручкой.
Рукотертникъ—Полотенце.
Рудометь, рудометка—Кровопускатели.
Рыкнуть—Крикнуть.
Рядовникъ—Грибъ козлякъ.
Розливъ—Маточное кровотечение вслѣдствіе выкидыша.
Рясы—Пловучее водяное растеніе водоросль.
Разстрѣль—Періодическія невралгіи въ различныхъ частяхъ тѣла.
Разчѣтныи—Умный, положительный человекъ.
Рыбникъ—Праздничный пирогъ съ рыбой.
Рыжѣть, варыжѣло—Краснѣть.
*Рибуша, рибокъ—Оборванное платье.

С.

Самоходка—Дѣвушка, вышедшая замужъ безъ согласія родителей.
Своробъ, своробокъ, своробатыи—Болѣзнь чесотка.
Своё—Родимчикъ у грудныхъ дѣтей.
Сбыло, сбываетъ—Прибыло, увеличивается.
Сбирушки, вертушки—Коротенькія пѣсни, поющіяся на бесѣдахъ.
Сѣло—Случилось, сдѣлалось.
Ситникъ—Рѣчной тростникъ.
Славутникъ, славутница—Молодые люди, обладающіе хорошими нарядами;
щеголи.
Солощій—Жадный на ѣду.
Ссячи, ссягу—Достать.
Скаты, скѣтъ—Сучить, свивать.
Смиренчикъ—Родимчикъ у грудныхъ дѣтей и ревматическія боли у взрослыхъ.
Суровъ, суровой—Проворный, прилѣжный.
Скрипунъ—Воспаленіе сухожилий и сумокъ на рукѣ.
Смонуть—Тереть, шаркать.
Стыскать—Жаловаться, страдать.
Статиться, статись—Бодриться, стыдится, охорашиваться.
Суврупъ—Овсяная крупа.
Стырь—Шкворень у телеги.
Синюхи—Растеніе Васильки. (*Ocimum salaminthoe*).
Сторонникъ—Человекъ имѣющій физическій недостатокъ или слабоватый умъ.
Своебышникъ—Настойчивый, упрямый.
Съ воли—Съ наружи.
Сѣтево—Лукошко повѣшенное черезъ плечо изъ котораго сѣють.
Ситцевникъ—Сарафанъ изъ ситца.
Середбвыи—Человекъ средняго роста.
Сутѣрка—Терпота.—Терпѣніе.
Стожаръ—Шестъ вокругъ котораго намѣтываютъ стогъ сѣна.
Сѣменникъ—Ватрушка намазанная толчеными конопляными сѣменемъ.
Сйверникъ—Растеніе (?).
*Середа—(«На середѣ управлялась»). Часть избы передъ шесткомъ печки.
Сукорочныи—Сердитый, вспылчивый, ворчливый.
Стамѣя рѣка—Бережистая рѣка.
Серхнутъ—Дрябнуть, деревенѣть. Потерять чувствительность въ какой нибудь
части тѣла.
Сухмень—Сухое время.

Счувать—Убѣждать, уговаривать.
Стрычокъ—Стрѣкоза, коромысло.
Сукораниваться, сукораняся—Прятаться.
Скрипка—Древесный грибокъ, трутовикъ (*Roleutas hepaticum*).
Сѣрышь— Волкъ.
Сулоецъ—Разсолъ съ капусты.
Снѣжникъ—Погребъ, ледникъ.
Скоржобится—Ходить согнувшись.
Супротивный—Свѣжій, только что приготовленный.
Супротивъ, наеупротивъ—Сейчасъ, теперь-же.
Сутычь, въ сутычь—Дѣлать что нибудь неохотно съ сердцемъ.
Ссочить—Украсть, стянуть.
Стамѣнный нестамѣнный—Чистый, вымытый и обратное значеніе.
Севечерь, сеночи, севогоду—Присказка «се» означаетъ слово
ныѣшній.
Столбики—Дѣтская игра.

Т.

Ташка—Мѣшокъ, котомка за спиной.
Талька—Десять пучковъ нитокъ.
Тихонькой—Подимчикъ у грудныхъ дѣтей и ревматическія боли у взрослыхъ.
Трясуха—Лихорадка.
Триха—Знахарка растирающая больныцъ въ печкахъ и баняхъ.
Тоопить—Мочить.
Текунь—Растеніе плауновъ.
Турикъ—Грудь, грудная клетка.
Туровить—Торопить, подгонять.
Темяться—Возиться, проводить время.
Тюмйрь, тюмйри—Угрюмый, необщительный, боящійся людей.
Тугунъ—Неповоротливый.
Тягунъ—Растеніе (?).
Трать, потрать—Тереть.
Тука—Снѣжная ятель.
Трою—Трижды, три раза.

У.

Убоецъ—Человѣкъ, пострадавшій въ дракѣ, будучи раненъ или избитъ.
Унаки—Сапоги изъ красной кожи.
Уповодъ—Время (отъ выти до выти) въ нѣсколько часовъ.
Усовъ, усовья, усовить, разусовило—Колотье въ бокахъ.
*Утресь—Прошлымъ утромъ.
Утинъ—Ревматизмъ поясничныхъ мышцъ.
Урови—Легкое лихорадочное состояніе или недомоганіе; происходитъ отъ «дурного
глазу».
Учуль—Услышалъ.
Ушевникъ—Растеніе трифоль (*Herba trifolii*).
Ураина—Палка, колъ.
Ухорѣзь—Вранно-ласкательное слово.
Удобариваться—Управляться.
Узгъ, узгй, въ узгю—Углы глазъ, гдѣ соединяются верхнія и нижнія вѣки.
Уряда—Приданое дѣвушки.
Урѣзь—Обрывистый берегъ рѣки.
*Юкнууть—Ударить, стукнуть.

Х.

Хоровина—Теща.
Холодянка—Чихотка.
Худая боль, простуда—Сифились; венер. боль.
Хворосты—Сдобная, сухая лепешка.
Хлопотница—Полка-ящикъ съ крышкой.
Хизкой—Рвзкій, пронзительный (о вѣтрѣ).
Хинькать—Капризничать, хныкать.
Хрящовка—Крупный песокъ для точенія вость.
Хаманья, хамать—Зѣваніе.

Ц.

Цимерь—Головная боль.
Цѣпть, выцѣпть—Выснять.
Цвѣтъ—Сыпь у дѣтей въ первые дни послѣ рожденія.
Цыба—Дѣтская игра въ ямку и кочку.

Ч.

Чекалина,—ка—Трещина.
Черуха—Поносъ.
Чи(-е)ликъ—Сѣрый грибъ, подберезовикъ (*Boletus scaber*).
Чужакъ—Человѣкъ изъ другой деревни.
Чекменитъ, зачекменило—Разобрало, подѣйствовало, взяло (о дѣйстви водки)
Чересленица—Гастралгическія боли въ животѣ, или катарръ желудка и кишекъ.
Чернобыльникъ—Растеніе польня (*Artemisia vulg.*).
Чешуя, чешуйникъ—Мелкія частицы желѣза, идущія на кроюща; человекъ, занимающійся собираніемъ и покупкою чешуи.
Чось—Болѣзнь чесотка.
Чело—Начало трубы надъ устьемъ печки.
Чуна—Трава (?).
Чигать—Бросать.
Чохать—Блевать, рвать.
Чунки—Маленькія санки.
Чуна—Заливъ на рѣкѣ, берега котораго поросли лѣсомъ.

Ш.

*Шаньга—Лепешка
Швечъ—Портной.
Штофникъ—Сарафанъ изъ штофной матеріи.
*Шаверье—Сучья и разный ломъ на дѣлѣ рѣки.
Шольникъ—Водяное растеніе: бѣлые кувшинчики (*Nymphaeal*).
Шарки, шаркунъ, шаркунки—Бубенчики.
Шамрптъ, зашамрло—Шумить въ головѣ отъ вина.
Шатъ—Головокруженіе.

Щ.

Щера—Камень-плитнякъ.
Щетника—Неспокойное состояніе ребенка; при чемъ онъ плачетъ и вертится въ выбѣ, какъ будто его покармливаютъ въ бочка.
Щекотунъ—Тоже, что щетника.

Щечки—Смѣйся, шути.

Щемота—Ноющая боль въ какой нибудь части тѣла.

Я.

Яблоки—Картофель.

*Язвица—Варсукъ.

М. Герасимовъ (С. Курилово Черепов. у.)

Говоръ жителей сѣверо-восточной части Вытегорскаго уѣзда Олонецкой губернии.

(Волости—Ухотская, Тихмангская и Шильдская).

Волости—Ухотская, Тихмангская и Шильдская по этнографическому составу и по географическому положенію представляютъ изъ себя одно цѣлое. Онѣ лежатъ въ самомъ сѣверо-восточномъ углу Вытегорскаго уѣзда на границахъ съ уѣздами Каргопольскимъ (Олонец. губ.) и Кириловскимъ (Новгородской губ.). Въ древности здѣсь, вѣроятно, обитала Заволоцкая Чудь, какъ показываютъ самыя названія этихъ волостей и сохранившіяся здѣсь преданія. Однако русскіе поселились здѣсь весьма давно—нѣсколько столѣтій тому назадъ¹⁾, такъ что слѣды первоначальнаго обитанія здѣсь Чуди совершенно изгладились. Народное преданіе указываетъ болѣе позднѣйшее столкновение Чуди съ русскими, не оставшееся безъ вліянія на послѣднихъ. Такъ, въ Ухотской волости существуетъ преданіе, что когда здѣсь утвердилось русское населеніе и имѣло уже церковь, Бѣлоглазая Чудь сдѣлала нападеніе на него. Не дойдя немного до церкви, она стала ругаться и смѣяться надъ нею, за что была чудесно ослѣплена и избита другъ другомъ. Только два три человѣка уцѣлѣли отъ этой шайки и поселились въ деревни Никифоровой, отъ которыхъ жители послѣдней и теперь называются «каюрами черноухими» и сохраняютъ особенность въ говорѣ—«типанье» (отсюда они называются «тапунами»). Несомнѣнно, на жителей этихъ волостей отчасти отразилось чудское вліяніе, чѣмъ объясняется и существованіе въ ихъ языкѣ финскихъ словъ (шалать, рипакъ, бахилы); но вліяніе это было чисто случайное и весьма слабое и не могло положить своего отпечатка ни на физическомъ типѣ, ни на бытѣ, ни на говорѣ жителей. Не осталось безъ вліянія въ этнографическомъ отношеніи то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ волостей (въ Ухотской) долгое время существовало крѣпостное право²⁾, котораго не знали другія волости Вытегорскаго уѣзда. Оно вліяло отчасти на этнографическій составъ населенія, такъ какъ помѣщики весьма часто переселяли сюда крестьянъ изъ другихъ областей Россіи (напр. изъ среднихъ). Такимъ образомъ съ самыхъ первыхъ временъ колонизаціи этого края различными выходцами изъ Новгородской и особенно изъ Бѣлозерской области—населеніе его слагалось изъ разныхъ элементовъ, и подъ разными вліяніями. Забывшееся въ самую глушь края, окруженное лѣсами и болотами, свободное въ главномъ отъ инородческихъ вліяній, оно до послѣдняго времени сохранило у себя древне-русскія черты и въ своей физиономіи и бытѣ и говорѣ. По физическимъ свойствамъ

¹⁾ Церкви этихъ приходовъ построены около 250 лѣтъ тому назадъ,—а въ Паловскомъ приходѣ (Ухотск. вол.) болѣе 300 лѣтъ.

²⁾ Въ Ухотской волости было до 20 помѣщичьихъ. Поселеніе ихъ народъ объясняютъ тѣмъ, что давно-давно здѣсь смирѣпствовали разбойники, для усмиренія которыхъ были посланы правительствомъ чиновники. Живя здѣсь долгое время, они прибрали себѣ лучшія земли и поселились здѣсь навсегда.

здѣшніе жители представляютъ изъ себя вполне русскій типъ. Росту они выше средняго, черты лица имѣютъ довольно правильныя и крупныя, волосы русые или черноватые, глаза свѣтло-сѣрые или каріе; въ характерѣ ихъ выдаются простота, доброта и радужіе. Одежда ихъ до сихъ поръ сохраняетъ особенности древне-русскаго костюма. Женщины носятъ сарафаны, рубашки съ широкими и короткими рукавами, пуганъ, а на головѣ—перевязки и кокошники. У мужчинъ сохраняются длинныя сибирки, кафтаны, тулумы (въ послѣднее время начинаетъ проникать сюда и нѣмецкая городская одежда, въ родѣ—пиджаковъ, платьевъ, казачковъ и т. п.). Въ самой архитектурѣ зданій сохранились древне-русскія черты. Высокія избы на два ската съ рѣзными князьими, съ рѣзными или расписными наличниками у оконъ, съ открытой рѣзной «галдареей»—весьма часто встрѣчаются въ здѣшнихъ селахъ на ряду съ новыми домами на городской манеръ. Здѣсь же сохранилась масса чисто русскихъ обычаевъ, а также цѣлое богатство словесныхъ произведеній народнаго творчества въ родѣ причетовъ, заговоровъ, духовныхъ стиховъ, апокрифовъ и т. п.

Безъ сомнѣнія, и говоръ здѣшнихъ жителей сохраняетъ многія древне-русскія особенности.

Одна изъ основныхъ чертъ здѣшняго говора—оканье.

Древнее неударяемое *о* сохраняется вездѣ (*сотона, зоря, стоканъ, отлѣсъ, колачъ, кропива*). *О* во всѣхъ словахъ произносится открыто и твердо, такъ что произношеніе такихъ словъ отличается грубостью и непріятно рѣжетъ слухъ. Есть даже нѣсколько словъ—гдѣ *о* переходитъ въ *у* (напр. яблунъ). Аканье не пользуется сочувствіемъ крестьянъ и подвергается насмѣшкамъ, какъ нѣчто не естественное, фальшивое. Кто акаетъ, тотъ, по выраженію крестьянъ, старается говорить «по-московски», «по-питѣрски».

А произносится открыто и ясно только послѣ твердыхъ согласныхъ.

Древнее неударяемое *е* въ срединѣ и концѣ словъ произносится какъ *ѣ* (*Стѣпанъ, кудраватой, вѣрно, матѣрной, пшею, рожденьѣ, прощаньѣ, сердце, играеть*), а въ срединѣ нѣкоторыхъ словъ даже какъ *о*. Вообще *ѣ* на ряду съ *о* царитъ въ здѣшнемъ говорѣ. Оно вездѣ предпочитается мягкому открытому *е*, гдѣ только безъ рѣзкаго неблагозвучія можно поставить первое (*сѣной, —седьмой, осѣной, толѣга, шагаеть*); благодаря этому часто измѣняются въ произношеніи и слѣдующія за *ѣ* гласныя (напр. *осѣнной* вм. *осенній, сердесньѣ* вм. *сердечное, синѣѣ* вм. *синее*).

Я всегда произносится какъ *е* (*дедя, дьдѣкъ, детѣль, огнетъ, пегъ*); впрочемъ, въ концѣ словъ, кромѣ возвратной частицы *ся*, оно сохраняетъ свое настоящее произношеніе (*ниа, синя, обидня*).

Ударяемое *ь* выговаривается какъ *и* (*дмти, рипька=рѣчка, обидня, витѣръ, здисъ*).

Чистое, открытое *е* въ здѣшнемъ говорѣ слышится весьма рѣдко: оно переходитъ въ *ѣ* и даже *о*, или выговаривается какъ *и* и *я* (*симяна, имяна*).

Ае часто произносится какъ *а*, а *ое*—какъ *о*. Первое произношеніе особенно встрѣчается въ глагольныхъ окончаніяхъ (*делаешь, играешь, шагаешь*), а второе—предъ окончаніемъ родительнаго падежа *во* (*ново, свово, твово*).

Бм и *бѣ* выговариваются—1-е какъ *мм* (или просто *м*), а второе—какъ *ѣѣ* (*оммань=обманъ, омилель=обмелѣль; оевкипеть=обвѣчать, озоровать=обворовать*).

Хѣ произносится какъ *ѣ* (*ѣастунъ, ѣорость=хворость, ѣобсъ, ѣоя=хвоя*).

К предъ *р* часто выговаривается какъ *х* (*хресьеннъ, хресьяца*).

Ж предъ согласными (особенно предъ другими *ж* и *з*) выговаривается какъ *жд* (*ждрать, ѣждяль, држди, вожди*).

Г всегда произносится съ густымъ придыханіемъ, близко къ *х*; въ началѣ словъ передъ гласными оно часто опускается (*Осподь, осударь, енераль, осподинъ*). Тонкое *г* никогда не слышится и при удобномъ случаѣ всегда переходитъ въ *в* (въ окончаніи родительнаго падежа *го*).

Щ произносится какъ *шт* (*штюка, шти, ромтя*).

Цоканье составляетъ основную черту здѣшняго говора. Здѣсь во всей силѣ сохраняется древне-новгородская особенность—замѣна звука *ч* звукомъ *ц*. Въ говорѣ мужчинъ естественно отличающагося большею твердостью и грубостью, цоканье выдается не такъ

сильно и рельефно; но въ говорѣ женщины оно доходитъ до слащавости, до приторности, цѣрной, цесь=честь, оци, цястой, стрнца=встрѣча, рици=рѣчи). Звукъ *ч* предъ *н* выговаривается какъ *сѣ*, при чемъ слѣдующая за *н* гласная смягчается—*ы* въ *и*, *о* въ *е* и т. д. (сердесный, носсынѣ, молосный); *ч* предъ *т* приближается къ *ш* (што, помитень).

Замѣна звука *ч* звукомъ *ч* строго не соблюдается. *Ц* произносится какъ нѣчто среднее между *ч* и *ц* (ближе къ *ч*), не выражаемое определенной буквой, но никогда не выговаривается открыто и ясно.

Наряду съ доканьемъ нужно поставить другую особенность—стремленіе вообще къ легкому, плавному произношенію согласныхъ звуковъ, при чемъ неизбежно нарушается правильность и раздѣльность произношенія. Такъ, въ произношеніи слоговъ и суффиксовъ *ст*, *ств*—*т* всегда выпадаетъ (госыбищѣ, счѣсье=счастье, ротсво, ѣсва=яства, хресенинь, цесь=честь, жалосливой, милосливой). Вообще при соединеніи нѣсколькихъ согласныхъ, трудно произносимыхъ вмѣстѣ, они произносятся не всѣ; получается скрадываніе звуковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ—плавность и мягкость произношенія (напр. скусно, сгрица, позно, врасвуи, сяко, сонцѣ, болѣсь=болѣзнь, журафь). Этими же стремленіемъ къ легкости и плавности произношенія—объясняется и выпусканіе въ возвратныхъ глаголахъ окончанія дѣйствительнаго залога *шь* (справлеисе=справляешься, одивансе, надисе, ругансе).

Указанными звуковыми особенностями опредѣляются и особенности въ образованіи грамматическихъ формъ.

Изъ нихъ замѣтнѣе слѣдующія:

Именит. и винит. падежи множеств. числа именъ существительныхъ на *а* и *ь* (имѣющихъ у насъ во множеств. ч. два окончанія *ы* и *я*)—оканчиваются на *ѣ* (колосѣ, кореньѣ, поесѣ, колъѣ, полосѣ).

Родительн. п. предложн. падежи единств. ч. именъ женскаго рода обанчиваются часто вмѣсто *и* на *ь* (въ грезь, въ кровь, по путь, въ мекоть=мякоти).

Творит. пад. множеств. числа именъ существительныхъ вмѣсто *ями* всегда кончается на *еми* (напр. писнеми, братьеми, друземи, полеми).

Формы именит. падежа единств. числа именъ прилагательныхъ всегда имѣють *ой* (доброй, славной, мягкой, осѣнной, сцесливой, рѣдкой, миленькой), а послѣ мягкаго *н*—*ей* (см. *ид*); напр. синей, зимней, сердесней и т. п.

Родительный падежъ единств. числа прилагательныхъ мужскаго рода кончается на *о* и на *е*, но никогда на *о* или *я* (доброво, мокрово, рѣдково, синеве, зимнево).

Сравнительная степень именъ прилагательныхъ вмѣсто *ѣ* имѣетъ *я* (красяя, полняя, синяя, добряя, а превосходная—образуется часто чрезъ прибавленіе нарѣчія *больно* (больно красивой, больно низкой).

Въ глаголахъ форма неопредѣленнаго наклоненія на *чь* замѣняется формою на *кчи* (*кчи*) текчи,=течь, сйкчи=сѣчь, легчи, толкчи); формы этихъ глаголовъ въ личныхъ окончаніяхъ настоящаго времени вездѣ сохраняютъ *ч*, *ч*: течемъ, хотите, толкчемъ, тецѣте.

Неопредѣленное наклоненіе глаголовъ возвратнаго и страдательнаго залоговъ вмѣсто «тсьа» кончается на *тце* (одѣватце, ломитце, ругатце, соватце, коситце); во всѣхъ формахъ этихъ глаголовъ частица *ся* переходитъ или въ *се*, или *це*: гнетце, ломитце (3 л.), опоесьсе, убьютце, надійсе, а во второмъ лицѣ единств. числа предъ *ся* выпадаетъ окончаніе *шь*, при чемъ гласная предъ нимъ удлинняется (догáдывансе, опоесьсе, бранисе, носисе).

Окончаніе неопредѣленнаго наклоненія *итъ* измѣняется въ *етъ*, а окончаніе *итъ*—въ *итъ* (занетъ, понетъ, баетъ; гледитъ, питъ=пѣтъ, потитъ).

Формы—*ѣсте* вмѣсто *естъ* (3 л.) и *иси* вмѣсто—*ишь*.

Нарѣчія мѣста и времени, кончающіяся на *а* замѣняютъ это окончаніе окончаніемъ *ы* (тогда, всѣгда, иногда).

Опредѣленные нарѣчія, образующіяся отъ именъ существительныхъ, по большей части оканчиваются на *сь* (вчера, лѣтось, зимусь, вѣснусь, утрось, досюдось).

Нѣкоторыя нарѣчія вмѣсто окончанія ъ принимаютъ я (опосля, вмѣстяхъ).

Формы личныхъ мѣстоименій: 1-го лица—*мя* (меня), 2-го л.—*тя* (тебя), *ты* (тебѣ), 3-го лица—*ѣнъ, ѣна, ѣно*, мн. ч.—*ѣне* (они и онѣ); другія мѣстоименія: *эв-тотъ* (этотъ), *кажинной* (каждый), *колько*.

Союзы: *конь* (какъ), *тонь* (такъ), *коли, коли ежели* (если), *ажно* (даже, такъ что, что).

Особенности числительныхъ слѣдующія: числительное *одинъ*, особенно въ соединеніи съ отрицаніемъ *ни* склоняется такъ: *единный, единово, одному, однимъ*; особенности другихъ числительныхъ—*двожды, трожды, шѣстой, сѣмой, осьмой, восемнадцеть* (18).

Междометія: *охти мнъ, охти мнеченько* (горе, уву).

Относительно всѣхъ частей рѣчи нужно замѣтить, что полныя формы въ нихъ предпочитаютъ сокращеннымъ; напр. *молонья* (молянїя), *оболокъ* (облаво), *жеребей, середу, добѣръ, черѣнь; угониль* (угналъ), *черезъ, передъ* и т. п.

Уменьшительныя, ласкательныя и увеличительныя слова во многихъ случаяхъ производятся довольно своеобразно; напр. *братѣлко, дѣвонька, дѣтоньки, малешкой, малехонкой; домина, собачица, большинской, толстинской*.

Нужно замѣтить еще частое употребленіе въ здѣшнемъ говорѣ частицъ *то, те, ты, ту, ко, се*. Особенно часто употребляются первыя 4 и представляютъ изъ себя нѣчто въ родѣ члена (*дорога-то, рѣки-те, поля-те, эку-ту, эво-ты* чудо!). Ни одно предложеніе не обходится безъ этихъ частицъ, а иногда онѣ употребляются черезчуръ часто (напр.:—*вчера-се-тка*, когда пошелъ ты въ дѣсь-*то*... Пойдемъ-*ко* вмѣстяхъ-*то*).

Указанныя особенности придаютъ особый характеръ говору здѣшнихъ крестьянъ. Въ произношеніи гласныхъ является твердость и растянутость рѣчи. Удареніе придаетъ гласнымъ почти двойную долготу въ сравненіи съ другими слогами, чему способствуетъ и замѣна ударяемыхъ короткихъ гласныхъ долгими. Всѣ гласные звуки произносятся откры о и твердо. Оканье и ѣканье придаетъ въ общемъ говору крѣпость и даже грубость. Стремленіе къ ясности и растянутости произношенія отдѣльныхъ слоговъ, вмѣстѣ съ удлинненіемъ конечныхъ слоговъ и частымъ употребленіемъ частицъ, которыя смягчаютъ рѣзкость перехода отъ одного слова къ другому и избавляютъ рѣчь отъ отрывчивости и усѣченности,—все это вмѣстѣ придаетъ здѣшнему говору особую плавность и мелодичность. Равномѣрно и правильно употребляющіяся сильныя ударенія еще болѣе усиливаютъ эти свойства рѣчи. Говоръ здѣшнихъ бабъ отличается музыкальностью особенно если слушать его со стороны.

Для образца здѣшняго говора приведемъ нѣсколько словесныхъ произведеній, записанныхъ со словъ одной крестьянки Ухотской волости.

Заговоръ—остуду кинуть (т. е. посадить нелюбовь).

Стану я не благословесь, пойду не перекрестесь, пойду ни двирями, ни воротами, пойду косою огородой. Выйду я во цистоѣ полѣ. Во цистомъ полѣ стоитъ дубъ. Поклонюсь я на всѣ цѣтыре стороны; поклонюсе и покорюсе. Вы послушайте-ко друзья-братья неvirные. Друзья братья отвитали: пойди ко дубу, зайди въ дубъ. И въ эвомъ дубу лѣжатъ двѣ кошки вмѣстяхъ хрѣбтами; бьютце, дерутце, цѣпаютце и въ крофь убиваютце. Какъ эвти кошки бьютце, дер., цѣп. и въ кр. убив., такъ дрались-бы, бил., цѣп. и въ кр. убивались (такой-то и такая-то). Выйду я изъ эвово дуба на цистоѣ поле. Пойду я къ быстрой рикѣ; покорюсе и помолоюсе. Какъ у тя берега не сходятце вмѣстяхъ, такъ бы не сошлисе (такой-то и такая-то) отъ ныни и до вику, дрались и цапались и въ кровь убивались.—Аминь.

Причѣты надъ умершимъ дядей, съ которыми наказываетъ поклонъ своему умершему отцу:

Ты жоланой мой дедюшка,
Ты снеси поклонъ да цѣлобятницѣ
Моему родимому батюшкѣ.
Я напишу поклонъ да цѣлобятницѣ

Не перожъ и не цѣрнилами,
А горюцыми слѣзми текущими.
Ужъ нажились мы три года круглые,
Много славушкѣ на цѣлобятницѣ.

Прослыли мы не досужими, да не ра-
богницами,

Похожалками и гуляками.

Жоланной мой родитель-батюшко

Пусь помолитце Пресвятой да Богоро-
дичцѣ.

Штобъ далá она здоровьниа

Моему жоланному дѣдушкѣ.

Хоть онъ и старь-то да при старостѣ

И древѣнъ-то при древности,

А ушь все наредитъ насъ на роботушку.

Со цюжими людьми, со многими.

Ретиво-сердѣ да надрываютце,

Горючьими слѣзми да обливаятце.

Посылаётъ насъ на роботушку

Не жоланной-то родитель-батюшко.

Александръ *Мельницкій*.

Говоръ Великс-Устюжнаго Уѣзда. Волог. г.

Въ Устюжскомъ говорѣ 1) вѣсто *а* слышится *е*; напр.: *пецель*, *нацеть*, *пецеть*, (*печаль*, *начать*, *печать*); также *о*, напр. *согона*, *робота* (*сатана*, *работа*); *ы*, напр.: *сюды*, *туды*, *ковды* и *коуды*, *товды* и *тоуды* (*сюда*, *туда*, *когда*, *тогда*),

2) Вѣсто *е* слышится *а*, напр. *жадлю* (*желаю*), *крашанина*, *крошанина* и *крашенина* и *крошенина* (первое — *крашенный холстъ*, *полотно*, второе — отъ глаг. *крошить*), — *и*, напр.: *артиль* (*артель*) и т. д.

3) Вѣсто *е*—*ѣ*, напр., *дѣѣтъ*, *понимѣтъ*, *розумѣтъ*; *бѣлоѣ*, *малыѣ*, *бѣлыѣ е*, (*множ. числ.*), *ходитѣ къ намѣ*, *побесѣдѣмъ*; *объ ѣмъ*, *объ ѣи*, *еѣ я не вижу*, *у еѣ* (*безъ и*); *твореньѣ*, *созланьѣ*, *помышленьѣ* (*иѣ=еѣ*), *вм. о—ѣ*, *ѣнъ*, *ѣна* (*онъ она*) и т. д.

4) *Ѣ* встрѣчается вѣсто *я* въ окончаніяхъ именъ существительныхъ средняго рода: *плѣмѣ*, *имѣ*, *врѣмѣ*, *берѣмѣ* (*племя*, *имя*, *время*, *беремя*); *далѣѣ*, — *е* *вм. я* встрѣчается въ *неопред. накл.*, *оканчивающемся на ять*, *понѣтъ*, *принѣтъ*, *занѣтъ* (*понять* и т. д.); также—*ѣнцѣ* (*яйцо*), *всячинѣ* (*всѣчина*), *дѣдѣ* (*дядя*), *опѣтъ* (*опять*), *племеньникѣ*, *масленьникѣ* (*племянникѣ*, *масляникѣ*); *е* встрѣчается вѣсто *і*, *наприм. Божѣй цѣловѣкъ*, *вражѣй сынъ* (*Божій*, *вражій*).

5) *А + е = а*, *напримѣръ*, — *понимѣтъ* и *понимать*, *бывѣтъ* и *бывать*, *знаѣтъ* и *звать*.

6) Вѣсто *ъ*—*и*, *наприм.*, *сивѣръ*, *недѣля*, *пѣть пѣсьни*, *лѣфъ звиръ*, *съести* (*сѣверъ*, *недѣля*, *пѣть пѣсни* и т. д.); въ окончаніяхъ *неопред. накл.* на *тъ* *напр. владѣтъ*, *онѣмѣтъ* (*владѣть*, *онѣмѣть*).

7) Звукъ *о* встрѣчается вѣсто *і* и *ы* въ окончаніяхъ *им. прилагат.*, *наприм. хорошой*, *дѣброй*, *серебрянной* (*вм.—шій,—рый,—ный*);—вѣсто *е*, *напр. жонѣ*, *пшонѣ*, *кажѣщѣ* (*жена*, *пшено*, *кажется*).

8) *У* слышится въ прошедшемъ времени вѣсто *л*, *напр.*, *слышау*, *пѣнаю*, *буу*, *пѣшѣу* (*слышалъ*, *понялъ* и т. д.); въ словахъ, *оканчивающихся на л*, *напр.*, *козѣу*, *кѣлокоу*, (*козелъ*, *колоколь*); въ срединѣ словъ, *напр.*, *доуго*, *поуно* (*долго*, *полно*); также *ѣ* слышится *вм. е* въ концѣ словъ: *Крылобу*, *Вакрылоу* (*Крыловъ—ловъ*); въ срединѣ словъ, — *напр. поддѣука* (*поддевка*), *заутра* (*завтра*), *дауно* (*давно*); въ началѣ словъ, *напр.*, *урагъ урѣшь*, (*врагъ*, *врѣшь*), *вм. з*, *напр.—коуды*, *коеды*, (*когда*), *тоуды*, *тоеды* (*тогда*) и т. д.

9) *Бм=мм*: *оммытъ*, *омманывать*, *омманыватъ*, (*обманывать* и т. д.), *бл*, *бр*, = *П*—*варавъ* (*корабль*), *голубѣ* (*голавль*), *Декабрь*—*Декапъ*, *Ноябрь*—*Нояпъ*, и т. д., *мм=мл*, *помлю* (*помню*), *сумленьѣ* (*сомнѣніе*); *ст=с*, *страсъ*, *лисъя* (*страсть*, *листья*); *вм. к—х*, *хрѣсьянинъ*, *трахтъ* (*крѣстьянинъ*, *трактъ*); *жж=жжж*, *повѣжжсай* и т. д.

10) Твердое *л*, какъ *передъ и*, такъ и *передъ* другими согласными, *напр. болной*, *силной*, *болшѣушшой*, *балзѣнъ* (*и* *вм. м*), *олхѣвой пруть* (*больной*, *большой*, *бальзамъ* и т. д.).

11) *С* вм. *и*, молодѣшой, ясная мука, пшонисъникъ, одѣваёсься, (молошныи, -чныи, яшная мука и т. д.).

12) *Ц* вм. *ч* и наоборотъ, *ч* вм. *ц*, и то и другое произношеніе вмѣстѣ, напр., — чарь и чярь, чапля и цяпля, чѣдой и чѣдой, Павловичъ, чѣловѣкъ, чашка и т. д.

13) *Ц* — мягко, напр., молодѣць, отѣць, гонѣць и т. д.

14) *Ш* вм. *ч*., напр. конешно, сердешно (конечно, сердечно), мѣстоим. *что* = *штьѣ*, *щѣ*.

15) Вмѣсто *щ* два *ш*, напр. — шшбѣ (еще), пѣшше (сильнѣе), дяшше (чаще) и т. д.

16) Встрѣчается форма род. над. на *ово* и на *ова*, напр. — дѣброва днѣ, ѣтово, нецево; я *тѣ* и *тибѣ* (также говорятъ: *сибѣ*, *себѣ*) *ѣфтова* и *ѣтово* не обѣшшай.

17) Дат. пад. оканчивается на *е* вм. *и*, напр. къ доцерѣ, къ матере, ко двере и т. д.

18) Сравнительн. степень встрѣч. на *ѣ*: мѣнѣ, болѣ (менѣе, болѣе), и на *я*, басься (я), силнѣя (я), милѣ (я), крѣпцѣ и крѣпце (красивѣе, сильнѣе, милѣе и т. д.).

19) Возвратный залогъ кончается на *чься* какъ въ неопредѣл., такъ и въ извѣстительномъ наклоненіи, напр. одѣва*чься* (=одѣваться и одѣвается), глянѣ*чься* (глядѣтся, нравится), улыба*чься* (улыбаются) и т. д.

20) Встрѣчаются члены и частицы, —напр., молодѣ*тъ* (молодець-отъ), бабы-*ти*, бабу-*ту*, село-*то*, какъ сказать-*то* и т. д.; мнѣ-*ка*, тебѣ-*ка*, уйди-*ко*, возьми-*ко* нуткося, подниткося и т. д.

А. Дмитриевъ.

Цюжое добро.

Пришли въ Питѣръ для заработковъ двое хресъянъ, Степанъ да Гаурило. По деревнямъ онѣ были сусѣди и на цюжой сторонѣ сошлись вмѣстѣ, поступили въ одну бирживую артію. Живутъ онѣ годъ, два, и петь лѣтъ, зашибаютъ хорошую копейку; работа идетъ всё прибылнѣя. Пришла пора и на побѣѣку. Лѣкко сказать, не были на родинѣ петь лѣтъ! Домашніе, цѣли, ждуть не дождуцѣя!

Собралися было онѣ оба, да удругъ вышеѣ такой случѣи, штьѣ Гаурилѣ нельзя никакъ ѣхать: хозѣинъ ждетъ изъ-за моря кораблѣй, и не на ково болѣ расположицѣя при выгрускѣ товарофъ (пип роѣ), какъ на Гаврилу. Прибавляѣтъ ему жѣлованья и просить повременить отѣѣдомѣ. Штьѣ-жо? нельзя не уважить хорошова цѣловѣка, надавно (надавно-вм. бно) подождать хошь до перевозимья. «Дѣлать нецево», говоритъ Гаурило своему товаришу, поѣжжѣи одинъ». Да ужъ сдѣлай милось, исправь за меня штьѣ слѣдуѣтъ. Батюшко ономедни грамотку послаѣ, приказывать на сдѣтъ денѣгъ, дакъ достѣфъ ты ему мою казну; всть тутокѣ роѣно три тѣсеци. Да сестрѣнкамъ связешъ по какому небутъ госьтишьцѣю. Клавейся, дружйшшо, встьмѣ (усѣмѣ). Ну, съ Богомъ, братъ.

Роспростилися земляки, и отправиуса Степанъ ко дворамъ. Дѣуго ле, корѣтко-ле онъ ѣхаѣ — не знаю, только въ (у)дорогѣ нецево особеннова съ имѣ не приключилось. Вотъ блеснуу передъ имѣ купаѣ (поѣ) родной цѣрькви и стало лѣкко на серцѣ у Степана А ужъ штьѣ было дома, какъ перестуниѣ онъ порокъ своей избы, и росказать нельзя: слѣзы, обниманья, смѣхъ, аханье и опеть слѣзы. Распрѣсамъ не было коньцѣ. Не насмѣтрацѣя другъ на друга, не наговорѣцѣя; до Гауриловыхъ ле порученѣй тутѣ? усыпются и ваѣтра. Не видѣли какъ свецѣрѣло и на покой итти пришла пора. Стихло все въ домѣ и на (дерѣвнѣ) селѣ. Удрукъ (вдругъ), въ глухую поѣночь, какъ мѣѣня пронѣссе по селу страшной крикъ: «пожаръ! пожаръ!» Вотъ по-

реполѣшился. При вѣтрѣ быстро заиграло пламя по солдьянныгъ крѣшамъ, нѣгогъ охватило поудерѣвни и спалило всё до гла. Вросплѣхъ застигнутыѣ бѣдой, хресьяне не успѣли спасти поцѣти нечево изъ сваево имушества; многіѣ едва успѣли выско- цитъ сами толькн. Въ етомъ числѣ несѣясныхъ быу и Степанъ съ семьѣй. Самъ онъ только успѣу схватить кафтанъ, лёжѣвшой въ изголовьѣ, да вывесити его со двора пару лошадей. Соньце стояло высоко ужъ, коуды окончи́уса пожаръ. Хто ште дѣлау: нинѣ тоуковали межу собой, другіѣ сидили понура голову, нинѣ откапывали скарбъ... Болно было гледитъ на етихъ несѣясныхъ, а болѣ всѣхъ (усѣхъ) на Степана. Не(в)- мно(у)го цясовъ состарили ево десяткомъ лѣтъ. Дѣуго сидѣу онъ, думѣу, не отвѣцау на роспрѣсы родныхъ. Наконецъ перекрестіуса, стау и пошоу къ Гаврилину отцѣ. Поу- торы версты дѣуго-ли протти?

«Богъ на помошнѣ, дѣда Григорей» молви́онъ ему.

«А Степа любѣзной, здороу-ле? какими ето судьбами? Ште-жо безъ Гау- рюшки?»

«Да вотъ овъ прислау тибѣ поклонъ ннсской и всѣмъ. Самѣтъ разѣ (ви. зѣѣ) только къ Николину дяку приде́тъ (ѣдетъ). «А грамотки нѣту?» «нѣту, писать было не коуды», проговоріу Степанъ съ какнпъ то смушеньемъ. Слышау я, братъ, про вашу бѣду и самъ дажеци видѣу, здѣсь было свѣтлѣ дня! Ште дѣлатъ? Божья воля. Уцѣлѣла ли твоя изба!»

Какъ есь не единаво бреунѣ, сами выскоцили поцесъ нагѣ. Сердешно жалъ. Послѣ эвой бѣды не скоро оправисья. Да, я, пѣй, ты привѣзъ таки изъ Питѣра коѣ-какіѣ деу- жонки, опстрои́ця-то хватитъ? Безъ малова 2 тысяци привѣзъ. Да видно бытъ грѣху такому. Положіу я ихъ позавцарѣсь въ яшникъ, а въ сумятицѣ-то и изъ головы вонъ захватитъ то ево съ собой! Выскочіу, опамятива́уса, глѣнуу, а изъ избы то пламе-то такъ и хлѣшнотъ! Прогнѣвауса за грѣхи на насъ Господь! Вѣсьтимо ноѣтъ серьдѣ по трудовой копенкѣ. Но пѣшше тово, дѣда Григорей, взяу меня ужасъ, какъ хватіуса я даве твоихъ теуѣтъ. Ште свои? Наживноѣ дѣло, Богъ съ ими! А за цюжіѣ дашь отвѣтъ (отвѣтишь) добрымъ людамъ здѣсь, да и на томъ свитѣ спросать! Кац выбѣжау, преже всево хва- діуса ларця-то: нѣтъ нечево при сибѣ—въ одной рубахѣ! Туды, суды, заметѣуса во всё стороны, не оброну́ль-ле какъ, спросіу своихъ, не брау-ле кто ларця, нѣту, всё съѣу огонь! Серьдце такъ и замѣрло. Ште скажу дѣдѣ Григоріу? цѣмъ уплацо? Упгъ, знать, паметь ту у меня всю отшибло. И не догадаюсь, ште твою-ту казну я положиу въ ва(у)фтанъ, а онъ у меня подѣ мышкой торцитъ! Опшупау я кармауъ, вынуу бумажен- никъ, пересситау (съѣѣтъ чаще, чѣмъ съѣѣтъ), всё цѣлѣконько. Какъ гора у меня съ плецъ свалилась, ожила душа!

Да про какіѣ деньги ты наладіу?

Да про твой жо, говорю, ште послау тѣ Гаурило. Мои сгорили, а твои Богъ по- миловау. Вотъ онѣ, принимай съѣетомъ: копейка въ копейку, три тысяци рублей» и передалъ дѣдѣ Григоріу. (Вольперъ, Русская рѣчь, «Чужое добро», стр. 15—16 изд. 16-е).

Пѣсня изъ новыхъ.

По Никѣльскому по траху
Бѣрешка крутѣнкіѣ,
Бѣрешка крутѣнкіѣ
Водіица холоднѣнкая.
Не хоцѣ водіица пить,
Водіица изъ канѣвшки,
Лѣжусь парня полюбить,
Боѣсь худой я славшки.
Не любить—не слави́ица,
Не ходитъ—не маѣи́ца,

По жердѣцкѣ милой шѣу
Другѣя спогнѣѣица
Во деревнѣшку зашѣу
Дѣуцѣнка дожидѣица:
У богѣтой, у проклатой
Цѣлу но́цку поцевау
У милѣшки, у бѣднѣшки
Салама́ту похлабау.
Ясной ми́сець—
Рупъ цѣуѣовой,

Цѣсты звѣзды—
Цетвертакъ,
Мѡётъ милой
Бестоуко́вой
Съ посидѣнку
Ушо́у такъ!
Онъ недѡуго посидѣтъ,
Толькѣ сѣрдѣцюшко сушѣтъ;
У топѣнова стоуба
Нѣту сьцѣстѣя нпкогда
Кѡуды вѣтеръ кѡуды дожъ
Кѡуды дѣуцѣнку дѡуго ждѣшь.
Я дѣуцѣнку вѣуцю,
Не пушшѣ на улицю,—
Кѡуды та порѣ придѣтъ,
Шѣтѣ отъ меня не отойдѣтъ!
Пусть достѣанецѣя Малѣшенька
Не людяжъ и не мѣтъ,
Шѣтѣ не людяжъ и не мѣтъ,—

Сѣрой матерѣ землѣ!..
Доставѣлася милѣшенька
Не людяжъ и не мѣтъ,
Шѣтѣ не людяжъ и не мѣтъ,
Сѣрой матерѣ землѣ.
Ополншусь кѡнѣцникомъ,
Поѣду съ колоко́льцикамъ...

Горѣ (немного на странный ладъ).

Охъ ты горѣ мое, горѣ великоѣ,
Я пойду съ горѣя в тѣмнѣю лѣса,
Во тѣмнѣом лѣсу,—тѣмнѣшенько,
Въ зеленѣомъ лугу—зеленѣшенько,
Тамъ растутъ цѣвѣты—
Цѣвѣты лазрѣвѣе,
Я сорвѣ, цѣвѣтокъ,—
Совью вѣнокъ,
Милому дружку—
На головѣшкѣ.

А. В. Дмитриевъ.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библиографія.

Населеніе Украины въ XVI вѣкѣ.

А. *Iablonowski*: 1) *Kolonizacja Ukrainy za ostatnich Jagellonów*; 2) *Etnicka postać Ukrainy w epoce zjednoczenia jej z Koroną* (*Kwartalnik Historyczny* 1893 года, выпуски 1-й и 3-й).

Г. Яблоновскій, уже пользующійся у насъ нѣкоторою извѣстностью какъ историкъ¹⁾, выступаетъ теперь передъ нами на поприще исторической этнографіи съ изслѣдованіемъ о тѣхъ этническихъ элементахъ, которые составляли во второй половинѣ XVI вѣка населеніе Украины.

Украина, точнѣе—Украина великаго княжества Литовскаго, занимавшая огромное степное пространство на обоихъ берегахъ Днѣпра и Буга, отъ Днѣстра на западѣ почти до Донца на востокѣ, и упиравшаяся на сѣверѣ въ кіево-волинское и черниговское Полѣсье, въ половинѣ XVI вѣка была степью, лишенною городовъ и селъ и имѣвшею лишь пустыя «городища» и «селища», посреди «гоновъ», «уходовъ», «пасѣкъ». Она украсилась лишь нѣсколькими «замками»—Каневою и Черкасами на Днѣпрѣ, Винницею и Брацлавою на Бугѣ. Но она не была пустыней. Не смотря на нѣрѣдкіе наѣзды Крымцевъ, въ ней была жизнь и ея «гоны», «уходы», «пасѣки» не оставались безъ эксплуатаціи.

Кто же жилъ въ ней?

Г. Яблоновскій даетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ на основаніи архивныхъ источниковъ, главнымъ образомъ на основаніи описаній замковъ 1545 и 1552 годовъ и вновь найденнаго, имѣющаго въ скоромъ времени быть изданнымъ, именнаго списка 500 запорожскихъ казаковъ 1581 года. Его данныя 1) собственныя имена и фамиліи замковыхъ обитателей, 2) собственныя имена и фамиліи казаковъ и 3)—въ немногихъ случаяхъ—прозвища тѣхъ и другихъ, указывающія на ихъ племенное происхожденіе или на ихъ родину («Сербъ», «Волохъ», «Мозырянинъ» и т. п.). Другихъ источниковъ и данныхъ авторъ не знаетъ.

Онъ прежде всего останавливается—нѣсколько неожиданно для читателя—на Тюркахъ. Онъ напоминаетъ Торковъ, Берендеевъ, Черныхъ клобуковъ до-монгольскаго періода, указываетъ на ихъ вражду къ Половцамъ (которыхъ однако лѣтопись называетъ ихъ «сватами»!) и единеніе съ Русскими, предполагаетъ, безъ основаній, что Татары не

¹⁾ Большая статья его по исторіи Украины въ варшавскомъ *Ateneum*ѣ 1888 г. №№ 1 и 2, 1891 г. № 12.

принудили ихъ уйти изъ степи вслѣдъ за Половцами или присоединиться къ своимъ ордамъ, а позволили имъ оставаться по прежнему въ степи. Потому онъ разсматриваетъ Тюрковъ и ихъ потомковъ среди обитателей украинскихъ замковъ, среди «землянъ», среди запорожцевъ и ихъ находить вездѣ и всюду. Это—Байдикъ, Балхова, Базыргень, Боракъ, Ботракъ, Буба, Чатый, Чаплій, Чигагъ, Гусеймъ, Кубеча, Кудакъ, Махмедеръ, Малыкбаша, Мехедъ, Сохей, Ширай, Убобъ въ Черкасахъ¹⁾, Балычъ, Хурсъ, Челехъ, Карака, Карада, Киптай, Колмага, Котанъ, Кунашъ, Шейшей. Шульга въ Винницѣ, Бальма, Борзукъ, Вруханъ, Харланъ, Черкасъ, Чурба, Карай, Кобызь, Моксанъ, Нагай, Охматъ, Шаколъ, Шульга въ Кіевѣ, Аксакъ, Байбуза, Баланеръ, Берендей, Булыга, Халамъ, Ханбекъ, Фурсъ, Елецъ, Кобызевичъ, Коробай, Кутлубай, Обдула, Солтанъ, Сынгуръ, Ваглай, Бокій, Балабанъ, Бундура, Коцуба, Козуба, Мормуля, Скиндаръ, Талалай среди «Землянъ»; это—Бахтіаръ, «очевидно, крещеный татаринъ» (стр. 428), и т. д. Мы не имѣемъ надобности распространяться объ длинномъ спискѣ тюркскихъ, по автору, именъ; достаточно сказать, что Хурсъ-Фурсъ обычное въ старой Руси христіанское имя (=соврем. Фирсъ), равно какъ и Харланъ (Харлампій); что Брюханъ, Ширяй, Елецъ—исконныя русскія слова, что еще именъ по крайней мѣрѣ десять звучитъ совсѣмъ не по-тюрски. Для насъ важно узнать, дѣйствительно ли тюркское имя говоритъ о тюркскомъ происхожденіи его владѣльца. Для этого мы заглянемъ въ акты какъ юго-западной, такъ и московской Руси XV—XVII вѣковъ. Они заключаютъ въ себѣ очень много именъ несомнѣнно тюркскихъ, но принадлежащихъ несомнѣнно Русскимъ. Здѣсь мы находимъ Кирдея и Васка Савчицей (Арх. Юго-Зап. Р., VI, I, 67), князя Солтана Васильевича (Арх. Sang. I, 54), гомельскаго крестьянина Сеима Стефановича (А. Ю.-Зап. Р. V, 43). Здѣсь передъ нами угличанинъ Салтанъ Петровъ сынъ Демьяновъ (А. Юр. 323), востромитинъ Мура Степановъ сынъ Шужина (А. Юр. 308), астраханскій городничій Тавруй Потаповъ (А. Кал. I, 469), Охматъ Михайловъ, Шишмои Омеляновъ, Бахтеяръ Григорьевъ, Карамышъ Матвеевъ, Кятай Емельяновъ (А. Оед.—Чех. ²⁾). И такъ, имена нисколько не указываютъ на происхожденіе, и нѣтъ основанія видѣть въ южно-русскихъ Байдыкахъ, Аксакахъ, Караяхъ-Тюрковъ или ихъ попомковъ и говорить объ «очень сильномъ» участіи тюркскаго элемента³⁾ въ образованіи украинскаго племени (стр. 434).

Затѣмъ г. Яблоновскій обращаетъ вниманіе на поляковъ. Не только всѣ Станицы, Яны, Северины отнесены имъ къ полякамъ; въ ихъ число попали даже значащіяся въ написанномъ по-польски спискѣ запорожскихъ казаковъ Sobko Trubasz и Andzei Wubennica, не смотря на явно русскую окраску ихъ прозвищъ... И здѣсь имена, съ употребленіемъ которыхъ въ Старой Русси авторъ слишкомъ уже мало знакомъ, не даютъ права дѣлать какіе-либо выводы⁴⁾.

Но этнографу Украины, естественно, всего болѣе приходится говорить о Русскихъ. Какіе русскіе элементы были въ украинскомъ населеніи XVI вѣка? Откуда они пришли?

Авторъ указываетъ, что арендаторами черкасскихъ «уходовъ» по Днѣпру, Ворсклѣ, Орели, Самарѣ, въ 1552 году были Мозыряне, Быховцы, Могилевцы; что капевскіе «уходы» въ устьѣ Сулы арендовали Могилевцы; что эти Вѣлоруссы приходили на промыселъ къ лѣту и возвращались на родину къ зимѣ. Имъ не оставляются безъ вни-

¹⁾ Мы оставляемъ имена (или фамиліи) въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ приводитъ авторъ, но должны замѣтить, что въ источникахъ при этихъ именахъ обыкновенно стоятъ христіанское имя: Федко Байдикъ, Иванъ Балхова, Игнатъ Сохей (Архивъ Юго-Зап. Россіи, VII, I, 113—114).

²⁾ Какъ извѣстно, но мало князей Рюриковичей и Гедиминовичей носили тюркскія имена. Припомнимъ хотя бы предковъ Бахтояровыхъ-Ростовскихъ и Булгаковыхъ.

³⁾ Словарный матеріалъ украинскаго говора не бѣдонъ тюркизмами, но они въ немъ тѣ же, что и въ другихъ малорусскихъ говорахъ. Ихъ въ малорусскомъ нарѣчій больше, чѣмъ въ великорусскомъ.

⁴⁾ Г. Яблоновскій навѣрное призналъ бы и Франциска Скорину и Адама Киселя за Поляковъ, но несомнѣнно, они были Русскіе.

манія придиѣпровскіе севруки, потомки, по его мнѣнію ¹⁾, древнихъ Сѣверянъ, которые, вѣдѣвъ съ древними Полянами и Дривлянами, представляются ему членами малорусской вѣтви Русскаго народа. Далѣе онъ сообщаетъ свѣдѣнія о 500 запорожскихъ казаковъ по списку 1586 года. Въ числѣ этихъ «молодцовъ» оказывается порядочно Вѣлоруссовъ (изъ Мозыря 16, изъ Бобруйска 10, изъ Быхова 8, изъ Могилева 11, изъ Мстиславля 10), немного изъ Волыни (изъ Дубна 9, изъ Константинова 7, изъ Кременца 6, изъ Острога 6), еще меньше изъ Подолья, Галиціи, со всѣмъ мало изъ Полѣсья (изъ Овруча 1, изъ Житомира ни одного).

Но этимъ данными автора ограничиваются, и читателю его статей остается неяснымъ, кто въ XVI вѣкѣ далъ Украинѣ большинство колонистовъ, Вѣлоруссія, Полѣсье, или Подолье съ Галиціей.

Въ виду этого мы попробуемъ разрѣшить поставленный нимъ вопросъ, воспользовавшись тѣми данными ²⁾, которыя г. Яблоновскій (какъ и всѣ его предшественники) упускали совершенно изъ виду, но которыя намъ кажутся въ высшей степени важными) имѣющими рѣшающее значеніе. Они находятся въ языкѣ нынѣшнихъ Украинцевъ, прямыхъ потомковъ колонистовъ XVI вѣка, то есть—въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія.

Какъ извѣстно, малорусскіе говоры дѣлятся на двѣ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга группы—сѣверно-малорусскую и южно-малорусскую ³⁾, изъ которыхъ первая употребляетъ въ извѣстныхъ случаяхъ, на мѣстѣ древняго п великорусскаго *о*, гласные *у*, *ю* или разнообразныя дифтонги: *уо*, *уэ*, *ум*, *ус*: *кунь*, *кюнь*, *куопь*, *куэнь*, *куинь*, *куынь* (=конь), а вторая въ тѣхъ же случаяхъ имѣетъ гласный *і*: *кінь*.

Мы не знаемъ, когда именно произошло раздѣленіе малорусскихъ говоровъ на эти двѣ группы; но имѣемъ основаніе думать, что къ XVI вѣку оно уже существовало. Несомнѣнно, въ этомъ столѣтіи сѣверно-малорусскіе говоры слышались въ волынскомъ Полѣсьѣ съ частями нынѣшнихъ Минской, Гродненской и Сѣдлецкой губерній и на сѣверѣ старой Кіевщины, тамъ, гдѣ слышатся теперь; но вѣроятно, ихъ территорія тогда простиралась дальше на югъ, чѣмъ въ наши дни, такъ что на мѣстѣ переходныхъ говоровъ, занимающихъ теперь среднюю часть Кіевской губ. и юго-восточную окраину волынскаго Полѣсья (въ Житомирскомъ уѣздѣ), въ то время звучали говоры поплѣтъ сѣверно-малорусскіе. Во всякомъ случаѣ въ Кіевѣ половины XVI вѣка говорили по сѣверно-малорусски: откуль (южно-малор. *відкіль*), Овдутья (южно-малор. *Вівдья*, Явдоха ⁴⁾).

Южно-малорусскимъ говорамъ принадлежали Подолье и Галиція съ прилегающею къ нимъ частью Волынской губерніи. ⁵⁾ Въ какую группу входилъ говоръ обитателей Украинны XVI вѣка?

Его прямой потомокъ, современный говоръ украинскій, принадлежитъ къ числу южно-малорусскихъ и очень близокъ къ говорамъ Подолья и Галиціи съ сосѣднею частью Волынской губ.

Взглянемъ по внимательнѣе на украинскій говоръ.

Первое, что обращаетъ въ немъ на себя наше вниманіе, это полное отсутствіе сѣверно-малорусскихъ особенностей (не говоря уже о вѣлорусскихъ). Предоставляя изъ

¹⁾ Требующему доказательствъ. Проф. В. Д. Смирновъ указалъ намъ на турецкое *завгид* или *завгад*, которые по словарю Redhouse'a, значить: wild, very impulsive or violent. Великоорусское с е в р ю к ѣ =угрюмый человѣкъ.

²⁾ Мы, сверхъ того, имѣемъ въ виду тѣ данныя о сравнительной населенности Подолья въ XVI вѣкѣ, которыя собралъ М. Ф. Владимирскій-Будановъ въ своей статьѣ въ Архивѣ Юго-Западной Россіи VII. II.

³⁾ Данныя, которыми мы здѣсь пользуемся, находятся въ нашемъ „Очеркѣ Русской діалектологіи“ (Живая старина 1892 года, вып. 4).

⁴⁾ Описаніе кіевскаго замка 1552 года. Архивъ Юго-Зап. Россіи VII. I, 112, 113. Въ Черкасахъ въ это время говорили уже по южно-малорусски: *чаквиница*, *Макогнъ* (тамъ-же, 79, 89).

⁵⁾ Съ собственно Волынью.

себя одно цѣлое на всеѣ степномъ пространствѣ отъ Днѣпра до Дона, этотъ говоръ нѣкомъ образомъ не можетъ быть причисленъ къ говорамъ смѣшаннымъ. Онъ не заключаетъ въ себѣ ни одного слова съ сѣверно-малорусскимъ дифтонгомъ. Онъ имѣетъ всего лишь два слова съ сѣверно-малорусскимъ *y* на мѣстѣ древняго *o*, гдѣ должно бы быть, по южно-малорусски, *i*: парубокъ и гультай (но они оба находятся и въ другихъ южно-малорусскихъ говорахъ. Въ немъ нѣтъ словъ съ вербѣжнѣ въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ *e* на мѣстѣ древняго *ъ* (ничтожныя мѣстныя исключенія не въ счетъ). Наконецъ ему совершенно чужды мелкія явленія, свойственныя лишь сѣверно-малорусскимъ говорамъ, въ родѣ формъ возвратнаго залога на *ca* и *co*. Такимъ образомъ украинскій говоръ принадлежитъ вполне южно-малорусскому нарѣчію.

Затѣмъ, если мы сопоставимъ украинскій говоръ съ говорами подольскимъ, галицкими, западно-волинскими, то увидимъ, что всѣ его отличительныя черты находятся въ одномъ или въ нѣсколькихъ изъ этихъ послѣднихъ. Твердые (до известной степени) согласные передъ *i* изъ *o* (въ *носъ*—носъ), отсутствующіе въ подольскомъ и большей части галицкихъ, слышатся въ волинскихъ; звонкіе согласные въ концѣ словъ въ серединѣ передъ *x* и *o* (дѣдъ, тяжко) неизвѣстны подольскому и галицкимъ, также сохраняются говорами волинскими, и т. д.

Сверхъ того, вездѣ, гдѣ украинскій говоръ наиболее рѣзко отличается отъ своихъ западныхъ сосѣдей, его черты сравнительно съ чертами послѣднихъ—архаическія и такія, какія до *o* *ж* *н* *ы* были нѣкогда въ нихъ быть и какія могли въ нихъ еще быть въ началѣ XVI вѣка. Такъ, нѣтъ сомнѣнія, что твердые согласныя передъ *i* изъ *o* древнѣе, чѣмъ мягкіе, что *я* въ *узати*, *xo* въ *xвалити*, мягкое *ч* въ *хлопецъ*—древнѣе, чѣмъ въ тѣхъ же словахъ *e*, *ѣ*, твердое *ч*. Словомъ, особенности украинскаго говора—вмѣстѣ особенности подольско-галицко-волинскаго говора того времени, когда онъ составлялъ еще одно цѣлое.

И такъ, главная масса украинцевъ въ XVI вѣкѣ вышла въ Украину изъ Подолья и Галиціи и изъ сосѣдней съ ними части Волинской губ., масса, въ которой исчезло безслѣдно то сравнительно ничтожное количество колонистовъ, которое дало Украинѣ Подлѣсье, Киевщина и Вѣлоруссія.

Еще нѣсколько словъ въ заключеніе. Причина разницы въ доляхъ колонизаціи будетъ намъ вполне ясна, если мы взглянемъ на карту Южной Руси XVI вѣка.

Подолье, Галиція, юго-западная Волинь не имѣли для колонизаціи ничего, кромѣ Украины, и по необходимости должны были идти въ ея степи, опираясь на замки Винница и Брацлава. Волинскимъ и Киевскимъ Полѣшукамъ также какъ и ихъ сосѣдямъ (съ сѣвера Вѣлоруссамъ), благодаря Припяти и ея притокамъ, было гораздо болѣе удобно направляться на востокъ, въ Заднѣпровье, чѣмъ на югъ, и мы дѣйствительно видимъ ихъ рядомъ съ Вѣлоруссами въ древней Сѣверщинѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя или совсѣмъ не заняты были до ихъ прихода осѣдлымъ населеніемъ, или лишились значительной части населенія ¹⁾ въ эпоху самозванцевъ; ихъ говоры до сихъ поръ еще вполне сохраняютъ свои подлѣсскія черты (дифтонги и проч.), а нѣкоторые изъ нихъ, на восточномъ берегу Днѣпра, сходны до тожества съ своими сосѣдями на берегу западномъ.

А. Соболевскій.

Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. Akademische Abhandlung von Joos. J. Mikkola. Helsingfors, 1893.

Книжка г. Миккола посвящена вопросу о славянскомъ, главнымъ образомъ русскомъ вліяніи на западно-финскіе языки. Авторъ начинаетъ обзоромъ того немногаго, что уже сдѣлано по этому вопросу, и при этомъ особенно долго останавливается на трудѣ

¹⁾ Это населеніе было, конечно, великорусское, а не малорусское. Помимо другихъ данныхъ, на это указываетъ самое названіе сѣверной столицы, звучащее у Малоруссовъ по-великорусски: Черніговъ (чисто малорусская форма должна бы звучать Черниговъ).

покойнаго Веске, къ которому впрочемъ относится не безъ строгости. Затѣмъ онъ говоритъ объ относительной древности вліянія на западно-финскіе языки, языковъ германскихъ, славянскихъ и высказывается, на основаніи фонетическихъ особенностей заимствованныхъ у Германцевъ финскихъ словъ, въ пользу большей древности германскаго вліянія. Остальная, наибольшая часть книжки г. Миккола заключаетъ въ себѣ списокъ финскихъ словъ славянскаго происхожденія, съ указаніями, какими финскими звуками передается тотъ или другой славянскій звукъ и какія изъ заимствованій могутъ быть признаны за древнія, какія за новыя. Нѣкоторыя слова этого списка, въ высшей степени интересны: *akkuina* = др.-русск. *оказно*, *lusikka* = др.-р. *лъжка*, *rahtina* = др.-р. *полотно*, *ta/kkipa* = др.-р. *толокно*, *karsta* = *короста*, *sarka* = *сорочка* (сорочка), *värtinä* = *веретено*, *kuotalo* = ц.-слав. *кждѣль*, *santia* = ц.-сл. *сѣдди*, *ind* = ц.-сл. *ѣда* (часть уже известна намъ изъ книги Веске).

Трудъ г. Миккола, превосходно исполненный, представляетъ большую цѣнность и для археологовъ, и для лингвистовъ. Единственное, за что мы должны поблагодарить автора, это — невниманіе къ ударенію славянскихъ словъ. По нашему мнѣнію, разнообразіе въ передачѣ одного и того же славянскаго звука, нерѣдко объясняется не чѣмъ другимъ, какъ присутствіемъ или отсутствіемъ на этомъ звукѣ ударенія. Напримѣръ, различіе между звуками: *a* въ *gaattu* = *грамота*, *laatu* = *ладъ*, *lada*, *laatia* = *ладить*, *raasma* = *пасмо* съ одной стороны и *ä* въ *raja* = *край*, на край, край, краевъ, *gavita* = *травить*, наиболѣе легко объясняется ударяемостью и неударяемостью славянскихъ звуковъ. Сверхъ того, мы не рѣшаемся вездѣ согласиться съ авторомъ относительно степени древности заимствования и сомнѣваемся, напримѣръ, что *turku*, *hirsti*, *hirsta*, должны непременно восходить къ *тѣргъ*, *хѣлстѣ*, *хѣртѣ*, а не къ *тѣргъ*, *холстѣ*, *хортѣ*, — въ виду *smilku* = *шѣлкѣ*.

А. С.—скій.

Ирано-финскія лексикальныя отношенія. Барона Р. Р. Штакельберга.

(Древности Восточныя. Труды Восточной Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Томъ I, М. 1893).

Авторъ обратилъ вниманіе на небольшую группу словъ въ восточно-финскихъ языкахъ, по его мнѣнію, заимствованныхъ восточными финнами у ихъ древнихъ сосѣдей съ юга — у близкихъ родственниковъ или даже предковъ нынѣшнихъ Оссетинъ, во всякомъ случаѣ у народа иранской семьи (вѣроятно, у Скивовъ греческихъ писателей), и собралъ 58 финскихъ словъ сходныхъ по звукамъ и по значенію съ словами оссетинскими, армянскими, курдскими, зендскими и т. д. Изъ этихъ словъ, кажется, лишь меньшая половина можетъ быть признана за заимствованныя, между прочимъ: *зырянск.* *зарні* золото (при зендск. *zaganu*, ново-перс. *zag* золото), *вотяцк.* *корт* желѣзо (при зендск. *kareta*, ножъ, оссет. *кард* мечъ), *вотяцк.* *куала*, *квала* домъ, изба (при курдск. *kol* хижина, оссет. *к'ул* внутренняя часть сакли), *зыр.* *ѳксы* князь (при оссет. *ѳхсін* княгиня), *морд.* *сада*, *вогул.* *сат сто* (при зендск. *sata*, оссет. *с'ад'а* сто), *вогул.* *чах* соль (при оссет. *ц'ах* соль), *перяцк.* *шеи* изба (при зендск. *zauana* мѣсто обитанія), *перм.* *шодзъ* деревянная игла, *синца* (при оссет. *содз'ан'а* игла). Что касается до прочихъ, приведенныхъ авторомъ, то исконная принадлежность однихъ изъ нихъ иранской семьѣ языковъ подлежитъ сомнѣнію (они найдутся только въ оссетинскомъ языкѣ и могли быть заимствованы Оссетинами у Финновъ или у Финнами, и Оссетинами у какого-нибудь третьяго народа), заимствование же другихъ въ виду ихъ значенія (медвѣдь, муха, шерсть, волосы, губы и т. д.) не вполнѣ вѣроятно; наконецъ два слова получены Финнами скорѣе отъ Славянъ, чѣмъ отъ Иранцевъ: *зыр.* *порсь* свинья, *пер.* *куті* собака (сравни великорусск. *кутѣнокъ* щенокъ и друг.).

А. С.—скій.

Mythiske bytosie lužickich Serbow. Napisał Adolf Černý. I zwjazk. Budyšin. 1893. 239 str.

Высшая миеология славянскихъ народовъ была постоянно «камень преткнове- ния для всѣхъ изслѣдователей, и, какъ показываютъ многочисленныя книги и статьи— продолжаетъ быть имъ по прежнему. Древне-славянскіе культы еще не настолько раз- вились и выработались, чтобы вступить повсемѣстно въ упорную борьбу съ наступа- тельнымъ движеніемъ христіанства. Съ появленіемъ христіанства масса скоро отказа- лась отъ Перуна, Хорса и др. божествъ, хотя и сохранила массу суевѣрій и обычаевъ, связанныхъ съ культомъ ихъ. Исчезновеніе язычества произошло у насъ такъ, что мы съ большимъ трудомъ можемъ собрать изъ старыхъ памятниковъ и современныхъ на- родныхъ преданій лишь самыя ограниченныя свѣдѣнія даже о самыхъ крупныхъ фак- тахъ языческаго мировоззрѣнія славянъ, о языческой космогоніи. Отъ глубокой древно- сти намъ остались только преданія и вѣрованія въ цѣлый рядъ низшихъ божествъ, которые съ принятіемъ христіанства отождествились съ нечистою силой, и почти не- прикосновенно дошли до насъ.

Названное выше сочиненіе имѣетъ своей задачей объединить и отчасти обобщить матеріалъ по изученію низшей миеологіи у лужицкихъ сербовъ. Авторъ, г. Адольфъ Черный (Adolf Černý) предпосылаетъ своему труду введене, которое знакомитъ насъ въ сжатомъ видѣ съ теченіемъ изученій фольклора, а въ частности—сравнительной миеологіи. Въ немъ онъ обобщаетъ труды круиѣйшихъ ученыхъ, работавшихъ на этомъ поприщѣ и излагаетъ главнѣйшіе ихъ принципы и выводы. Самъ авторъ является послѣдователемъ школы Тейлора и Ланга.

Послѣ этого краткаго вступленія авторъ даетъ библиографическій обзоръ литера- туры, касающейся народной поэзіи лужицкихъ сербовъ, указываетъ рядъ сборниковъ, отдѣльных статей и изслѣдованій, какъ вышедшихъ въ свѣтъ отдѣльными книгами, такъ и разбросанныхъ въ періодическихъ изданіяхъ, которыми онъ пользовался при со- ставленіи настоящаго сборника. «Въ своемъ трудѣ, я собираю, говоритъ авторъ, всѣ какъ ранѣе напечатанныя, такъ и вновь собранныя сказки изъ верхнихъ и нижнихъ Лужицъ, такъ что онъ явится полнымъ собраніемъ лужицкихъ сказокъ подъ загла- віемъ «Мнѣическія существа лужицкихъ сербовъ». Такимъ образомъ фольклористамъ будутъ доступны всѣ тѣ сказки, которыя почти уже погибли для нихъ въ старин- ныхъ сербскихъ журналахъ. Сказокъ пзвѣстныхъ изъ нѣмецкихъ источниковъ не со- общаю въ полномъ видѣ, а въ извлеченіи, указывая на источникъ».

На первомъ мѣстѣ сборника мы находимъ рассказы о кобольдахъ, домовыхъ. Лужицкіе сербы утратили свое національное названіе этого низшаго божества и совре- менное его названіе: *kubolcik*, *kubuscik* или *kobut*, *koblik*—заимствовано отъ нѣм- цевъ (*Kobold*, *platt-d. Kùbolt*). Кобольдъ, соответствующій нашему домовому, является въ большинствѣ случаевъ божествомъ добрымъ, готовымъ помочь крестьянину въ его домашнихъ дѣлахъ. Отчасти его функціи сходны съ функціями лѣсоваго—онъ помо- гаетъ настухамъ въ ихъ работѣ: бережетъ скотъ, моетъ, чиститъ его, такъ что о хозяинѣ, который славится хорошими конями, говорятъ «*on ma kubolcika*». Слѣдую- щее мнѣическое существо: *zimj* или *plon* по своей дѣятельности схожъ съ кобольдомъ, онъ приноситъ своимъ хозяевамъ деньги, хлѣбъ и т. д., увеличивая ихъ благосостоя- ніе и обладаетъ способностью превращаться въ различные предметы. Затѣмъ приво- дится рядъ рассказовъ о «*božum sedlesku*» — которое является иногда ввидѣ хорошенькаго маленькаго ребенка (ср. «Живая Стар.» 1891 г., II, стр. 57, 58). Это загадочное серболужицкое мнѣическое существо различные ученые относятъ къ различнымъ такимъ же существамъ у другихъ народовъ: Аванасевъ и Срезнев- скій считаютъ его домовымъ, *Machál* (въ журн. *Zlatá Praha* 1885 str. 343) сравни- ваетъ его съ южно-славянскими видами и русскими — русалками. Наконецъ первая глава заканчивается сказками о карликахъ, которые носятъ у лужицкихъ сербовъ слѣд. названія: *lutki* *luzki* и *palčiki*. Это—маленькіе человечки, живущіе подъ землею. Народъ представляетъ себѣ такъ происхожденіе ихъ: *lutki*—прежніе жители Лужицы, населявшіе ее до прихода сербовъ, они были язычники. Другое преданіе о

ихъ происхожденіи говорить, что они—злые ангелы, черти. Когда они были изгнаны съ неба, то иные упали въ воду и стали водяными, иные же—на землю и сдѣлались lutkami, карликами и блуждающими огоньками (стр. 99). Очевидно послѣднее преданіе образовалось подъ вліяніемъ христіанства.

Вторая глава посвящена рыцарямъ, спящимъ въ горахъ, и различнымъ горнымъ духамъ. Преданія о такихъ существахъ свойственны почти всѣмъ европейскимъ народамъ. Въ третьей главѣ мы находимъ рассказы о различныхъ мнѣческихъ существахъ, населяющихъ лѣса; серболужицкій hobg очень схожъ съ нашимъ лѣшнымъ или лѣсовымъ; женскія лѣсныя божества сходны также съ нашей бабой—лѣсовихой. Эти существа ведутъ жизнь подобную человѣческой, ссорятся между собою; у нихъ бываютъ дѣти, которыхъ они иногда подкидываютъ человѣку, а человѣческихъ—похищаютъ (стр. 145). Въ слѣдующей—четвертой главѣ мы находимъ сказки о злыдняхъ, вѣдьмахъ, оборотняхъ, болѣзняхъ, которые первобытный человѣкъ представлялъ себѣ существами, насылающими на него всякое бѣдствіе. Эпидемія, моръ—также представляются простолюдину страшными существами и до сихъ поръ. Эта глава по своему содержанию является наиболѣе интересной.

Послѣдняя, пятая, глава труда г. Чернаго посвящена рассказамъ о солнцѣ, мѣсяцѣ, вѣтрѣ, громѣ и пр. предметахъ и явленіяхъ природы, которыя въ сознаніи первобытнаго человѣка получали человѣческой образъ и объясненіе своего существованія. Подобныхъ рассказовъ сохранилось у лужицкихъ сербовъ очень немного. Въ заключеніе авторъ сообщаетъ нѣсколько сказокъ о «лѣсномъ царѣ» или «ночномъ охотникѣ», котораго считаетъ передшимъ на славянскую почву отъ сосѣдей, такъ какъ эти мнѣческія существа встрѣчаются только у славянъ самыхъ западныхъ и наиболѣе подвергнувшихся иноплеченнымъ вліяніямъ, какъ-то: у лужицкихъ сербовъ, чеховъ и словинцевъ (стр. 233).

Ознакомившись съ содержаніемъ настоящаго перваго тома можемъ сказать, что сказки, помѣщенные въ немъ гораздо болѣе сходны съ соответствующими нѣмецкими, нежели съ сказками иныхъ славянскихъ народовъ. Нѣкоторыя изъ славянскихъ мнѣческихъ божествъ даже утратили свое мѣстное имя, какъ напр. домовой (kobold), о чемъ уже было выше упомянуто. Пожелаемъ автору дойти до конца въ задуманномъ имъ предпріятіи, которое будетъ весьма полезно для всякаго, занимающагося фольклоромъ.

Вл. Перетцъ.

Лопаревъ Х. М. Слово о святомъ „патріархѣ Θεостирикѣ“. Къ вопросу о 29-мъ февраля въ древней литературѣ (Памятники древней письменности, XCIV). Спб. 1893 г.

Уже изстари русскіе люди обращали свое вниманіе на то, что нѣкоторые святые (Касіанъ Римлянинъ, Θεостирикъ Пелекитскій и Іоаннъ-Варсонофій), день памяти которыхъ приходится на 29-е февраля, чествуются только черезъ три года на четвертый. Объясненіе этому обыкновенно подыскивается въ обстоятельствахъ жизни самихъ святыхъ. Такія объясненія находимъ мы въ рассказѣ о Касіанѣ, не пожелавшемъ помочь мужику стащить возъ дровъ и въ рассказѣ г-мъ Лопаревымъ словѣ о патріархѣ Θεостирикѣ, который не хотѣлъ и трехъ шаговъ сдѣлать на помощь утопающимъ.

Тексту слова издатель предпослалъ предисловіе, на которомъ мы нѣсколько и остановимся. Трудно согласиться съ г-мъ Лопаревымъ, что слово о Θεостирикѣ и по своему внѣшнему содержанию и по нѣкоторымъ внутреннимъ признакамъ весьма близко соприкасается съ извѣстной повѣстью объ Акирѣ мудрошъ. Правда, въ слово о Θεостирикѣ вставлено «чудо св. Николы и Синагрипы цари», но и оно, вопреки мнѣнію г-на Лопарева, вовсе не повліяло на содержаніе слова. Еще труднѣе согласиться съ издателемъ слова, что чудо «о Агрикѣ и о сыну его Василѣ» находится въ связи съ повѣстью о Синагрипѣ (или вѣрнѣе съ чудомъ св. Николы и Синагрипа царя») и представляетъ продолженіе ея. Переходъ «Синагрипа» въ «Агрика» совершенно невѣроятенъ.

Г-нъ Лопаревъ не избѣжалъ и противорѣчій въ своемъ предисловіи. Такъ, легенду о Касіанѣ онъ то считаетъ не самобытнымъ созданиемъ русскаго творчества, то находитъ, что она носитъ всѣ особенности чисто русскаго творчества. Затѣмъ Оеостирикъ сперва представляется издателю мудрымъ и философомъ, подобно Акиру; нѣсколько страницъ спусти, мудрость его кажется г-ну Лопареву довольно суетной. Въ заключеніе укажемъ, что эпизодъ о жабахъ находимъ въ апокрифическомъ «Сказаніи о Псалтири, како написася Давидомъ царемъ». (Порфирьевъ. Апокрифическія сказанія о вѣтхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 242).
Н. Т.

Н. О. Сумцовъ. Легенда о грѣшной матери. Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ, 1893 г.

Легенда о грѣшной матери, вообще весьма распространенная по всей Европѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ особенно излюблена, и въ томъ числѣ въ Болгаріи и Малороссіи. Проф. Сумцовъ разсмотрѣлъ въ своей статьѣ малорусскіе, великорусскіе, бѣлорусскіе, болгарскіе, сербскіе, польскіи, моравскіи, литовскіи, черемисскіи, итальянскіи и корсиканскіи варианты этой легенды. Далѣе имъ указаны своеобразные варианты въ одной нѣмецкой рукописи XV в. и въ Великомъ Зерцалѣ. Вопросъ о происхожденіи легенды о грѣшной матери еще далеко не разрѣшенъ, но во всякомъ случаѣ она восходитъ къ значительной древности, такъ какъ сродныя черты находятся во французскомъ романѣ XII вѣка. *Unon de Bordeaux* и въ еще болѣе старомъ памятникѣ, въ «Путешествіи святаго Брандана. Можно предполагать, что въ XI в. легенда эта уже была извѣстна въ разныхъ вариантахъ. Въ заключеніе авторъ указываетъ слѣдующіе мотивы, изъ которыхъ сложилась легенда о грѣшной матери: 1) Дѣйствіе происходитъ въ загробномъ мірѣ; дѣйствующія лица—грѣшная мать и ея добродѣтельный сынъ. 2) Сыномъ въ большинствѣ вариантовъ оказывается св. Петръ. 3) Постоянно упоминается только одинъ грѣхъ—скупость, на которомъ и построено содержаніе легенды. Перечисленіе остальныхъ грѣховъ—не существенная часть легенды. 4) Попытка сына вывести мать изъ ада не удастся. 5) Средство спасенія—какой-нибудь самый незначительный предметъ, поданный матерью нищему, напр. головка лука, листикъ порея. *Н. Т.*

Н. О. Сумцовъ. Былины о Добрынѣ и Маринѣ и родственныя имъ сказки о женѣ-волшебницѣ. (Изъ XIII—XIV вв. «Этнографическаго Обзорнія») М. 1892.

Признавая сказочную демонологическую основу былинъ о Добрынѣ и Маринѣ только не средневѣковую, какъ предположилъ Халанскій, а греческую, проф. Сумцовъ отыскиваетъ эту основу. По мнѣнію автора былины о Добрынѣ и Маринѣ представляютъ сѣверно-русскую передѣлку сказки о женѣ волшебницѣ. Кромѣ русскихъ вариантовъ этой сказки проф. Сумцовъ приводитъ еще цѣлый рядъ инородныхъ вариантовъ (польскій хорутанскій, кабардинскій, осетинскій, чеченскій, вотякскій, монгольскій) Мотивъ о женѣ-волшебницѣ мы находимъ еще въ глубокой древности, въ греческихъ сказкахъ о волшебницѣ Цирцѣѣ. Далѣе онъ встрѣчается у Гомера, Овидія, Лукіана Апулея и наконецъ достигаетъ разными путями до славянъ, вотяковъ и монголовъ.—Основнымъ эпизодомъ былинъ о Добрынѣ и Маринѣ надо считать превращеніе Добрыни въ тура, иногда въ собаку или сороку; всѣ остальные подробности не существенно.

Туръ можетъ до нѣкоторой степени служить указаніемъ времени, когда сказка о женѣ-волшебницѣ превратилась въ былину. Проф. Сумцовъ полагаетъ, что это произошло «въ очень давнее время, когда туръ былъ на Руси еще обыкновеннымъ животнымъ, въ эпоху расцвѣта былеваго творчества». Авторъ допускаетъ и другія объясненія сходства древнихъ и новыхъ сказаній о женѣ-волшебницѣ: сказанія эти могли быть вынесены изъ прародины отдѣльными отраслями индо-европейскаго племени :

затѣмъ были разработаны самостоятельно; яля же надо допустить значительное влияние древнихъ кавказскихъ сказаній на греческую словесность на югѣ и славянскую на сѣверѣ.

Н. Т.

Е. О. Карскій. Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія. Библиографическій очеркъ. Вильна 1893.

Брошюра эта можетъ служить дополненіемъ къ вышедшему недавно изслѣдованію проф. Карскаго «Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи». Въ началѣ послѣдъ указанія типичныхъ чертъ, свойственныхъ всему русскому языку, находимъ перечисленіе особенностей западно-русскаго нарѣчія. Далѣе авторъ говоритъ о судьбахъ этого нарѣчія, бывшаго въ Литовскомъ государствѣ съ одной стороны языкомъ государственнымъ (до 1696 г.), а съ другой стороны разговорной рѣчью высшаго общества. Съ появленіемъ въ рядахъ высшаго общества польской шляхты западно-русское нарѣчье начало наполняться элементами польской рѣчи, а затѣмъ и вовсе вытѣсняется польскимъ языкомъ, что вызывало скорбь патриотовъ. Но оно продолжало жить въ среднемъ и низшемъ классахъ, которые вносили въ него элементы народной рѣчи. Сохраненію западно-русскаго нарѣчія способствовало еще то обстоятельство, что вслѣдствіе зарожденія въ Литвѣ разныхъ религіозныхъ сектъ появлялись на народномъ языкѣ переводы книгъ священнаго писанія и богослужебныхъ, а также разные догматическія сочиненія. Позже западно-русскій литературный языкъ дѣлается слишкомъ искусственнымъ и не имѣетъ въ себѣ силъ противостоять благозвучному московскому языку.

Затѣмъ авторъ даетъ намъ библиографическій обзоръ главнѣйшихъ источниковъ для знакомства со старымъ западно-русскимъ нарѣчьемъ. Здѣсь передъ нами списокъ главныхъ изданій актовъ и грамотъ; далѣе перечисляются рукописи и старопечатныя книги до конца XVII в. (позъ болѣе позднихъ упоминаются только важнѣйшія по языку); наконецъ указываются изслѣдованія о бѣлорусскомъ нарѣчьи и сборники, заключающіе въ себѣ произведенія бѣлорусскаго народнаго творчества.

Н. Т.

Н. О. Сумцовъ. Современная малорусская этнографія. Часть 1-я (Съ портретомъ А. А. Потебни). Кіевъ 1893.

Книга проф. Сумцова представляетъ отдѣльный оттискъ статей, помѣщенныхъ въ «Кіевской Старинѣ». Статьи эти вызваны были появленіемъ III тома «Исторіи русской этнографіи» А. Н. Пыпина, гдѣ новѣйшая малорусская этнографія разработана слабо съ пропусками, пополнить которые и желаетъ проф. Сумцовъ. Предѣлы своего обзора авторъ ограничиваетъ временемъ около 12 лѣтъ, начиная съ 1880 г. Въ вышедшемъ выпускѣ находимъ болѣе или менѣе подробныя очерки дѣятельности А. А. Потебни, какъ этнографъ мѣстнаго харьковскаго изслѣдователя П. В. Иванова, И. И. Манжуры, Я. П. Новицкаго, Д. И. Эварницкаго, М. А. Андріевскаго, галицкаго этнографа Франца Ржегоржа. Статья о каждомъ изъ нихъ какъ лючаетъ въ себѣ краткія біографическія свѣдѣнія, обзоръ трудовъ, причемъ указываются однородные труды другихъ авторовъ, и наконецъ краткую общую оцѣнку. Книга проф. Сумцова является несомнѣнно полезнымъ по собіемъ для лицъ, интересующихся и занимающихся этнографіей, но нельзя не упрекнуть автора за ту небрежность, которой отличается изложеніе.

Н. Т.

Les Cris de Londres au XVII siècle, illustrés de 62 gravures. Préface, notes et bibliographie des principaux ouvrages sur les cris de Paris par A. Cer-teux. Paris. 1893. Chamuel, éditeur, 29, rue de Trévisse. 183 стр.

Выше озаглавленная книга неизвѣстнаго англійскаго автора, изданная на англійскомъ и французскомъ языкахъ извѣстнымъ французскимъ фолклористомъ А. Серте, была принята заграничными традиционистами съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что

она является как-бы дополненіемъ къ изданнымъ въ 1887 году Викторомъ Фурнелемъ «*Les Cris de Paris*». Каждый кликъ сопровождается анонимнымъ авторомъ эпиграммой и гравюрою. Первый кликъ относится къ точильщику ножей, бритвъ и ножницъ, типу весьма извѣстному и у насъ въ Петербургѣ.

Diddle, diddle, diddle Dumpling, O! hot, hot—вотъ для хорошихъ ребятъ! Кажется, награда одинаковая во всѣхъ странахъ для молодежи. Шустраго еврея, конечно, не обойти—тамъ, какъ у насъ, онъ цѣнить торговлю старымъ платьемъ и разнымъ тряпьемъ: *Old Clothes to sell? Any shoes, hats or old clothes?* И въ Парижѣ, говоритъ г. Серте, евреи очень цѣнятъ это занятіе: *marchand d'habits, galons, vieux chapeaux à vendre? Voilà l'marchand d'habits!... chand d'habits!* Анонимный англійскій авторъ этого «торговца платьями» называетъ «*a dirty son of Israel's race*», который беретъ наживы «*at least for cent per cent*».

Есть и люди, занимающіеся специально починкой раздувальныхъ мѣховъ; они слишкомъ любятъ пиво; въ эпиграммѣ ему предсказывается чахотка, уничтожающая легкіе, эти настоящіе «*life's bellows*».

Относительно продавца древеснаго угля говорится весьма справедливо, что деньги проходятъ одинаково черезъ чистыя и черезъ грязныя руки.

Продавецъ устрицъ отвѣчаетъ за ихъ доброкачественность въ тѣ мѣсяцы, которые имѣютъ букву «*R*»; въ другіе-же мѣсяца онъ «*suppose they are naughty*». По сообщенію г. А. Серте во Франціи также думаютъ, что отъ мая до августа устрицы не хороши.

Этимъ ограничимся. Замѣтимъ только, что въ общемъ эпиграммы къ «*Les Cris de Londres*» намъ говорятъ, что лондонскій уличный продавецъ любитъ презрительно выпить—это почти самая главная ихъ черта.

Парижскіе клики, говоритъ г. Серте, вслѣдствіе стѣснительныхъ полицейскихъ правилъ для *marchands des quatre saisons*, начинаютъ исчезать, о чемъ жалѣютъ всѣ желающіе сохранить Парижу его прежнюю веселую и разнообразную физиономію.

Весьма интересно также, что говоритъ г. Серте о впечатлѣніи парижскихъ «*Cris*» на нѣкоторыхъ извѣстныхъ композиторовъ. Оказывается, что Галеви воспользовался для четырехъ первыхъ тактовъ своей большой аріи «*Quand paraîtra la belle aurore*» извѣстнымъ всему Парижу кликомъ продавцовъ спаржи: «*Bell' bott d'asperges*». Клики *de la Halle* (парижской сѣнной) внушилъ Обэру большой хоръ «*La tuéste*» и Мейерберъ, но имѣнію Виктора Фурнеля, безъ сомнѣнія не одинъ разъ прислушивался къ разнообразному шуму оглушительныхъ криковъ парижскихъ уличныхъ продавцовъ.

Въ Парижѣ вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ изслѣдуется и записывается городской фольклоръ извѣстными французскими традиціонистами Полемъ Себилью, А. Серте и Ж. Тьерсо. Записываютъ они по кварталамъ не только клики, но вообще всѣ ими замѣченныя подробности, что должно дать живую картину парижской уличной жизни.

Г. А. Виссендорфа.

И. Созоновичъ. Ленора Бюргера и родственные ей сюжеты въ народной поэзіи европейской и русской. Варшава, 1893 г.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ блестящій очеркъ Психари «*La ballade de Lénoye en Grèce*» (въ *Rev. de l'hist des Religions* 1884), вызванный статьею Вольера—«*Der Lenorenstoff in der slavischen Volkspoesie*» (въ Архивѣ Ягича, 1882) привлекъ общее вниманіе интересующихся народною словесностью къ загадочной исторіи фантастическаго сюжета, который Бюргеръ увѣковѣчилъ въ своей балладѣ, дважды вдохновившей Жуковскаго («*Людмила*» въ 1808 г., «*Ленора*», въ 1829 г.). На статью Психари откликнулись — г. Политисъ и у насъ—пр. А. Н. Веселовскій и Де-стунисъ (см. *Журн. Мин. Нар. Пр.* за 1885 и 1886 гг.). За симъ появилось еще нѣ-

сколько небольших статей о томъ же предметѣ, въ числѣ ихъ и брошюра г. Саоновича («Пѣсни и сказки о женихѣ-мертвецѣ», 1890 г.), который въ настоящее время издалъ цѣлую книгу подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ. Принимаясь за свободное изложене исторіи различныхъ обработокъ даннаго сюжета у разныхъ народовъ, авторъ предпослалъ своему труду весьма обстоятельный очеркъ «литературы о Ленорѣ и сходныхъ съ нею сюжетахъ» (стр. 9—17), затѣмъ подтвердилъ рядомъ примѣровъ древность и общность вѣрованій въ возможность возвращенія мертвыхъ, отмѣчая, что эта «вѣра, еще до сихъ поръ распространенная въ народѣ почти повсемѣстно въ Европѣ и выражающаяся въ разныхъ обычаяхъ, смыслъ которыхъ иной разъ непонятенъ уже и самому народу» (стр. 18). Между прочимъ авторъ предполагаетъ отголосокъ такихъ вѣрованій и въ великорусскихъ причитаніяхъ. «Возвращеніе на землю мертвеца, говоритъ онъ (стр. 62), служитъ темою не только сказки или пѣсни, но также и причитанія, вытекающагося непосредственно изъ сердца, пораженнаго тяжкою утратой. Въ нихъ отражается сердечное отношеніе къ умершимъ, сказывается искреннее желаніе видѣть возвратъ ихъ и до извѣстной степени проскальзываетъ надежда на возможность этого». Возможность возвращенія умершихъ дѣйствительно указана въ причитаніяхъ, цитруемыхъ г. С—вичемъ, по сборнику Барсова I. 103), вопреки заявленію:

Видно, вѣкъ тое въ свѣтѣ не сбывауся
Што мертвыи съ могилы возвращауся,

но подсказана она вѣрою въ оборотней, что нужно было отмѣтить. (Хоть къ крылечку приди *добрыйма молодцемъ*, хоть незнамой *калекой перехожей*, хоть *хунцомъ* приди московскимъ, *не убоюсь*—выду»: въ другомъ вар.: «хотя съ чиста поля явись *яснымъ соколомъ*, со темныхъ лѣсовъ явись *сизымъ голубемъ*, хоть съ глубокихъ озеръ *спрой утушкой*). Вѣра въ оборотничество, какъ отголосокъ древне-языческихъ воззрѣній, должна была подвергаться осужденію, вслѣдствіе чего, быть можетъ, въ причитаніе вставлены были вышеприведенные вирши, которыя мы во всякомъ случаѣ склонны признать позднѣйшей интерполяціей, подъ вліяніемъ ученія церкви, а не выраженіемъ «разочарованія, навѣяннаго безутѣшною тоской», не выраженіемъ «позднѣйшаго скептицизма» (64). Едвали не слишкомъ категорично заявленіе автора, что вѣра въ общеніе между мертвыми и живыми лежитъ въ основѣ самахъ причитаній, рассчитанныхъ на то, что мертвый и въ могилѣ услышитъ призывъ оставшихся родныхъ и отзовется на него, могла вызвать эту вѣру.

Во всякомъ случаѣ слѣдующая глава книги г. С—вича, въ которой разсматриваются повѣрія о томъ, что «слезы и неутѣшная скорбь тревожатъ покой мертвыхъ» (67—85) указываетъ на рядъ воззрѣній, которыя должны были бы парализовать развитіе причитаній, являясь ихъ осужденіемъ. Эта двойственность—характерный признакъ двухъ различныхъ міросозерцаній, а слѣдовательно и двухъ разныхъ лит. теченій, на который авторъ не обратилъ достаточнаго вниманія. «Плачи и причитанія, говоритъ онъ, несомнѣнно восходятъ къ глубокой древности, но потребность плача, вытекающая изъ чувства любви и нравственной привязанности (слѣдовательно—не только въ силу вѣры, что мертвые и въ могилѣ услышатъ призывъ, какъ авторомъ было в. предположено) встрѣчается съ народнымъ вѣрованіемъ, идущимъ также изъ незапамятныхъ временъ, по которому мертвыхъ не слѣдуетъ оплакивать. Такое воззрѣніе существовало у славянъ, воспоминаніе о немъ сохранилось еще и до-нынѣ у малороссовъ и т. д. (72). Для доказательства «незапамятности времени» этого воззрѣнія, противорѣчащаго первому, приведены ссылки на древне-персидскія, древне-греческія, древне-индіискія религіозныя представленія и нѣкоторыя указанія классическихъ авторовъ на повѣрія о безсмертіи души у варварскихъ народовъ. Древность даннаго представленія не подлежитъ сомнѣнію, но распространеніе его въ средѣ ново-европейскихъ народностей представляется, быть можетъ, явленіемъ позднѣйшимъ, результатомъ литературнаго общенія востока и запада. Ссылки автора на «Мифологію» Я. Гримма и на извѣстный трудъ А. Котляревскаго—«Погребальныя обычаи у славянъ» не доказательны,

ибо за последнее время по данному вопросу собрано не мало новых фактов, которые, правда, не решают вопроса, но представляют его в ином освещении.

После этих двух вводных глав, в которых собраны сведения об условиях, содействующих распространению сюжета «Леноры» в народном предании, из которого и Бюргер его заимствовал, автор обращается к рассмотрению: 1) песни и сказки о женихе-мертвце и 2) песни о брате-мертвце.

Вопреки мнению предшествовавших исследователей, автор отрицает всякую связь между первой и второй группами сказаний, которые, по заявлению г. Сазоновича, «не связаны между собою ни внешними, ни внутренними узлами генетической зависимости» (стр. VI предисл. и дал).

Первую группу сказаний (о женихе-мертвце) автор возводит к «ея классическому первоисточнику, к рассказу о Протеялла и Лоодоми, который путем сложной литературной переработки проник в средневековую западно-европейскую литературу, спустился из нея затем в народную среду, где, опростившись и до известной степени одичав, сохранился до наших дней в устной передаче».

Вторую группу сказаний (о брате-мертвце) автор признает «самостоятельным и при том более поздним проявлением поэтического творчества, воспроизведшего в художественных формах описание какого-то гибельного бедствия, поразившего народное воображение». Единственное связующее звено между первой и второй группой произведений является, по мнению автора, лишь общность воззрения на мертвых, допускающего возможность возврата последних на землю (VI). Таковы общие выводы автора, который с фактической стороны, прибавил к материалу собранному его предшественниками, несколько версий русской сказки о женихе-мертвце, записанных со слов солдат г. Мошковым и уже раньше изданных автором в Русск. Фил. Вѣстн. 1890 и 1892 гг. (см. стр. 2 5 прим.). Выводы свои автор считает лишь «наиболее вероятными», дѣлая при этом оговорку, что доказать их с наглядной несомненностью... в данном случае невозможно по характеру самого материала, составляющего содержание народной автором поэзии». Оговорка эта, к сожаленью, вполне уместна, хотя и звучит печальным аккордом финала на последней страницѣ книги (233), в началѣ которой автор заявил, что, издавая настоящее исследование, он осуществляет намѣреніе, задуманное имъ семь лѣтъ тому назадъ (пред. стр. 1). Не разбирая по существу аргументовъ автора, ограничимся замѣчаніемъ, что первый выводъ его основывается на гипотезѣ Бугге объ отголоскахъ классическихъ преданій въ скандинавскомъ сборникѣ пѣсень, обыкновенно именуемомъ «стихотворной Эддой» (г. С—вичъ напрасно повторяетъ ошибочный переводъ слова Эдды—«прабабушка» (92) и могъ бы знать, что этотъ терминъ приданъ сборнику лишь въ XVII вѣкѣ), въ частности—о воздѣйствіи греческаго мѣта, о Протеялла и Лоодоми на пѣсни о Гельги и Сигрунѣ. Къ этой гипотезѣ г. С—вичъ присоединяетъ другую, что скандинавская сага послужила источникомъ предполагаемой нѣмецкой пѣсни, которая «возникла въ средѣ нѣмецкихъ миннезингеровъ; подѣ ихъ воздѣйствіемъ данное произведение отлилось въ известную литературную форму, при этомъ стихотворную, а затемъ уже, опустившись въ чисто народную среду, разложилось въ сказку и т. д. (118). Авторъ пытается «реконструировать» эту предполагаемую старонѣмецкую пѣсню, которая стоитъ съ одной стороны между скандинавскою сагою, ея отраженіями въ балладахъ: шведской, датской, англійской и въ сказкѣ цыганской, а съ другой между—позднѣйшими пересказами этой пѣсни, отъ которой остался лишь стихотворный діалогъ (123).

Славяне (и по всей-де вероятности западные) заимствовали у нѣмцевъ первоначальный рассказъ, въ осложнили его прибавленіемъ страшнаго конца.

Вообще, авторъ, какъ указано, считаетъ нѣмецкіе (и голландскіе) варианты даннаго мотива «ядромъ, отъ котораго пошли съ одной стороны западные, съ другой восточные варианты (109)». Построеніе это представляется намъ слишкомъ гипотетичнымъ и, не оспаривая возможности воздѣйствія классическаго преданія на сложеніе даннаго сюжета въ ново-европейскомъ народномъ преданіи, мы затрудняемся признать вѣрность съ авторомъ пѣсню Эдды и ея предполагаемую передѣлку нѣмецкими миннезин-

герами (?) исключительнымъ источникомъ романскихъ, кельтскихъ и славянскихъ версій и вариантовъ.

Затрудняемся признать и второй выводъ автора, ибо объясненіе, что въ Сербіи (ибо въ ней авторъ признаетъ первоначальную родину пѣсенъ о братѣ-жертвѣ) случилась когда-нибудь чума или опустошительная моровая язва, похитившая у матери всѣхъ ея сыновей..., что народное воображеніе, пораженное величіемъ бѣдствія, сгруппировало отдѣльные моменты такого несчастія въ одну общую картину... создало поэтическое произведеніе, исполненное художественной красоты и т. д. и т. д.». Такія фразы вряд ли кого убѣдятъ. Обратный переходъ сюжета отъ славянъ къ грекамъ конечно возможенъ (замѣчаніе автора о κοοχορζαγία = кухавица остроумно, стр. 221), но вѣроятная связь пѣсенъ о братѣ-жертвѣ съ преданіями о женѣ-жертвѣ нисколько не опровергнута авторомъ, который ограничивается голословнымъ отрицаніемъ ея. Во всякомъ случаѣ его—объясненіе, какъ сюжетъ могъ возникнуть самостоятельно, столь же гипотетично, какъ и мнѣніе другихъ изслѣдователей, настаивающихъ на общности темы. Г. С.—вѣдь справедливо замѣчаетъ, что вопросъ можетъ получить окончательное рѣшеніе только въ томъ случаѣ, если мы будемъ имѣть дѣло съ литературными произведеніями, закрѣпленными письмомъ. Быть-можетъ, со временемъ такіе памятники, освѣщающіе исторію даннаго сюжета, и найдутся въ средневѣковой письменности, въ которую авторъ какъ то неохотно заглядываетъ, а до тѣхъ поръ вопросъ все-таки приходится считать открытымъ.

Пр. Д

Списокъ печатныхъ трудовъ Довконта.

Матеріалы для біографіи Довконта.

Довконтъ Симеонъ Георгіевичъ коллежскій ассесоръ, магистръ философскихъ наукъ родился 28 октября 1793 года, умеръ 24 ноября 1864 г. въ Попелянахъ. Симеонъ Георгіевичъ происходилъ отъ дворянъ, родился въ Кальвахъ, прежде въ Шкудскомъ, теперь въ Ленкинскомъ приходѣ Тельшевскаго уѣзда. Первоначальное образованіе получилъ въ Кальварійскомъ шестиклассномъ уѣздномъ училищѣ, затѣмъ въ Виленскомъ университетѣ, и окончилъ курсъ наукъ со званіемъ кандидата. Въ Дерптскомъ университетѣ призналъ магистромъ философскихъ наукъ. Точныхъ свѣдѣній пока не имѣемъ, когда поступилъ въ университетъ и когда окончилъ курсъ наукъ; но извѣстно, что въ 1820 г. Довконтъ со своимъ товарищемъ Ясюкевичемъ вмѣстѣ получили денежную награду сто рублей, какъ лучшіе ученики университета, и это вѣроятно при выпускѣ (Dzienn. Wileń. 1820. II str. 477). Извѣстно, что Довконтъ путешествовалъ, былъ въ Германіи, Англіи и д.; но не извѣстно въ точности, въ которомъ году или сколько лѣтъ путешествовалъ. Въ 1825 г. поступилъ на службу переводчикомъ при канцеляріи Рижскаго Генераль-губернатора, а съ 31 декабря 1831 г. числился на государственной службѣ въ Правительствующемъ Сенатѣ въ 1-мъ Отдѣленіи 3-го Департамента помощникомъ метриканта (при Литовской метрицѣ), и эту должность исполнялъ до 1851 г. Послѣ 1851 г. не находимъ Довконта въ сенатскомъ адрескалендарѣ; слѣдовательно, оставивъ государственную службу, переселился на родину, чтобы посвятить остальные годы жизни народной литературной дѣятельности. И дѣйствительно, по совѣту епископа Волончевскаго, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Ворняхъ, но когда ихъ мнѣнія стали расходиться, то Довконтъ оставилъ Ворни, а впоследствии поселился у своего друга кс. Войшвиллы въ Попелянахъ Шавельскаго уѣзда, гдѣ и умеръ.

Не стану разсказывать подробностей о жизни С. Г. Довконта, такъ какъ Э. А. Вольтеръ далъ обстоятельную біографію его въ Mittheilung Lit. Lit. Gesellschaften III p. 260 и энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, г. Довойна Сильвестровичъ въ латышск. энциклоп. словарѣ „Konwezsaries Wahrdnize“ и Шлюпасъ въ соч. „Lietuviskieji gasztai ir gasztinikai“ Литовская письменность и писатели; но постараюсь сообщить бібліографическія свѣдѣнія о литературныхъ трудахъ Довконта, какіе намъ извѣстны до сихъ поръ.

Первымъ сочиненіемъ Довконтъ на литовскомъ языкѣ считается: *Prasma lotini kalbos parasze* K. W. Myle. Понятія латинскаго языка съ псевдонимомъ Миле. СПб. 1837 г. 8°. Въ краткомъ предисловіи къ этому учебнику говорить: всякому образованному человеку необходимо знать латинскій языкъ, особенно людямъ занимающимся какою либо наукою, также и священникамъ.

2) *Abeciela Lietuwin Kalnienu ir Žiamajtiu kalbos torinti sawiep. Małdas, tikibos istatimus, dorybes pamokslus, mistrantura, pasakas, patarles, senosės ir papioses Gudu rodbalses...* Petropil. 1842. Азбука Литовцевъ верхнихъ и нижнихъ или языка жамайтовъ, заключающая въ себѣ: Молитвы, основы вѣры, нравственныя поученія, сказки, пословицы, русскую и церковнославянскую азбуку и т. д. Эта книжка замѣчательна тѣмъ, что въ предисловіи къ азбукѣ на 6 страницахъ учить какъ произносить буквы или звуки, и тѣмъ, что помѣщена русская и церковнославянская азбука съ молитвами и правоученіями на русскомъ языкѣ. Довконтъ желалъ, чтобы литовскія дѣти учились русской азбукѣ и русскому языку.

3) *Buda senowes Lėtuwin-Kalnienu ir Žamajtiu iszrasze pagal senowes gasztu Iokubas Laukys* Petropile 1845. 8°. Выгъ древнихъ литовцевъ верхнихъ и жамайтовъ или нижнихъ литовцевъ описалъ по древнимъ сочиненіямъ Яковъ Лаукисъ, псевдонимъ Довконтъ. СПб. 1845. 8°. 9, 14, 252 и 4 стр... Это сочиненіе напечатано вторымъ изданіемъ въ Америкѣ редакціею литовской газеты „Vienybe Lietuviniku“ въ 1892 г.

4) *Dajnos Žamajtiu pagal žodiu dajniniku iszraszytos. Pirmas pedelis.* Petropileje 1844. 8°. Дайны или пѣсни Жамайтовъ со словъ пѣсенниковъ списаны. Выпускъ первый. СПб. 1846 г. 8°. Съ посвященіемъ графинѣ Шукшта урожденной гр. Гадонъ.

5) *Giwtas didinju karwediū senowės surasze lotiniszka i Kornelis Nepos' Iszgulde isz lotiniszkos i lietuwiszka kalba del jaunumenes naudos (Dawkontas), o apskelbe Ksaweras Konopackis.* Petrop. 1846. 8° 12° 12 и 250 стр. Жизнеописанія древнихъ великихъ полководцевъ написалъ по латини Корнелий Непотъ. Съ латинскаго на литовскій языкъ перевелъ Довконтъ издалъ Ксаверій Конопакцій. СПб. 1846. 12°.

6) *Pasakos Phedro iszgulde isz lotiniuszkos kalbos i žamaitiszka Motiejus Szauklis o apokelbe Ksaweras Konopackis,* Petropile. 1846 8° 60. Васни Федра перевелъ съ латинскаго на жамойтскій языкъ Матвѣй Шауклисъ, издалъ Ксаверій Конопакцій. СПб. 1846. 8° 60 стр. Шауклисъ тоже псевдонимъ Довконтъ.

7) *Parodimas kaip apinius auginti pagal naujuju pritirimu, kurius apskelbe teutoniskaj B. A. Grunards, o iszgulde i Žemajtiu kalba Jonas Ragaunis.* Petropilei 1847. 8°. Наставленіе, какъ разводить хмѣль по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, которыя опубликовалъ по нѣмецки Б. А. Грунардъ, а перевелъ на жамойтскій языкъ Иванъ Рагаунисъ. Въ концѣ брошюры напечатано нѣсколько литовскихъ пословицъ. Эта брошюра иѣтается у Э. А. Вольтера.

8) *Pamokimas ape auginima taboka, kuri iszrasze gudiszka i D. Strukow, o i Žiamaitn kalba iszgulde Jonas Girdenis.* Petropil. 1847. 8°. Поученіе о разведеніи табаку, которое сочинилъ Д. Струковъ, а на жамойтскій языкъ перевелъ Иванъ Гирденисъ, псевд. Довконтъ, иѣтается у Э. А. Вольтера.

9) *Naudinga bitiu kngele, tey yra ajszkus pamokimas, kaip par iszmintinga bittiu kawojima gal daug naudos nusipelnyti wissims bitteles mylintims ant gero paraszyta par G. D. Setegast.* Petropilei 1848. 12° у Э. А. Вольтера. Полезная книжка о пчелахъ, т. е. ясное поученіе какъ посредствомъ разумнаго пчеловодства возможно много иѣть пользы, для всѣхъ любящихъ пчель составилъ Г. Д. Зетегастъ. СПб. 1848. 8° 108 стр. Кажется, что эта книжка не есть переводъ Довконтъ на литовскій языкъ; но онъ вѣроятно исправилъ старый переводъ, не извѣстно кѣмъ изданный въ Кенигсбергѣ въ 1801 году для Прусскихъ литовцевъ, и переиздалъ въ Петербургѣ въ 1848 г. Потому и числится въ спискѣ его изданій.

10) *Pamokslas ape sodnus arba dajginus wajingu mediu iszraszyta nu Ioan Herman Zigra iszgulde isz teutonu kalbos i Zamajtiu Antons Zejmys, Apskelbe Ksaweras Konopackis.* Petropilie. 1849. 8°. Поученіе о садахъ или о питомникахъ пло-

довыхъ деревьевъ соч. Јоган. Герм. Цигра, перевелъ съ нѣмецкаго на жамойтскій языкъ Антонъ Жеймишъ, изд. Ксаверій Конопатскій.

11) Pamokima kaip rinkti medines siektas pargulde isz Gudu kalbos i Žemaitiu kalba Jonas Purvys Petropilie. 1849. 8°. Поученіе какъ собирать лѣсныя сѣмена, перевелъ съ русскаго на жамойтскій языкъ Иванъ Пурвисъ, псевдонимъ Довконтъ.

12) Ugnies knigele arba trumpa pamokima kas žmonems wertajtai daryti pulos pirm ugnies Iszrasze I. Wangys ir apskelbe m. 1802 o dabar antra atweji apskelbe Antanas Wajnejkis. Petropilie. 1849. 8° 78 стр. Книжка огня или краткое наставленіе, какъ слѣдуетъ поступать, пока нѣтъ пожара или чтобы не случился пожаръ. Соч. И. Вангисъ и изд. въ 1802 г. а теперь второй разъ изд. Антонъ Вайнейкисъ. СПБ. 1894. 8°. Въ предисловіи этой книжки говоритъ Довконтъ такъ: „нашелъ полезную книжку изданную Прусскимъ Правительствомъ для народа въ 1802 (въ Кенигсбергѣ), которую исправивъ по выговору или нарѣчію моей родины издаю вторымъ изданіемъ и желаю, чтобы воспользовались этими наставленіями“... Слѣдовательно Довконтъ здѣсь какъ переводчикъ и исправитель уже изданной книжки въ Пруссіи въ 1802 г.

13) Sejamoses paszaro-žoles apraszia ant naudos žiamajtin ukinuku Jonas Wagnas. Wilniny. 1854. Посѣвныя кормовыя травы описалъ для пользы жамойтскихъ хозяевъ Иванъ Варнасъ, Вильно 1854. 12° 23. Объ этой брошюрѣ Довконтъ въ своемъ спискѣ изданій записалъ своею рукою въ 1857 г. 1 апрѣля такую замѣтку: «O sianiu lak, tylko Zawadzki poszpecił, bo bez rysunkow; więc nic nic znaczu» т. е. Завадскій испортилъ, ибо безъ рисунковъ, слѣдовательно ничего не стоитъ. Дѣйствительно въ оглавленіи экземпляра нѣмощагося въ Имп. Публ. Биб., показаны таблицы рисунковъ, но ихъ нѣтъ при книжкѣ.

14) Epitome historiae sacrae a C. F. Lhomond in Universitate Parisiensi professore Emerito. 1838. 8° 62 и 7 стр. Два текста: латинскій и литовскій. Несомнѣнно что перевелъ на литовскій языкъ Довконтъ, такъ какъ въ спискѣ его изданій числится. Јорданъ въ библиографической замѣткѣ (N. Preuss. Prov. Blätt 1849 VIII p. 74) сообщаетъ 11 названій литовскихъ книгъ, изъ нихъ 10 Довконтъ изданій и одно соч. Волончесскаго «Wiskurpiste» и говоритъ объ этой книжкѣ, что эта брошюра безъ заглавнаго листа, цензурный пропускъ данъ въ 1838 г., два текста латинскій и литовскій, со словарикомъ на 7 страницахъ. Въ Имп. Публичн. Библиотекѣ нѣбется въ богословскомъ отдѣлѣ. Lhomond это извѣстный профессоръ латинскаго языка въ Парижѣ прошлаго столѣтія.

15) Lietuvos istorija nu seniausiu gadynin iki Lublino unijai. Paraszyta Simano Daukanta buvusiojo Vilniaus universiteto philosophios magistra. Plimuth Pa 1893. 8°. Исторія Литвы съ древнѣйшихъ временъ до Люблинской униі. Издано въ Плимутѣ 8° 1893 г. редакціею литовской газеты „Vienybe Liduvniku“. Часть I—IV остальныя части печатаются.

16) Pasakojimai apie veikalus Lietuviu tautos senoveje, paraszyti per Simona Daukanta Philosophios magistra, 1850. metuose. 1. iszlaida. Iszleista per I. K. Kauniszki, Vitennai. 1893. 8°. Повѣствованія о дѣяніяхъ литовскаго народа въ древности написанныя С. Довконтонъ въ 1850 г. I выпускъ изд. И. К. Каунишскимъ. Витенахъ 1893, 8° 96 стр. рукопись состоитъ изъ 3-хъ т. въ листъ.

Всѣ эти сочиненія Довконтъ напечатаны латинскимъ шрифтомъ. Какъ извѣстно, Довконтъ возвратился на родину съ тѣмъ, чтобы успѣшнѣе было сочинять и издавать народныя книги, однако, какъ видно изъ приведеннаго списка его сочиненій и изданій что въ СПбургѣ съ 1837—1851 г. издалъ 13 книгъ, а живя на родинѣ съ 1851 г. по 1864 г. издалъ въ Вильнѣ одну маленькую книжку 12° 23 стр. не смотря на то, что, нѣкоторыя рукописи были приготовлены въ то время, когда онъ жилъ въ СПбургѣ.

Кромѣ печатанныхъ сочиненій С. Г. Довконтъ много осталось въ рукописяхъ.

1) Pasakojimas arei weikalus Lietuviu tautos kuri trumpai apraszia Ionas Einars Metuse 1850. 288 листовъ или 576 стр. f. Повѣствованіе о дѣлахъ литовскаго народа въ древности, которое кратко описалъ Иванъ Ейнарсъ въ 1850 г. Надо полагать, что это другая рукопись или другой списокъ съ той рукописи, которая печатается Янкусомъ въ Витенахъ. См. № 16 печат. кн.

2) Palangos Petris. Палангенскій Петръ, повѣсть, подражаніе Кампе. Дозволено цензурою въ 1857 г. Довконтъ въ своемъ спискѣ соч. и изданій говоритъ: «z senzigu wyszo, tego roku bedzie wydrukowany». Дозволенъ цензурою, въ этомъ году будетъ напечатанъ. Однако и теперь приходится какъ объ рукописи сообщать.

3) Rubinatio Peluzes giwenimos, iszgulditas isz Teutonu kalbos i žamaitiu pagal 12-to iszdawino Johs Henr. Campe. Жизнь Пелузіанскаго Робинзона. переводъ съ нѣмецкаго на жамойтскій языкъ по 12-му изданію Iог. Генр. Кампе. Эта рукопись не значится въ спискѣ соч. Довконта.

4) Pamokslas kaip gires kirsti, sieti ir dykti diel alwina ukiniko parasze Antanas Dagys 1854. Наставленіе какъ лѣса рубить, садить и сѣять для всякаго хозяина составилъ Антонъ Дагисъ. 43 листа f.

5) Instrukcia del gyvinkistes. Инструкція для лѣсоводства. 104 листа f.

6) Gaspadoriuz. Хозяинъ, переводъ съ польскаго, составленъ для небольшихъ хозяйствъ. Часть I Земледѣліе.—II Коневодство, скотоводство и скотолѣченіе.—III Садоводство, хлѣбоводство и пчеловодство.

7) Elementorius. Литовская азбука. Довконтъ въ своемъ спискѣ соч. 1857 г. говоритъ, что скоро поступитъ въ цензуру на разсмотрѣніе.

8) Польско-литовскій словарь, состоящій изъ 3-хъ томовъ A по Z 1020 листовъ f. около 72,632 словъ.

9) Lietuwizkas žodynās pagal žemoitszkos tarmes su paaiskinimu nekuriu žodiu lotiniszkaі. Литовскій словарь жамойтскаго нарѣчія съ поясненіями нѣкоторыхъ словъ по латинск. неполный отъ A до слова gwildus. f.

10) Paveikslai ant gromatu ir dokumentu raszymo. Aritmetika lietuwiszkaі. Образцы писемъ и дѣловыхъ бумагъ. Ариметика на литовск. языкѣ, полная рукопись. 44 листа f.

11) Lietuwiszki priežodžei. Литовскія пословицы. Довойна-Сильвестровичъ въ своей рукописи говоритъ, что къ этимъ пословицамъ приложена была книжка рукою Довконта писаная, изъ пословицъ составлена, но онъ, Довойна не видалъ такой книжки въ Кивиляхъ.

12) Dainos. Литовскія пѣсни 28 и 248 листовъ 4°.

13) Marguminai: lingwistika, mitologie istorie ir t. t. Разныя выписки по лингвистикѣ, мѣологіи, исторіи и т. д. на литовскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ. 130 листовъ f.

14) Kaimines saugtes arba palicijos istatimas, del skarbo walstionu sauliedinese guberniose arba srietiesi. Уставъ безопасности или полиціи для казенныхъ крестьянъ западныхъ губерній f.

15) Кое что изъ литовской мѣологіи, Довконта рукою писаная рукопись на польскомъ языкѣ. Заглавіе не точное. Довойна-Сильвестровичъ говоритъ, что эта рукопись находится у врача Шлюпаса.

16) Historya Iustino. Исторія Іустина, переводъ съ латинскаго. 202 лист. f. Въ спискѣ соч. и изданій Довконта записана его же рукою слѣдующая замѣтка: „to już zdaie si zostanie, bo starzeje“. Это кажется останется, ибо старѣетъ.

17) Pasakos Phedro iszgulde isz lotiniszkos kalbos i žamaitiszka Motejus Szauklis. Басни Федра переводъ съ латинскаго на жамойтскій языкъ. Рукопись неполная 26 листовъ f. Басни Федра напечатаны.

18) Buda senowes Lietuwiu ir Zemaicziu. Быть древнихъ Литовцевъ и Жамойтовъ 130 лист. f. Тоже напечат.

19) Maldos kataliku pagal Bažniezios s Rimo suraszytos Metuse 1842 Католическія молитвы по Римскому Обряду. 1842 f. Дозволено цензурою 11 Іюля 1847 г. въ Вильнѣ.

Ни чуть не имѣю желанія уменьшить труды и славу нашего маститаго литератора, однако осмѣливаюсь думать, не будутъ ли эти молитвы брата С. Г. Довконта, тоже Довконта монаха доминиканскаго сословія, тогда жившаго въ Камварійскомъ монастырѣ. И вообще, не смѣю утверждать, что всѣ перечисленныя рукописи дѣйствительно принадлежатъ перу С. Г. Довконта. Для составленія моея записки о рукописяхъ Довконта, пользовался спи-

скомъ рукописей и другихъ матеріаловъ Довконта, составленнымъ М. Довоино-Сильвестровичемъ въ 1892 г. 24 октября въ Кивляхъ. И этотъ списокъ пожертвованъ Литовско-Жамойтскому благотворительному Обществу въ СПбургѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что компетентная критика не оставитъ безъ вниманія, какъ печатные, такъ и рукописные труды Симеона Георгиевича Довконта: тогда и личность его выдѣлится болѣе яркими красками изъ среды современниковъ ¹⁾.

С. Балтрукайтисъ.

П. Н. Буцинскій, Мангазея и Мангазейскій уѣздъ 1601—1645 гг. (Оттискъ изъ «Записокъ Императорскаго Харьковскаго Университета». Вып. I, 1893 г.).

Теперь даже имя Мангазеи мы не найдемъ на картахъ, и эта заглохшая часть обширной Сибири ничѣмъ не привлекаетъ къ себѣ вниманія. Но было время, когда здѣсь кипѣла жизнь, когда Мангазея представляла изъ себя золотое дно, гдѣ счастливый охотникъ за пушными звѣрями могъ быстро обогатиться. Въ 1623 г. нѣкто Иванъ Афанасьевъ «угонялъ» здѣсь двухъ черныхъ лисицъ: одну въ 30 рублей, а другую въ 80 рублей. По расчету проф. Буцинскаго изъ этихъ денегъ Афанасьевъ могъ завести себѣ полное хозяйство (двадцать десятинъ земли, хорошую избу, пять лошадей, десять штукъ рогатаго скота, два десятка овецъ, нѣсколько десятковъ штукъ разной птицы), могъ купить, если имѣлъ на то право, въ Сибирѣ человекъ десять рабовъ, и сверхъ того у него оставалось еще въ запасъ рублей тридцать. Название свое эта мѣстность получила отъ одного самоѣдскаго рода, который встрѣчается въ ясачныхъ книгахъ подъ именемъ *Мангазея*. О Мангазеѣ узнали сперва самоѣды, жившіе около устьевъ рѣкъ Печоры и Мезени, а за ними Новгородцы. Въ известномъ сказаніи («О человекѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ», которое проф. Анучинъ считаетъ новгородскимъ, и древнѣйшій списокъ котораго относится къ XV в., находимъ указаніе, что «на восточной странѣ за Югорскою землею падеъ корешъ живутъ люди самоѣды, зовомы Могонзѣи». Для точнаго опредѣленія, съ какого времени новгородцы стали проникать въ Мангазею, у насъ нѣтъ данныхъ, но при помощи разныхъ соображеній, основанныхъ главнымъ образомъ на известной предприимчивости новгородцевъ, проф. Буцинскій думаетъ, что русскіе люди очень рано узнали Мангазею и стали основывать тамъ городки. Что же касается московскаго правительства, то оно только въ концѣ XVI в. обратило вниманіе на Мангазею: въ 1598 г. царь Федоръ Ивановичъ послалъ Федора Дьякова для провѣдыванія этой страны. Вскорѣ же, въ 1600 г. была снаряжена экспедиція въ Мангазею для подчиненія туземцевъ и для основанія тамъ на рѣкѣ Тазѣ острога. Рядъ неудачъ преслѣдовалъ эту экспедицію: часть изъ судовъ была разбита бурей; провіантъ подмокъ или затонулъ; наконецъ на экспедицію было сдѣлано нападеніе туземцами, за спиной которыхъ стояли русскіе промышленные люди, боявшіеся, чтобы не наступилъ конецъ ихъ вольной торговлѣ въ Мангазеѣ. Наконецъ въ 1601 г. экспедиція добралась до мѣста назначенія и построила Тазовскій городокъ.

Постоянное населеніе города Мангазеи было незначительно (приблизительно до 75 человекъ). Это были духовные, подъячіе, толмачи, служилые люди и т. п. Но зато въ Мангазеѣ ежегодно проживало отъ 600 до 1000 торговыхъ и промышленныхъ людей, платившихъ за проживательство по 60 коп. какъ лѣтомъ, такъ и зимой. Значительное количество изъ нихъ (0,9) были жители нынѣшнихъ сѣверныхъ губерній. Уѣздъ Мангазейскій граничилъ съ уѣздами Березовскимъ, Сургутскимъ, Нарымскимъ, Кетскимъ, съ 1619 г. съ Енисейскимъ, а на востокъ территория его простиралась до водораздѣла бассейновъ Енисея и Лены и до устьевъ послѣдней рѣки. Въ уѣздѣ этомъ московская власть распространялась очень быстро, и все большее количество инород-

¹⁾ Въ слѣд. книжкѣ Ж. Ст. будетъ помѣщенъ списокъ рукописей, оставшихся послѣ Довконта. Ред.

цевъ облагалось ясакомъ. Точная цифра ясачнаго инородческаго населенія неизвѣстна, такъ какъ «въ Мангазейскомъ уѣздѣ люди кочевные и не сидячіе, а живутъ, переходя съ мѣста на мѣсто и съ рѣки на рѣку». Изъ древнѣйшей сохранившейся мангазейской ясачной книги 1629 года, мы узнаемъ, что 520 самоѣдовъ принесли въ казну 1333 соболя; 251 остякъ принесли 1200 соболей; тунгусы, скрывавшіе свои имена и число людей въ родѣ, принесли 1690 соболей, т. е. всего было собрано почти 4500 соболей (по московской оцѣнкѣ почти на 5000 р.). Хотя мангазейскіе инородцы платили въ среднемъ по 3 соболя съ человѣка мѣте, чѣмъ инородцы въ другихъ уѣздахъ (ведѣ бралось минимумъ по 5 соболей, а гдѣ по 10, по 12), но въ общемъ сборъ мягкой рухляди, производившійся въ Мангазейскомъ уѣздѣ, былъ самый значительный изъ всѣхъ мѣстностей Сибири. Сверхъ того въ Мангазеѣ были еще другіе разнообразныя доходы, которые можно раздѣлить на три разряда: городовые, чрезвычайные и десятинные. Доходы первого разряда, денежные, всегда превышали расходы, такъ что оставалось нѣкоторое сбереженіе, постоянно возраставшее (отъ 1625 года—369 руб., отъ 1626 г.—574 руб., отъ 1627 г. 1158 руб.). Особенно доходы увеличивались отъ налоговъ чрезвычайныхъ. Весьма доходною была продажа вина и меду, такъ что въ 1620 году московское правительство рѣшило запретить вольную торговлю виномъ и медомъ и открыло государевъ кабакъ, продавая вино по 15 руб. за ведро, а медъ за ставку 26 алтынъ и 4 деньги, причемъ въ уплату принималась и мягкая рухлядь. Торговые и промышленные люди могли покупать вино и медъ, только послѣ уплаты десятинной пошлины, инородцы послѣ уплаты ясака; служилымъ людямъ ни вина, ни меду продавать не разрѣшалось, чтобы они не пропились. Мангазея принадлежала къ числу «непашенныхъ» городовъ, и хлѣбные запасы привозились сюда изъ другихъ мѣстъ Сибири. Но суда съ хлѣбомъ часто погибали во время плаванія отъ бури, и тогда въ Мангазеѣ начинался голодъ. Поэтому московское правительство желало развить хлѣбопашество въ самомъ Мангазейскомъ уѣздѣ; въ концѣ царствованія МихаилаФедоровича основана была слобода Дыбчасская, существующая и теперь (Дубенское) Два пути вели въ Мангазею. Съ одной стороны торговые и промышленные люди ѣздили на «кочахъ» (родъ судовъ) отъ Архангельска на Карскую губу и на волокъ въ Мангазею. Но существовалъ и другой путь, морской, годный для большихъ судовъ, шедшій изъ устьевъ Двины «Колумь, на Кавинъ носъ, на Тресковую, на два острова, что у Верендеевскихъ мелей, на Мержевикъ, малыми рѣками и большимъ моремъ, на Югорскій шаръ, на Карскую губу и на Мутную и Зеленую рѣки». Изъ устьевъ же рѣки Зеленой мореплаватели входили въ Тазовскую губу и спускались въ рѣку Тазъ. Но какъ нахъ на этотъ морской путь стали обращать вниманіе нѣмцы, то московское правительство изъ боязни, чтобы нѣмцы по слѣдамъ русскихъ моремъ не проникли въ Сибирскіе города, въ 1616 г. запретили и русскимъ поль оватся этой дорогой.

До постройки Тазовскаго острога русскіе и зыряне вели вольную торговлю съ инородцами, свободно торгуя всякимъ товаромъ и не платя ни за что пошлинъ. Уже грамота 1600 г. начинала стѣснять торговыхъ людей: было приказано брать съ нихъ при проходѣ рѣки Мезени десятинную пошлину, и запрещено было возить заповѣдныя товары (оружіе, коней). Особенно ощутительны эти стѣсненія стали съ 1601 г. когда съ постройки Тазовскаго острога явилась на морскомъ пути преграда, которую обойти было трудно. Еще труднѣе стало обойти государевы таможи съ тѣхъ поръ, какъ былъ закрытъ морской путь, а на волокъ между рѣчками Мутной и Зеленой была поставлена стража изъ служилыхъ людей. Самая важная пошлина была десятинная. Особенно много получалось десятой соболиной пошлины съ промышленной и покупной всякой мягкой рухляди. Такъ въ 1626 г. взято на 14,062 руб. 30 коп., въ 1636 г. на 17,265 руб. 17 коп.; затѣмъ начинается пониженіе, и въ 1646 г. взято только на 5,113 руб. 90 коп. Въ Москвѣ эта рухлядь цѣнилась нѣсколько выше. Что касается всего товара, провозимаго черезъ мангазейскую таможню, то объ этомъ за нѣкоторые годы можно судить по количеству «поживотнаго» (чрезвычайнаго налога, полагаемаго не каждый годъ). Такъ съ 12 іюля по 1-е сентября 1635 г.

взята пошлина съ товара, оцѣненнаго въ 565,000 руб., въ 1629 г.—съ товара, оцѣненнаго въ 185,000 руб.

Къ концу царствованія Михаила Феодоровича городъ Мангазея сталъ падать. Постепенно начали исчезать («опромышляться») пушные звѣри, главное богатство страны. Открываются новыя мѣста промысловъ—верховья Нижней и Средней Тунгусокъ, и промышленные люди перебираются поближе къ нимъ, въ Туруханское зимовье. Ѣздить отсюда въ Мангазею по разнымъ торговымъ формальностямъ было и трудно и не безопасно, такъ какъ теперь промыслы находились въ странѣ Тунгусовъ, часто нападавшихъ на проѣзжающихъ. Наконецъ, паденію города Мангазея способствовали и случайныя обстоятельства: голодъ, бывшій въ 1641—1644 гг. по случаю гибели кочь съ хлѣбомъ; пожаръ 1643 г., истребившій почти весь городъ. Число промышленныхъ и торговыхъ людей, собирающихся въ это время въ Мангазею, уменьшается до 150 человекъ. Съ тѣхъ поръ, какъ начали переводиться пушные звѣри, городъ Мангазея оказался не на мѣстѣ. Онъ могъ бы еще существовать, если бы былъ свободенъ морской путь, который былъ скорѣе и безопаснѣе установленнаго правительствомъ, т. е. Обью и Обскою и Тазовскою губами. Тогда торговые и промышленные люди не могли бы миновать городъ Мангазею.

Однако московское правительство сохраняло этотъ городъ до 1672 года, когда онъ былъ перенесенъ къ устью Турухана.

Н. Туниковъ.

ОТДѢЛЪ V.

С М Ъ С Ъ.

Представленія кореляновъ о нечистой силѣ.

Вѣра въ нечистую силу или, по мѣстному названію, «Паѣа, Паѣалайнэ, кеѣно и кару» — сильно развита въ корелякѣ. По его мнѣнію, все рѣшительно на свѣтѣ заселено «Паѣа» и его служителями: они живутъ и въ озерахъ, рѣвахъ, болотахъ, лѣсахъ, домахъ, дворахъ, баняхъ, ригахъ, и кажется, нѣтъ мѣста на землѣ, гдѣ бы не было ихъ. «Когда Богъ дѣлалъ («азуй»), слова для обозначенія понятія «творить» у кореляковъ нѣтъ) землю», случилось мнѣ выслушать отъ одного кореляка такой разсказъ, то «паѣалайнэ» всячески старался мѣшать Ему въ этомъ дѣлѣ: одно испортилъ, другое сломаешь... Но Богу, наконецъ, не смотря на всѣ препятствія, удалось таки окончить, «дѣланіе» («азундэ») міра. Отдѣлалъ Онъ землю и вспомнилъ тогда всѣ продѣлки «паѣалайнэ», и задумалъ прогнать его со свѣту... Иди, куда знаешь, говорилъ ему Богъ, только не живи на моемъ небѣ и на сдѣланной мною землѣ, выходи вонъ: я никогда не могу забыть всѣхъ твоихъ козней и простить ихъ тебѣ... Возмолился тогда «паѣалайнэ», взвылъ дикимъ голосомъ, упалъ передъ Богомъ на колѣни и сталъ всякими ласковыми словами упрашивать Его, чтобы Тотъ позволилъ ему хоть гдѣ-нибудь «приткнуть голову» («пій сідайпѣ»). — «Куда же я пойду, говорилъ онъ Богу. Съ неба Ты гоняешь меня, на землю жить не пускаешь, куда же больше идти? — Иди, куда знаешь, говорилъ непреклонный Богъ... Долго «паѣалайнэ» упрашивалъ Бога, наконецъ, Тотъ не выдержалъ, смилостивился и согласился дать мѣсто, только въ самомъ ограниченномъ объемѣ; — «Даю тебѣ мѣста на землѣ столько, сколько займетъ конецъ кола». — Спасибо и на томъ, отвѣчалъ «паѣалайнэ», и выбралъ изъ зановѣдныхъ лѣсовъ самый, что ни на есть, длиннѣйшій колъ, заострилъ его съ конца и забилъ въ рыхлую, болотистую почву. Весь колъ ушелъ въ землю, только небольшой копчикъ его остался надъ поверхностью».

— А перехитрилъ же ты меня, говоритъ Богъ «паѣалайнэ»; я думалъ, что ты колъ просто поставишь на землю и отжѣраешь себѣ кусочекъ, какой займетъ конецъ его; а ты вотъ какъ это сдѣлалъ... Ну, да теперь ничего не подѣлаешь, слово далъ, отъ слова не отказываюсь.

Вытащилъ «паѣалайнэ» колъ изъ земли, и пошла изъ дыры всякая нечисть въ образѣ мухъ, комаровъ, гадовъ, лягушекъ, пауковъ... и вся эта гадость разсыпалась по землѣ. Часть пошла въ воду — въ озера, рѣки и «лабмы» (небольшія лѣсные озера) — и явились водяники; другіе пошли въ лѣса — и произошли лѣсовики; иные пошли по домамъ, дворамъ, ригахъ и банямъ и явились домовые, дворовые, баяники, а часть — такъ таки и разсыпалась въ воздухѣ... И чтобы и было, если бы Богъ не заткнулъ этой дыры горящей головней!? Вотъ съ тѣхъ поръ, заключаю мой разсказчикъ свое повѣствованіе, и живетъ на землѣ нечистая сила».

Увѣренность кореляка въ повсемѣстности «папа» такъ сильна, что рѣдкій изъ нихъ осмѣлится утромъ выйти изъ дому, не принявъ ранѣе нѣкоторыхъ средствъ, застрахоывающихъ отъ дѣйствій этого нечистаго духа.

«Зачѣмъ ты, Пекко, спрашиваю я одного кореляка, который, какъ только утромъ всталъ, прежде всего полѣзъ къ корзинѣ съ мукой и взялъ пастъ ея и съѣлъ,—зачѣмъ ты утромъ прежде всего муку ѣшь? Привычка что ли у тебя такая?—А какъ же безъ этого?..» возразилъ Пекко, какъ безъ «пюгӓллядъ» («пюгӓлле»—святое,—такъ корелики называютъ все, приготовленное изъ муки) выйдешь на улицу? Какъ разъ, глядишь, «папалайнэ» и напуститъ на тебя что-нибудь недоброе...

И дѣйствительно, часто такі «папалайнэ» «напускаетъ» на суевѣрнаго кореляка. Большая часть болѣзней имѣ объясняется дѣйствіями его нечистой силы. Заболѣетъ ли кто лихорадкой или сухоткой, наживетъ ли кто разстройство желудка, зубную боль или чесотку,—все это объясняется гнѣвомъ или иначе «носомъ» (нэна) «папалайнэ». Напѣется ли кто воды изъ лѣснаго колодца, посидитъ ли на пнѣ срубленнаго дерева да притомъ подумаетъ что нибудь нехорошее, глядь—и нажилъ себѣ «нось» нечистаго.

— Разъ пришлось мнѣ, рассказывалъ крестьянинъ села Вешвелицъ, Петрозаводскаго уѣзда, переходить черезъ небольшой ручеекъ, который почему-то у насъ называется рѣкой-дѣги. Перешелъ это я и со смѣхомъ подумалъ—зачѣмъ эту канаву—она называютъ рѣкой-дѣги. Какъ только подумалъ, сразу же почувствовалъ, что у меня въ брюхѣ что-то какъ-будто порвалось, и въ глазахъ потерялся свѣтъ. И съ того времени недѣли три не могъ ни ѣсть ни пить и болѣлъ такъ сильно, что не приведи Богъ ни самому лютому врагу болѣть такою болѣзнью. Ко всѣмъ колдунамъ обращалась жена; меня и въ банѣ парили, и обливали холодной водой въ самую полночь, били по плечамъ громовымъ камнемъ (камень, образующійся въ тѣхъ мѣстахъ земли, куда ударить грозой),—ничто не помогало. Тогда напослѣдокъ жена рѣшилась идти къ одному колдуну, который излѣчивалъ только отъ «носа». Взяла это она у меня крестъ съ шеи и понесла къ нему. Какъ только колдунъ посмотрѣлъ на крестъ, такъ таки прямо и говоритъ: у твоего мужа «нось воды» (ведэнь нэни), т. е. хозяинъ воды сердится на него; пусть онъ припомнитъ, гдѣ оскорбилъ воду и по три ночи пусть ходитъ туда съ пирогами и умоляетъ ее, Приходитъ домой жена и рассказываетъ: у тебя молю все это отъ воды, носъ воды. Сразу я тогда вспомнилъ свою опрометчивую насмѣшку надъ рѣкой и въ первую же полночь рѣшилъ идти къ вей—просить прощенія. Жена наекла сканцель съ кашей и «чупуковъ» (овсянные блины съ жидкой молочной кашей), и послѣ заката солнца мы съ ней отправились въ лѣсъ къ рѣкѣ. По три ночи ходилъ я туда съ пирогами, на колѣняхъ просилъ прощенія у хозяина рѣки... И что же думаете?... болѣзнь какъ рукой сняло, и до сихъ поръ, въ добрый часъ будь сказано, никакой хворь не знаю, словно молодымъ парнемъ снова сдѣлался, такую легкость въ себѣ чувствую... И такіе случаи въ Корелѣ не рѣдкость. Мнѣ самому разъ пришлось найти въ лѣсу ржавыя лепешки, бережно положенныя на сукъ дерева, — приношенія болящаго кореляка. Въ первый разъ меня это очень поразило,—спрашиваю: зачѣмъ эти ржавыя лепешки сюда принесены?—Да должно быть кто-нибудь изъ крещеныхъ (ристикавзъ) боленъ, такъ привесъ «пюгӓллядъ»... спокойно отвѣтилъ мой спутникъ, которому, очевидно, не въ диковинку видѣть и знать объ этихъ суевѣрныхъ приношеніяхъ...

Обиліе рѣкъ и озеръ и густыхъ лѣсовъ—породило между кореляками массу сказаній, о проживающихъ здѣсь «папа». Ихъ сколько разъ видѣли мѣстные крестьяне, разговаривали съ ними, смѣлые даже оцупывали ихъ... И всѣ эти розказы передаются съ такимъ убѣжденіемъ въ истинѣ, сознаниемъ правоты, что слушателю нѣтъ возможности не вѣрить...

Видѣвшіе водяника рассказываютъ, что онъ представляетъ изъ себя безобразное существо, покрытое длинною черною или рыжею шерстью. Тѣло у него, какъ у старой женщины, съ длинными отвислыми грудями, а уши-длинные какъ у коровы. Въ жаркіе дни, въ тихую погоду, водяникъ нерѣдко всплываетъ на поверхность воды, садится на камень и начинаетъ расчесывать гребнемъ свои косматые, длинные волосы. Въ такомъ положеніи его видѣли очень многіе изъ крестьянъ и преимущественно бабы. Вотъ что

напр., рассказывал мнѣ одинъ Святозерскій крестьянинъ (Петроз уѣзда) Харлампій Богдановъ. «Быль воскресный день въ среднихъ числахъ іюля. Соснувъ часть, другой послѣ обѣда, и вышелъ изъ доу и направился въ село побесѣдовать съ мужиками-сосѣдами. Дорога въ село проходила мимо озера. Иду это я дорогой и раздумываю кой о чемъ, Вглянуль я на озеро да такъ и остолбенѣль: въ шагахъ 25—30 отъ берега сидѣль водяникъ и расчесывалъ волосы;—вида онъ былъ чернаго и величиною съ добрую лошадь»...

Случилось, рассказываютъ старые люди въ Корелѣ, очень давно тому назадъ, что дѣтище водяника попало въ неводъ. Что такъ грузенъ неводъ, недоумѣвають мужики, таща сѣти на берегъ. Вытащили... и что же? Въ сѣтяхъ оказался сынъ водяника, такой маленькій, рыженькій... Одинъ изъ крестьянъ кричать: на берегъ его моль слѣдуетъ выкинуть (кричать по-корельски) и указываютъ при этомъ руками въ гору, а водяникъ, понимая какую шутку хотять шутать съ нимъ крестьяне, только твердить: нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... Иные же, болѣе благоразумные изъ крестьянъ, совѣтуютъ спустить его обратно въ воду и машутъ руками по направленію къ озеру; на ихъ совѣты водяникъ только и частить: да, да, да... «По корельски, вишь, замѣчаетъ старикъ-рассказсказчикъ, не умѣль онъ» Рѣшили крестьяне большинствомъ голосовъ—пустить сына водяника обратно въ озеро; спустили, и на другой день одному изъ рыбаковъ приснился сонъ: счастливы, говорить самъ водяникъ во снѣ, счастливы, что отпустили сына моего на волю, въ воду, а ве то иначе бы всѣхъ васъ уморилъ съ голоду: ни рыбки, ни малька я больше не даль бы вамъ ни въ сѣти, ни въ неводъ»

У каждого водяника (ведѣнна, вези-кунигуой) въ своемъ озерѣ или рѣкѣ есть свой собственный дворецъ. Палаты его очень роскошны и сдѣланы изъ такого чистаго хрусталя, какъ первый осенній ледъ. «Рѣдко кому удается видѣть его дворецъ, говорятъ кореляки, а если бы можно было посмотреть его, то очень легко выжить оттуда водяника: для этого слѣдуетъ только взять капельку «живой рлуги» (элявидъ артудъ) —ртуть кореляки всегда называютъ живой»), капнуть на крышу его дворца, и онъ тотчасъ убѣжитъ вонъ далеко, далеко»...

Подъ водой у водяника цѣлое хозяйство. Онъ живеть здѣсь, какъ богатый запасливый помѣщикъ, не зная ни въ чемъ нужды и лишений. «Разъ моя бабка и дѣдъ, рассказывалъ тотъ же Святозерскій крестьянинъ, поѣхали въ лодкѣ на пожню. Почти подѣзжали они къ пожнѣ, какъ бабка моя замѣтила, что изъ воды на берегъ выскакивають коровы,—коровы комолыя, съ короткой лоснящеюся шерстью и очень сытыя. Это коровы «вези-кунигуойнъ», замѣтила бабка, и если бы уснѣть поканать крови съ безымянаго пальца на каждую корову, то всѣ онѣ были бы наши». . Какъ только сказала она это, коровы всѣ посквали обратно въ воду, и изъ воды вдругъ высунулась большая, покрытая черною шерстью рука и схватила за бортъ лодки... Хорошо еще, что берегъ оказался близко, а то «вези-кунигуой» непремѣнно успѣлъ бы опрокинуть лодку.

Хотя рѣдко, но иногда случается, что водяникъ дѣлаеть и пакости человѣку: онъ топить лошадей, во время купанья ихъ, перевертываетъ лодки съ ѣдущими въ нихъ людьми и задушаетъ неопытныхъ купальщиконовъ, особенно хвастающихъ своимъ умѣньемъ бойко плавать и нырять. Рассказовъ о такихъ несчастныхъ случаяхъ ходитъ въ народѣ очень много. Чтобы освободиться отъ водяника, уже успѣвшаго схватить свою жертву, существуетъ лишь одно средство: съ берега слѣдуетъ бросать въ воду мелкіе камни и песокъ,—этого водяникъ очень и очень страшится; оставляетъ свои злыя шутки и уходитъ въ глубину воду.

Лѣсовикъ-метчѣлѣйнэ, по воззрѣніямъ кореловъ, представляется высокнмъ мужчиной, одѣтымъ въ военное платье: на головѣ у него красная фуражка и вся одежда въ мѣдныхъ блестящихъ пуговицахъ, оттого то онъ иногда называется «нюбликязъ» — пуговичникъ. О продѣлахъ лѣсовика существуетъ множество самыхъ разнообразныхъ рассказовъ. Такъ, многіе изъ охотниковъ, во время ночевокъ въ лѣсу, часто слышали его дикій хохотъ, пѣаніе и унылое завываніе. Часто встрѣчали его и днемъ въ лѣсу... «Пришелъ разъ онъ ко мнѣ настрѣчу, рассказывалъ одинъ крестьянинъ, видѣвшій лѣсовика, пришелъ подъ вечеръ, когда я возвращался изъ лѣсу домой,—высокаго росту и весь въ

пуговицахъ. Сталъ на дорогѣ предо мной и заговорилъ: «А жаркій сегодня былъ день...» Чѣмъ больше и дальше онъ говорилъ, тѣмъ все глубже и глубже увлекалъ меня въ лѣсъ. Цѣлыхъ трое сутокъ я ходилъ съ нимъ, вмѣсто хлѣба и другаго съѣстнаго на обѣдъ и ужинъ мнѣ подавали конинныя навозъ. Говорили мы съ нимъ много и обо всемъ, но о чѣмъ именно, не запомню. Въ первые дни мнѣ и въ голову не приходило, что я на «худыхъ слѣдахъ» (пагуойлъ дялгилъ), только ужъ на третій день сообразилъ, что я не безъ чуда брожу столько дней, а домой все не попадаю...

Вспомнилъ на счастье тогда я первую фразу, которой «метчэйлэйне» началъ со мной разговоръ, взялъ это да и брякнулъ ее въ бесѣдѣ съ нимъ: «А жаркій сегодня былъ день.. Какъ только сказалъ, — «метчалайнэ» вдругъ захохоталъ и, со словами: «ты, братъ, вижу я, говорить толкомъ не умѣешь, а повторяешь разъ сказанныя слова», — пошелъ отъ меня прочь съ крикомъ, шумомъ, и долго еще слышно было, какъ ломались деревья подъ его сильными ногами. «Ну, думаю я, слава тебѣ Господи, отвязался отъ «худого—пагасъ...» На первомъ же перекресткѣ снялъ съ себя всю одежду, отрясъ ее старательно, чтобы не занести нечистаго домой, и потомъ, благословясь, отправился домой. Придя домой я самъ диву дался, куда меня занесла нечистая сила! Верстъ за 60—70 отъ своей деревни ушолъ, да въ такой глухой лѣсъ, что въ другое время не зналъ бы да и не умѣлъ бы какъ туда и пробраться...

Лѣсъ, рассказывалъ другой корелякъ, полонъ нечистой силы—«метчэйлэй жидъ». Но мы не каждый разъ видимъ ее, а не видимъ потому, что у лѣсовника есть особенная способность: принимать ростъ, равный высотѣ тѣхъ деревьевъ, подлѣ которыхъ онъ стоитъ. Стоитъ онъ, примѣрно, подлѣ высокой ели, и кажется тебѣ, что подлѣ ели стоитъ еще другая ель, а между тѣмъ на самомъ то дѣлѣ—это и есть лѣшій. Въ маленькомъ лѣску онъ самъ становится маленькимъ, а потому его опять и не отличить отъ деревьевъ. Да чтобы и было, заключилъ онъ свой рассказъ, если бы у лѣшаго не было такого свойства, тогда и въ лѣсъ то не вышелъ бы никогда, на каждомъ шагу торчалъ бы онъ—«худой» и пугалъ бы своихъ видомъ «крещеныхъ»—ристиканазуойдъ.

Бывали случаи, что лѣсовникъ похищалъ людей и вводилъ ихъ съ собой на всегда. Чаще это происходитъ тогда, когда проклинаютъ родители своихъ дѣтей и опрометчиво говорятъ: хоть бы лѣшій тебя взялъ, хоть лѣшій унесъ бы тебя съ моихъ глазъ... Такъ, въ д. Сюрэгъ (Святозер. волости, Петроз. уѣзда) былъ такой случай. Одна крестьянка мать пошла въ лѣтній день утромъ на работу. Дочка ея, небольшая дѣвочка, никакъ не хотѣла остаться одна дома, и съ плачемъ бѣжала вслѣдъ за матерью, прося ее—взять съ собой. Мать всяко упрасивала дочку возвратиться домой; но когда все это не дѣйствовало, она, наконецъ, выведенная изъ терпѣнія, неосторожно съ горяча выпалила: «а лѣшій бы лучше тебя взялъ, когда не даешь мнѣ волю идти на работу».

Дѣвочка потомъ скоро угомонилась и пошла обратно домой. День цѣлый пробыла въ лѣсу неосторожная мать. Вечеромъ приходитъ домой и что же?.. Дѣвочка какъ бы по виду и дочка, но только чуетъ материнское сердце, что она не настоящая дочь: «метчэйлэйне» подмѣнилъ дочь и на мѣсто ея подсунулъ одну изъ своихъ прислужницъ.

Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени догадки матери оправдались: дѣвочка оказалась «во полного человѣческаго разсудка» (эй таивъ ристиканзаивъ-меллине). Но что же съ ней подѣлаешь? Ее выселили изъ избы въ особый чуланъ, темный, безъ оконъ, до самой смерти кормили тамъ и до самой смерти глядѣли на нее, несчастную, какъ на несчастіе лѣшаго... Случилось разъ, что неосторожная въ словахъ мать увидѣла свою дѣйствительную дочь. Было это дѣло въ лѣсу, въ зимнее время, во время вывозки бревенъ лѣсопромышленникомъ. «Я, рассказывала потомъ сама мать, долго не могла заснуть въ одну ночь на воскресенье. Кажется, «нуодюой» (костеръ, состоящій изъ двухъ бревенъ, положенныхъ вдоль другъ на друга, при томъ между бревнами дѣлается лотокъ, въ который и вкладется огонь. Пламя отъ сложенныхъ такъ бревенъ бываетъ не сильно, но держится, не потухая, до самаго утра. Тепла бываетъ достаточно только для невыскаательнаго кореляка) горѣлъ хорошо, и тепла было вдоволь, но я никакъ не могла забыться сномъ, который такъ былъ мнѣ нуженъ послѣ трудовъ тяжелой недѣли... Уже подъ самое утро, когда стало свѣтать, вдругъ я услышала шумъ отъ идущихъ по свѣгу

своей. Через несколько времени из лѣсу выѣхалъ на черной высокой лошади мужчина, одѣтый въ приличное платье: на немъ былъ тулупъ, крытый чернымъ сукномъ, съ черными же башмаками воротникомъ; на головѣ хорошая бобровая шапка, точь-въ-точь какъ у прикащика. Рядомъ съ нимъ сѣдѣла дѣвушка, также очень хорошо одѣтая. Я, признаться, подумала сначала, что это должно быть прикащикъ прѣѣхалъ для пріема дровъ... Но зачѣмъ же тутъ рядомъ съ нимъ дѣвушка?.. Когда подѣхали ближе, то въ сидящей дѣвушкѣ я узнала свою Огуой Агафью-дочь, которую унесъ лѣшій). «Не бойся, говорить, мама, это я—твоя дочка Огуой. Меня послѣ того разу, какъ ты прокляла, унесъ лѣшій — метчѣйшій. Жить мнѣ у него и хорошо бы, да скучно по дому. Мы съ нимъ все ѣздимъ по лѣсу, и иногда только, когда ѣсть захочется, заглядываемъ въ деревни и города. Кто положитъ что-нибудь изъ съѣстнаго безъ благословенія, то мы съ нимъ и съѣдимъ, а на мѣсто конный навозъ подлагаемъ. У меня съ нимъ уже и ребенокъ есть... Если ты, мама, хочешь меня возвратитъ къ себѣ, то сними со своей шеи крестъ и, какъ можно проворнѣе, накинъ его мнѣ на шею... Тутъ уже лѣшій не будетъ имѣть власти надо мной, и я навсегда останусь съ вами.—Вмѣсто того, чтобы скорѣе исполнить совѣтъ дочери—накинуть на воротъ ея крестъ, я, дурища, рассказывала крестьянка, вмѣсто этого такъ перепугалась, что не смѣла даже шевельнуться... Постояли сани предо мной еще такъ минутъ съ полдесятокъ, а потомъ, какъ птица (каку лиду), понеслись впередъ. Нѣсколько разъ, видѣла хорошо, Огуой оборачивалась ко мнѣ, бивала головой въ знакъ прощанія и смотрѣла такъ печально, печально...

Дворовый— «муа-хардїй» является въ видѣ кошки или собаки. Его рѣдко кто видѣлъ, но иногда хозяйкамъ-бабамъ случается замѣтить, какъ онъ по вечерамъ, во время доенія коровъ, осторожно крадется по двору, по самый край стѣны... «Снизу это я разъ на дворѣ, рассказывала одна корелка, и дою корову; вижу какъ будто кто-то медленно движется о самую стѣну; видюмъ,— какъ кошка, прополъ мимо, посмотрѣлъ разъ на меня и сразу скрылся у порога хлѣва». Дворовый каждого двора любитъ скотину только нѣкоторыхъ извѣстныхъ мастей. «Что же ты, Микко (Никита), спросишь нѣкого крестьянина, не купишь такой-то коровы? Корова хорошая и просятъ за нее недорого. — Корова то хорошая, и цѣна невысокая, лѣниво возразитъ онъ, можно бы и купить да, вишь, дѣло-то въ чемъ, черной шерсти она, а «мой» черныхъ не долбилываетъ». И, не дай Богъ, если хозяинъ, по своему незнанію, заведетъ у себя такую скотину, масть которой не по вкусу дворовому. Онъ такъ или иначе, рано или поздно изведетъ ее; такую скотину какъ ни корми, какъ ни пой, а она всегда будетъ хуже другихъ: тонкая, паршивая, постоянно въ навозѣ... За то, хорошо той скотинѣ, которую любятъ «муа-хардїй». Онъ по ночамъ самъ кормитъ ее, гладитъ, чиститъ, а у лошадей даже заплетаетъ гривы. Бываетъ иногда такъ, что корова ночью, во время сна, наваливается бокомъ на «муа-хардїя», и это ей не обходится даромъ: на другой же день у ней вспухаетъ вымя и бока, и только наговорная соль знахарки излѣчиваетъ ее отъ этого недуга...

Таковы краткія суевѣрныя представленія кореляка о нечистой силѣ... И думаю, что много еще лѣтъ суждено миновать, прежде чѣмъ хоть сколько-нибудь разсѣется этотъ густой туманъ невѣжества, такъ плотно пока окутывающій весь этотъ край...

Н. Лысковъ.

Замѣтки по этнографіи бѣлоруссовъ.

II¹⁾.

Къ сообщенію, сдѣланному мною раньше, я прибавлю ниже еще нѣсколько данныхъ. Цѣль и порядокъ настоящаго сообщенія тѣже, что и предыдущаго. Матерьяломъ для составленія настоящихъ замѣтокъ послужили отвѣты священниковъ и народныхъ учителей на вопросы, разосланные Минскимъ Статистическимъ Комитетомъ. Матерьялы эти были обязательно предоставлены мнѣ названнымъ комитетомъ, за что я считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую признательность секретарю комитета Александру Павловичу Смородскому.

¹⁾ См. I ст. въ Жив. Стар. II. 1893.

I. Обрядовыя блюда.

Извѣстно, что какъ чисто народныя празднества (какъ напр. дзяды), такъ и многіе христіанскіе праздники, съ которыми слились бы древніе языческія представленія, обставлены не только извѣстными обрядами но и столомъ и мѣняютъ чисто обрядовое значеніе. Извѣстныя блюда и извѣстный ихъ порядокъ требуются обрядами. Болѣе широкое изученіе ихъ даетъ возможность видѣть въ этихъ обрядовыхъ блюдахъ остатки языческихъ жертвоприношеній. Поэтому, болѣе детальное изученіе народнаго обрядоваго стола представляетъ глубокой этнографическій интересъ.

Ниже я привожу списки кушаньевъ, приуроченныхъ къ тѣмъ или другимъ праздникамъ, въ порядкѣ требуемомъ обычаемъ.

1) *Богатая кутья* (канунъ Брещенья, 5 янв.): горшокъ вареной свеклы съ свинымъ ухомъ и парой колбасъ, каша съ саломъ (Лавришевскій прих. Новгородск. уѣд.). Остальныя кушанья по желанію, но непременно жирныя.

2) *Родительская суббота* (передъ масляной недѣлей): канунъ, составленный изъ коржа съ медомъ и 12 блюдъ: щи постныя, щи скоромныя, супъ постный, супъ съ говядиной или съ молокомъ, ячичница, верещака съ блинами, сырники, печеная баранина, поросенокъ, каша гречневая (Вороничскій прих. Игуменск. у.). По мѣстности встрѣчаемъ нѣкоторыя измѣненія. Въ Лавришевскомъ прих. Новгород. у.: готовятъ капусту, куда бросаютъ два куска свинины, а въ супъ два куска баранины; по одному куску съѣдаютъ вечеромъ, по другому утромъ; кромѣ того подаютъ: квашанину, пару колбасъ, квасъ (вареный съ саломъ, лапша, рыба, вареный сыръ или поливка (соусъ) изъ крови животныхъ, ячичница, каша просяная.—Каждый долженъ поѣсть всякаго кушанья, а не то будутъ кушать комары. На столъ кладутъ запасную ложку, которую старшій членъ семьи отливаетъ или откладываетъ въ особую миску всякаго блюда: дѣды ночью придутъ ѣсть. Трубы, а иногда и дверей на ночь не затворяютъ. Вообще, богатые на дѣды дѣлаютъ 12 блюдъ, бѣдные хоть 6.

Въ Негиничскомъ прих. Новгород. у. порядокъ такой: капуста съ свининой, квасъ съ бараниной, крупникъ (густой супъ), квашанина (холодное) изъ бараньихъ или свиныхъ ногъ, лапша съ молокомъ, пирожи изъ ржаной муки, каша, ячичница, отварная печенка баранья, гусяная или свиная, галушки изъ ячменныхъ крупъ; 3 круто сваренныхъ яйца дѣлятся между всѣми присутствующими.

Въ Дричинскомъ прих. Игуменск. у. кромѣ другихъ кушаньевъ непременно должны быть: квасъ, кисель овсяный и каша.

Въ Болбочанской вол. того же у. даютъ 14 слѣд. блюдъ: сыта или канунъ, постный квасъ, квасъ съ саломъ или мясомъ, каша постная (съ макомъ), каша съ саломъ, каша съ молокомъ, ячичница, рыба вареная, рыба жареная, супъ (крупенъ) съ мясомъ, поросатина, супъ съ молокомъ, сырники, молоко перетопленное.

Въ Ельскомъ прих. Мозырск. у. требуется еще обрядовый столъ на слѣд. день послѣ вечернихъ дѣдовъ; онъ состоитъ изъ канона—разведеннаго въ видѣ меда съ хлѣбомъ и блиновъ, остальныя блюда по желанію.

Дзяды бѣлорусскіе бывають четыре раза въ годъ (четыридзяды): въ родительскую субботу, радивощныя (въ понедѣльникъ на 2-ую нед. по Пасхѣ), Троечныя (передъ Троицею) и Михаѣловскіе (7 ноября); послѣдніе въ другихъ мѣстахъ справляются въ Дмитріевскую субботу (23 окт.).

Обильныя кушанья считаются обязательными только на зимніе и осенніе дзяды. Весенніе же сопровождаются принесеніемъ на могилы родныхъ покойниковъ остатковъ отъ пасхальнаго стола и небольшой закуской тутъ же на кладбищѣ. Въ Старичскомъ прих. Игуменскаго у. считается обязательнымъ принесеніе на могилы еще и бараньей печени.

3) Въ постъ на кресто поклонной недѣлѣ пекутъ изъ тѣста кресты, бороны, серпы, сохи, колы (Пугалловскій прих. Игуменск. у.). Въ Скрыцовскомъ прих. Мозырск. у. пекутъ «кресцы» съ макомъ, часть коихъ оставляють до начала полевыхъ работъ и начала пастбы скота.

4) На пасху кушанья обычные: яйца, пироги, поросенокъ, сыръ, масло, ветчина.

5) Въ среду Преполовения пекутъ «кресты» крестообразные хлѣбы изъ ржаной или пшеничной муки (Вороничскій прих. Игум. у.).

6) Разговѣнье послѣ Петрова поста начинается съ сыра, масла и молока (ibid.).

7) Въ день 40 мучен. (9 марта) пекутъ крестообразныя коврижки, которыя посыпаются макомъ (Язывинскій прих. Пинскаго у.). Въ Ново-Сорокскомъ прих. Моз. у.—галушки.

8) Въ день Преображенія Господня освящаютъ фрукты. Обѣдъ состоитъ изъ моркови и свеклы «бруквы» (Вороничскій прих. Игум. у.). Женатые до этого дня фруктовъ не ѣдятъ, чтобы дѣти не умирали (Рѣчицк. у.).

9) На Успеніе—обязательно капуста новаго урожая (Вороничскій прих.).

10) День Рождества Богородицы наз. богачемъ, обильный обѣдъ (ibid.).

11) День великом. Варвары (4 дек.)—приготавливаютъ вареники изъ гречневой муки съ макомъ (Пуковскій прих. Игуменск. у., Скрыгаловскій и Ново-Сорокскій Мозырск. у., Язывинскій Пинскаго у.).

12) 9 дек.—тоже вареники (Пуковскій прих.).

13) Кутья передъ Рожд. Хр.: блины, квась съ грибами и постнымъ масломъ, рыба, сельди, овсяный кисель, ячневая кутья (Кунасскій прих. Слуцкаго у.).

14) Всѣ заговѣны сопровождаются оладьями и блинами (Мозырск. и Рѣчицк. у.).

Главнѣйшими видами обрядовыхъ блюдъ, какъ пережитковъ жертвоприношеній, являются: хлѣбъ, особенно каша, свиинна, баранина, небезъинтересно также употребленіе яицъ, меду (въ «канонѣ»), капусты моркови и пр. ¹⁾.

¹⁾ Позволимъ себѣ привести нѣсколько указаній, вводящихъ бѣлорусскія обрядовыя блюда, какъ остатки жертвоприношеній, въ сферу общеславянскихъ и народныхъ обычаевъ.—Объ обрядовомъ употребленіи хлѣба и каши см. соч. проф. Сумцова, хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ, Харьковъ и Потебни, О мнѣол. значеніи нѣкот. обряд. и пѣсенъ, р. 15, 39, 40 и др.; у Бѣлоруссовъ интересны заговоры на хлѣбѣ, Романовъ, Бѣлор. Сборн., V, 60, 61 и въ свад. обрядахъ, Шейнъ, Матерьялы, II, 75 и др.; у Поляковъ на свадьбѣ—Kolberg. Lud. v. XI, ч. III, 75, 84; то же у Чеховъ, Bartoš, Moravská svatba, 37; Гаданіе на кашѣ у Великороссовъ.—Словарь русскихъ суевѣрій М. Чулкова, М. 1782 г., р. 180; у нихъ же—жертва дошовому—Каравеловъ, Пам. народн быта Болгаръ, 182; во Франціи интересны пироги сою a boeufs, Revue des traditions populaires, V, 90; хлѣбъ—обильная жертва божеству у Новогрековъ, Schmidt, das Volksleben der Neugriechen, Leipz. 1871, р. 55. Сродные обряды у Вотяковъ. Словарь русскихъ суевѣрій Чулковъ, 105, у Черемисъ, ibid., 104. Въ древнихъ религіяхъ жертва хлѣбомъ, пирогами—обычное явленіе: Bergaigne, La religion védique, I, 261, Prellor, Röm. Mythol., 444, Foucart, des associations religieuses, 67, 71, у др. Галловъ, Fl. Vallentin, Le culte de Matrae, Paris, 1880, р. 14 и др.

Къ обрядовому употребленію свиинны: Вессловскій, Розысканія, II, 108—9; Аюнасьевъ, Повѣт. возр. Слав., 778 и сл.; Bastian, das Thier in seinen mythologischen Bedeutung, Leitschr. für Ethnologie, B. I, 1864, р. 173—175, Preller, Rom. Mythol., 435, Rosbach Unters. üb. d. Röm. Ehc. 310 и сл., у Бѣлоруссовъ еще въ свад. обр., Шейнъ, Матер. I. с. 2.

Къ жертвоприношенію барана—De Gubernatis, die Thiere in d. indogerm. Myth., 312 и сл.

Къ обрядовому употребленію яйца: см. Bastian, Zeitschr. f. Ethnologie, 1889, р. 162—163; въ свад. обр.—Schröder zeop. Die Hochzeitsbräuche der Esten u einiger anderen finn. igtisch. Völkerschaften, Berl., 1888. р. 83; у Бѣлоруссовъ—Шейнъ, Мат. II, р. 2, Вѣст. Имп. Р. Геогр. Общ., 1857 г., ч. IX р. 48 и др. (яичница).

Къ употребленію меда Шейнъ, Мат. II, 73 и др.; Kuhn, Herab. d. Feuers (2 изд.) р. 121—122; у Итальянцевъ—Dotsa, La tradizione greco-latina negli usi e negle credenze popol., Cose = za, 1879, р. 38.

II. Къ почитанію холмовъ, деревьевъ, источниковъ, камней.

Подобно тому какъ время языческихъ жертвоприношеній слялось съ христіанскими праздниками, такъ и почитаніе мѣстъ и предметовъ, основою которыхъ являются также языческія представленія, слялось съ почитаніемъ атрибутовъ христіанской церкви. Въ прошломъ сообщеніи я уже говорилъ о такъ наз. прощахъ, которыя обычно обставлены предметами христіанскаго почитанія: часовнями, иконами, крестами, иногда тутъ же ставились и церкви. Теперь я опишу нѣсколько такихъ мѣстъ почитанія.

1) Въ Старицкомъ прих. Игуменскаго у., въ урочище Перевозъ, въ 8 верст. отъ с. Старицы, находятся два холма, которые составляютъ особенный предметъ почитанія и благоговѣнія. Холмы смежны. Окрестные жители ставятъ на нихъ кресты и тутъ ихъ поставлено цѣлыя тысячи, деревянныхъ и металлическихъ. Для постановки крестовъ сѣзжаются за десятки миль. На холмы кладутъ, въ видѣ жертвы, деньги, ленъ, на кресты вѣшаютъ грудные крестники и даже иконы. О. Владиміръ Ранчевскій, передающій это извѣстіе, прибавляетъ, что причинъ такого поклоненія «не отыскано: передаютъ только, что дѣлающіе въ этомъ мѣстѣ какую либо жертву, получаютъ непремѣнно просимое у Бога». Характеръ прошеній можетъ быть до нѣкоторой степени угаданъ изъ извѣстія, что вѣшаютъ иконы Георгія Побѣдон.; связь почитанія холмовъ съ именемъ этого святаго можетъ указывать на то, что это почитаніе, въ основѣ своей, носитъ характеръ почитанія аграрныхъ культовъ.

Около с. Старицы; въ 3 верст. отъ него, есть еще холмъ, пользующійся почитаніемъ (безъ жертвъ), но преданіе, указываетъ на существованіе тамъ когда то церкви.

Не менѣе интересно почитаніе сосны, находящейся за селомъ; мѣсто вокругъ нея считается священнымъ. Существуетъ слѣд. преданіе: одному крестьянину, который былъ хозяиномъ той полосы, гдѣ стоитъ сосна, большому глазу, снилось, что онъ долженъ поставить крестъ у сосны, чтобы выздороветь. Онъ поставилъ крестъ и исцѣлился. Крестьяне кладутъ около этой сосны ленъ, деньги. Сосна нѣсколько отличается отъ обыкновенныхъ сосенъ цвѣтомъ ¹⁾.

Народъ вообще относится съ суевѣрнымъ уваженіемъ къ большимъ старымъ деревьямъ, особенно если въ нихъ находятъ еще признаки, отличающіе ихъ чѣмъ нибудь отъ обыкновеннаго типа. Приведу одинъ рассказъ, записанный въ Гродненской губ. При дер. Одельковичахъ Дворецкой вол. Слонимскаго у. есть курганъ; около него растутъ два огромныхъ дуба. Есть преданіе, что лѣтъ 60 тому назадъ на томъ же мѣстѣ было 4 дуба. Но арендаторъ дворца графа Завиши срубилъ два изъ нихъ, отъ чего палъ весь его скотъ. Вообще зачѣтные дубы закодваны: срубить такой дубъ или даже взять его сучья, оторванныя вѣтвямъ,—непремѣнно случится несчастье: падеть лошадь, корова, овца. Оставшіеся два дуба при дер. Одельковичахъ уже нѣсколько лѣтъ кропятся священою водою, и ихъ никто не трогаетъ ²⁾.

¹⁾ Къ сожалѣнію до сихъ поръ о почитаніи деревьевъ у славянъ вообще и у русскихъ въ частности занимало очень мало деталей, хотя вопросъ этотъ очень интересенъ, и на однихъ общихъ только извѣстіяхъ остановиться нельзя. Къ почит. дер. у блор. см. ст. Чарноцкой въ „Вѣстн. Евр.“, 1818 г ч. СII, р. 116—118; общая характеристика славяноязычныхъ въ этомъ отнош. у Nap. Machal. *Nakres Slovanského bajeslovi*, 23—24, Аванасъвъ, поэтич. возвр. ст., II, 277 и слав. Архивъ Калачева, т. I, р. 47 (ст. Соловьева), Веселовскій, Разсужденія, II, 232—3. Обычай инородцевъ особенно характерны: M. Vuch. *Die Wotjaken*, 125, 141, Харузинъ, Русскіе Лопари. 175, Сбоевъ, Чуваши, 90, «Этногр. обзор.», 1890 № 4, р. 57, «Ж. Стар.», 1891 г., III; 64—5 (якуты.) и ми. др. Кроме того общія данныя о почит. дер. у ар. нар. у Губернатиса, *La mythologie des Plantes*. 2 т., Mannhardt *Baumcultus* p. Gormanen, у Куна въ *Herabkunft d. Feuers*, 114, 158 и др., Гримма, *Deutsche Mythologie* 854, 615 и др., и новѣйшія изслѣдованія растительнаго культа James l'armestetet, *Haurvatat et Ameretat*, *Essai sur la mythologie d'Avesta*, P. 1875, ст. графа Goblet d'Aniella въ *Bulletin de l'Académie Royale de Belgique* т. 19, № 5, 1890 г. и др.

²⁾ Сообщ. мирового посредника изъ археологич. матер. по Гродненск. губ., собранныхъ Моск. Археол. Общ. и переданныхъ мнѣ для состав. археологич. карты Гродн. губ.,

3) Почитаніе ключей и источниковъ распространено повсемѣстно. Въ Полужскомъ прих. Игуменскаго у. въ дер. Орѣшковичахъ при р. Свислочи есть ключъ, назыв. княчька; вода его чиста, прозрачна и холодна. Крестьяне приписываютъ ей цѣлебныя свойства, особ. при болѣзняхъ глазъ; грязь прикладываютъ къ головѣ и др. частямъ тѣла. Но помогаетъ эта вода только тогда, когда за нею отправляются до восхода солнца и бросаютъ въ ключъ какую либо мелкую монету.

Иногда такіе почитаемые источники встрѣчаются при церквахъ, большею частію воздвигнутыхъ на приношенія у прощъ. Такъ въ дер. Вулькѣ Лунинскаго прихода Понскаго у. есть приписная церковь и при ней криница, къ которой стекаются богомольцы.

Въ Дукорскомъ прих. Игуменскаго у. у источника находится мѣстно чтимая икона Божіей Матери Воду изъ источника забираютъ на домъ, какъ цѣлебную, и молятся ею тутъ же на мѣстѣ.

Въ томъ же у. въ 3 верст. отъ м. Шацка есть мѣсто съ источникомъ, называемое «церковьемъ» и обставленное слѣдующимъ преданіемъ. Во время притѣсненій православныхъ католиками, кому то изъ православныхъ жителей Шацки явился арх. Михаилъ и велѣлъ православнымъ брать воду изъ источника на теперешнюю церковь. Больные обливались водою и получали исцѣленіе. Была устроена церковь во имя арх. Михаила, но католики, видя ея процвѣтаніе, устроили такъ, что церковь должны были перенести въ самое мѣстечко. Источникъ пользуется почитаніемъ и въ настоящее время.

4) Къ почитанію камня можно отнести почитаніе каменныхъ крестовъ въ уединенныхъ мѣстахъ, на холмахъ, въ рощахъ и т. п.; кресты эти иногда переносятся въ церковь. Въ сущности говоря это тѣже прощы, подъ какимъ названіемъ они часто и существуютъ. Кресты часто высѣкаются на камняхъ, привлекающихъ къ себѣ поклоненіе, или же каменные кресты ставятся на мѣстахъ прощъ; такимъ образомъ сливаются остатки язычества съ христіанствомъ.

Въ с. Пережирь Игуменскаго у. стекаются 30 ноября богомольцы для поклоненія каменному кресту. Женщины и невѣсты приходятъ испросить благополучной супружеской жизни. Кромѣ того сюда стекаются во всѣ весеннія и лѣтнія новолунія воскресенія.

Подобные кресты находятся въ с. Погость Мозырскаго у., Вересницѣ, Сторожевцѣ, Череровѣ, въ м. Туровѣ и др.

Въ Рудобельскомъ приходѣ Бобруйскаго у. въ часовнѣ есть камень, на называемый стопою Богоматери. Воду въ этомъ углубленіи, по освященіи ея, разбираютъ въ надеждѣ на ея цѣлебныя свойства.

Такой же камень, назыв. «Божьей ступкой» находится въ Вѣльскомъ у. Гродненской губ., въ лѣсу около с. Малешы 1).

Къ нѣкоторымъ камнямъ бѣлоруссы питаютъ суевѣрный ужасъ. Изъ той же губ. Слонимскаго 2) у. есть рассказъ слѣдующаго содержанія. Около дер. Хвиневиць Падковской вол. находится громадная каменная плита. Старики рассказываютъ, что лѣтъ 90 тому назадъ два эконома изъ сосѣдняго села Порѣзья пытались углизировать эту плиту и клали подъ порогъ дома. Но съ ними каждый разъ случались несчастія, заставлявшія класть камень обратно 3).

1) Изъ матеріаловъ для археол. Гродненской губ., собранныхъ Моск. Археологич. Общ. и переданныхъ мнѣ для составл. археол. карты.

2) Оттуда же.

3) О почитаніи камня см. Сборникъ Романова, вып. IV, 170—173.

Нъ вечерничнымъ играмъ.

Къ сообщенному раньше объ играхъ и танцахъ на бѣлорусскихъ вѣчоркахъ я прибавлю еще нѣсколько описаній танцевъ и употребительныхъ при нихъ пѣсней. Источникомъ мнѣ служатъ тетрадь записей учителя Колбчанскаго нар. училища Бродячской вол. Игуменскаго у. г. Яцко, обязательно доставленная мнѣ Минскимъ Статистическимъ Комитетомъ.

1) Крутѹха (отъ и р у ц и ц а—вертѣтся) танецъ состоящій въ томъ, что два парня и двѣ дѣвушки выступаютъ на середину хаты берутся крестообразно за руки и идутъ въ круговую, подпрыгивая. Во время танца они поютъ:

а) Матульничка! далибокъ! (ей Богу).

Я не бѣдо жыва!
Абарвалася мизь нохъ
Сама лепша жывла!
Охъ, чухъ, начѹхаўсе,
Падняў хваргухъ—нанѹхаўсе,
Падняў хваргухъ и спадницу!
Апъ тамъ сядзиць зъ рукавицу!

б) А у кавалихи да собаки лѣхи

Нѣкому сѣйци, адбараняци!
Вышла дзвѹчна, адбаранила,
Янашъ маѣ серцѣ развѣсяляла!

с) Чугѹначка, чугачка

Їдзе на саночкахъ.

Пытаецца Василя,

Чи далека да да саяла?
Не далека—близянька,
Чѣразъ лысинка.
Василь праўды ни сказаў,
..... къ плоту привязаў.

Привязаў нѣкъ дубу—

Не хай черци

А я ня буду!

д) Ухъ, нѹ, ухъ, нѹ!

Ни давай хахлу,

А дай рускаму,

Да палюдзкаму!..

2) Барыня. Парни берутъ дѣвушекъ подъ руки и идутъ, припрыгивая, по хатѣ въ круговую. Припѣвы:

а) Барыня раскырака,

Замарыла ў рака!

Барыня, барыня,

Сударыня моя!

б) Барыня пышна

За ворота вышла,

Рукъ ни памыла,

..... загадила (припѣвъ).

с) У намай барыни та низкай,
Абрасла радѣскай!

д) У намай барыни високай,
Абрасла асокай!

е) Сядзиць барыня надъ плотамъ,
Зашывая дротамъ!

ф) Нашто пѣ барыни чапець,
Кали ў барыни хлапець!

Танецъ и отчасти припѣвки заносимъ, великорусскій.

3) Вѣра бѣй. Танцуютъ также, какъ и барыню. Припѣвки:

Абназѣўсе вѣрабѣй
У нашу каняпельку лятаць,
Маю каняпельку клеваць.
Япъ яго излаўлю,
Брылья-перъя ащиплю;
Енъ ня будзя летаць,
Маю каняпельку клеваць!

Павадзѣўсе ёнъ, маладзець,
Къ маѣй Марусенькѣ хадзиць,
Маю Марусеньку любяць.
Я яго излаўлю,
Руки-ноги изламлю!
Енъ не будзя хадзиць,
Маю Марусеньку любяць!

4) К а з а к ъ. Танецъ — общезвѣстный. Припѣвки:

а) Я гуляла дзвѣлкой,
А циперь маладзичкай,
За хорошигъ мужичкомъ,
Да ни за пьяничкой!
А мой мужикъ — ни вяликъ,
Нима яму росту;
Сѣдзиць на прыпѣчку —
Дверэ каросту!
Я гуляла, гуляла,
Гуляць буду!
Сваю маладосъ
Спаминнаць буду!

б) Ажаншусе ўдавецъ,
Узяў сабѣ дзвѣку,
Пасадиў на прыпѣчку —
Глядзиць ў пецальку...
Охъ, ты казакъ, казачокъ!
Ты хороши мужычокъ!
Цебе скачудь, цебе пляшудь,
Цебе пѣсеньки пѣюць!

М. Довнар-Запольскій.

Молитвы, заговоры и заклинанія, записанные въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи.

I. Иерусалимская молитва.

Иисусе Христе, сыне Бога истиннаго, помози мнѣ, спасителю мира! спаси меня, дѣво владычица! умоли за меня бѣднаго, сына твоего! красота ангеловъ, утѣшеніе мучениковъ, слава исповѣдниковъ, зеркало божественныхъ тайнъ, дѣво госпоже, понози мнѣ въ послѣдній часъ, моли Сына твоего и Господа нашего Иисуса Христа дати оставленіе грѣховъ моихъ и прегрѣшеній чрезъ вѣру; вѣрую всему тому чему научаетъ меня святая церковь; вѣрую, поелику ты повелеваешь мнѣ сіе умѣть».

Кто будетъ читать сію молитву, тотъ ве умереть нечаянною смертію ¹⁾.

II. Молитва иже во святыхъ отца нашего Сисиней отъ лихорадки.

Господи Боже Отче, благослови читати молитву сію.

«Сѣдѣшу убо святому отцу Сисиней, сѣдѣшу на горѣ святой, бысть въ часъ шесты дни, зряще убо ему на черное море, внезапно сниде съ небеси столпъ огненный, стоящу отъ земли и до небеси; снидоша Ангель Господень и ста близъ Чермнаго моря, тогда море меташися: испедь изъ моря двѣнадцать женъ пустоволосыхъ, окаяввыхъ, видѣніемъ страшныхъ и вопросы ихъ святыи отецъ Сисиней: что вы окаянныи и какія ваши имена? Первая рече: а мнѣ имя Трясея, вторая рече: имя Огnea, аки печь палающая и сожигаю родъ человѣческій, третія рече: имя Ледея, четвертая — Гнетей, ложится человѣку въ ребра и издымаетъ утробу. Пятая рече: мнѣ имя Хрипея — ложусь въ грудяхъ и схожу мокротою. Шестая рече: мнѣ имя Глухей, ложусь у человѣка въ голову: и уши заложить, и голову, и тотъ человѣкъ глухъ бываетъ. Седьмая рече: мнѣ имя Ломлея: ложусь у человѣка въ костяхъ и кости ломить, аки сильная буря. Восьмая рече: мнѣ имя Пухлея — шатаю родъ человѣческій. Девятая рече: мнѣ имя Желтея: сотворю человѣка, аки цвѣтъ дубравный и напущу желчь. Десятая рече: Кориворта и корчу у человѣка жилы ручныя и ножныя. Одиннадцатая рече: мнѣ имя Голодея: у кого буду и тотъ человѣкъ не можетъ до сыта наѣстися, аки изъ ума выступить. Двѣнадцатая рече: мнѣ имя Невея, Невея же всѣхъ проклятіе, изъ всѣхъ сестеръ лихорадокъ. И изыдоша изъ Чермнаго моря и быша мучими силою ангельскою и того мнѣ не стерпѣша и падоша ниць на землю трепеташеся и возопиша великимъ гласомъ».

¹⁾ Подлинникъ, находящійся у насъ, написанъ скорописью начала XIX вѣка.

аки громъ сильный и ангелъ Господень вопроши ихъ: кто вы? и каковы окаянныя ваши имена и къ кому вы пришли? и отвѣща ему окаянницы: одна огненная страшная и мы повѣдая имена наши на земли: мы Ирода царя дщери еже убина Іоанна предтечу и тутъ же на блюдо мати испроси у Ирода царя помграти главою аки яблокомъ на блюдѣ. И пришедши проститися на гробъ Іоанна предтечи и плакаша мы и абие внезапно зинуша насъ земля и къ проклятому отцу нашему сатанѣ и его роду. Мы живемъ во адѣ и посылаетъ отецъ нашъ сатана въ народъ человѣческій. И рече нѣтъ Ангелъ Господень: заклинаю васъ окаянницъ всѣхъ 12 сестеръ: Трисею, Огнемъ, Ледемъ, Гнетемъ, Хрипемъ, Глухомъ, Ломлемъ, Пухлемъ, Желтѣмъ, Коркоту, Голодемъ, Невемъ. Послаю я отъ Господа всѣхъ васъ окаянныхъ силою ангельскою связать и не можете слышать моего гласу ангельскаго Селафіилова и не можете приблизиться къ рабу Божію и буде имя славное нже по Христову указанію и дастъ нѣтъ проклятымъ женамъ по три страны на всякій день и глагола лишитесь окаянныя приблизиться къ роду человѣческому. Поишудъ Господи и сего раба Вожія, (имя рекъ) не прикасайтесь къ роду человѣческому ни во дни, ни въ нощи, ни въ какое время, аще кто молитву сію на имя Селафіилово читаетъ, къ тому человѣку не можете приблизиться. Измидте окаянныя! И стали ему молитися: Господине, Господине, мы слышимъ имя твое Ангельское Селафіилово и будемъ отъ роду человѣческаго на триста верстгъ. И рече Ангелъ Господень: проклиною всѣхъ васъ трисавицъ 12 сестеръ: Трисею, Огнемъ, Ледемъ, Гнетемъ, Хрипемъ, Глухомъ, Ломлемъ, Пухлемъ, Желтѣмъ, Коркотемъ, Голодемъ, Невемъ. Всѣхъ васъ проклятыхъ проклиною силою ангельскою, отцемъ Сисниемъ, Михаиломъ Архангеломъ, не прикасайтесь къ рабу Божію (имя рекъ) ни сегодня, ни завтра, ни во дни, ни въ нощи, ни въ какое время. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Въ недавнее время намъ удалось записать семь заговоровъ, которые и приводимъ здѣсь съ буквальною точностью. Всѣ приводимые ниже заговоры записаны нами въ г. Пошехонѣ съ рукописи одного крестьянина, содержавшагося въ мѣстномъ арестномъ домѣ.

Цѣль означенныхъ заговоровъ — смягчить сердца властей и силвнхъ міра сего, а потому и читать эти заговоры должно тогда, когда приходится идти къ предержавшимъ властямъ.

Кромѣ означенныхъ заговоровъ читается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для означенной же цѣли 3-й псаломъ.

Подходя къ дверямъ начальника, должно тихонько проговорить про себя: «помини, Господи, царя Давида и всю кротость его» или прочесть молитву Пресвятой Богородицы (Богородица Дѣво радуся...). Последняя молитва читается точно также и при нападеніи собакъ. Кромѣ означенныхъ заговоровъ для того, чтобы смягчить сердце начальника употребляются и многія другія средства. Такъ напр. полезно входя въ домъ начальника посыпать на порогѣ соли, для той же цѣли полезно носить на себѣ барсучью шерсть или, наконецъ, «вихарево гнѣздо» т. е. свитые вѣтроухъ сучья березы. Для вышеозначенной же цѣли употребляются наконецъ и нѣкоторыя травы. «Трава цахактелъ», читаетъ въ одномъ изъ народныхъ цвѣтниковъ, находящихся у насъ подъ рукою, «мала, ростомъ въ стрѣлу, видомъ синя, а по сторонамъ по девяти листовъ, на верху четыре листа: червленъ, зелень, багранъ, синь. И та трава вельми добра: аще кто беретъ её на Ивановъ день въ купальницу съвозъ гривву златую или серебряную и носитъ на себѣ, тотъ человекъ не боится никого, аще на судъ пойдетъ — одолветъ сопротивника своего и всѣ люди его любить будутъ. А ростеть при рѣкахъ и при болотинахъ».

Возвращаясь къ заговорамъ, приводимымъ нами ниже, нелишнимъ считаемъ замѣтить, что заговоръ, помѣщенный подъ № 7-мъ, представляетъ изъ себя не что иное како измѣненный и сокращенный «Сонъ Пресвятыя Богородицы», апокрифъ повсемѣстно распространенный среди крестьянскаго населенія Пошехонскаго уѣзда.

Господи Исусе Христе Боже нашъ помилуй насъ.
Аминь.

Помолюся я рабъ Божій (имя рекъ) Господу Исусу Христу и животворящему кресту твоему и пречистой Богородицѣ матери Господа моего, Сласа нашего, Исуса Христа и святыми ангеломъ и архангеломъ, апостоламъ Петру и Павлу, святителю Николаю чудотворцу, святымъ безсребренникамъ Кузьмъ и Даміану, Киру и Іоанну, Михаилу Архангелу грозному воеводѣ небесныхъ силъ и всѣмъ святымъ мученикомъ и пророкомъ помолитесь о силѣ Божией. Какъ роса-утренняя заря бѣлому свѣту, а свѣтъ красному солнцу, такъ бы всякія власти градскія и общественныя: начальники, судіи мировые, старшины и старосты, слѣдователи и становые, губернаторы и приказные засѣдатели, полиціеішестеры и выборные и всѣ приказные православные христіане мужескій полъ и женскій—были бы рады мнѣ рабу Божию (имя рекъ) всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

Какъ странодневникъ писатель божественныхъ книгъ по писанію святыхъ отецъ сказано, что на семь свѣтъ и на будущемъ никто не можетъ переверотить Божіей колесницы, такъ бы не могли переверотить раба Божія (имя рекъ) передъ всякія власти градскія и мировыя судіи, слѣдователи и старшины, и старосты, писаря и присяжные засѣдатели и вси православные христіане всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

Будь словамъ моимъ небо—ключъ, земля—замокъ. Аминь, аминь, аминь.

Во имя Отца и сына и Святаго Духа отъ нынѣ и до вѣку. Аминь, аминь, аминь.

2. Помни Господи Киррика и Улиту и царя Давида и всю кротость его. Какъ мертвецъ изъ гроба не возстанетъ, такъ бы рабы Божіи рады были и смиры вси начальники мпрскіи судіи мировые и слѣдователи, губернаторы и становые, старшины и старосты и вси православные христіане мужескій полъ и женскій и на меня раба Божія не возставали и сердце бы ихъ упало и руки не поднимались, уста бы ихъ не растворялись отъ нынѣ и до вѣка. Аминь.

3. Господи благослови! Какъ весь міръ возрадуется красному солнышку, какъ отпирается и отмыкается всякая утренняя заря и взойдетъ обрадованное красное солнышко, такъ бы мнѣ многогрѣшному рабу Божию (имя рекъ) возрадовались а возвеселились окомя благоутробнымъ, сердцемъ пріятнымъ градевіе и вотчинные начальники, губернаторы, прокуроры, мировые судьи, слѣдователи, исправники, становые, предсѣдатели и вси православные христіане, мужескій полъ и женскій, и дай имъ Господи Боже мой очи ангельскія и утробу материну. Мать Пресвятая Богородица! прикрой своей негнѣнной ризой раба Божія (имя рекъ) отъ всякаго врага и супостата. Аминь, аминь, аминь.

4. Лягу я рабъ Божій благословясь и встану перекрестясь, помолюся Исусу Христу сыну Божію и выйду въ чистое поле на востокъ краснаго солнышка подъ млада свителъ мѣсяць, подъ чистыя мечтанныя звѣзды и обложусь я рабъ Божій (имя рекъ) тѣми облаками и наложу я на главу красное солнышко и опояшусь я радъ Божіи (имя рекъ) мечтанными частыми звѣздами яко бисеромъ отъ всякаго лихого человека. Какъ рѣки быстрые покорились окіану морю, такъ и мнѣ бы рабу Божию (имя рекъ) были бы покорны и волюбилы бы паче всѣхъ на свѣтѣ; когда я пойду къ нимъ, то у нихъ сердца трепетали бы и радовались бы мнѣ рабу Божию (имя рекъ) во всѣ концы моего вѣка и скувши Господи мой заговоръ переговорчивыйкрѣпчѣ латыря камня бѣлаго и вострыѣ укладу остраго, меча булатнаго во вѣки отнынѣ и до вѣку. Аминь, Преподобный Логинъ вошелъ въ царскую палату а палата августова затряслась и вси люди отъ страха того и трепета не могли на Логина очами зрѣти тако бы супостаты мои не могли на меня зла подумать и лиха помыслить и дай имъ Господи Боже мой супостатамъ моимъ и лихимъ людямъ уста бы ихъ заковались, что бы ихъ обвинили, а мнѣ никакого противнаго слова не сказали. И тѣмъ моимъ словамъ буди небо ключъ, море-замокъ, евангельская печать—самъ Господь праведный Исусъ Христосъ. Аминь, аминь, аминь.

5. Пресвятая Божія Матерь, спаси и помилуй раба Божія (имя рекъ) отъ бѣдъ и

напастей, отъ напраслинь и отъ лихова человѣка на всю жизнь. Аминь. На аминѣ свѣтъ стоитъ, на мнѣхъ словахъ крестъ лежитъ, на крестѣ самъ Исусъ Христосъ опочиваетъ. Аминь, аминь, аминь.

6. Помяни Господи отца нашего Адама и мать нашу Еву царя Давида и всю кротость его, помяни Господи царя Соломона и всю мудрость его, помяни Господи тѣхъ ния рековъ къ которымъ я иду, помяни Господи Кирика младенца и мать его Улиту, царя Константина, Варвару великомученицу, христоролюбивое воинство, вселенскихъ учителей. Аминь.

7. Мать пресвятая Марія Богу помолясь, стала перекрестясь, ушлась Божьей росою, утерлась Христовой пеленою, пошла она въ путь дороженьку въ Иерусалимъ градъ, въ Иерусалимъ градѣ стоитъ апостольская церковь, въ апостольской церкви стоитъ престолъ Господень, за престоломъ Господнимъ сама мать пресвятая Марія. Передъ ней стоитъ самъ Господь Богъ и речеть своей матери: «Мать ты моя пресвятая Марія, что ты спишь или на меня зришь?»—«Сыне мой возлюбленный, я сплю и на тебя зрю, я вижу предъ Тобою пропятіе при понтійскомъ Пилатѣ. Руци и ноги гвоздьми приковаша, ребра Твоя копіемъ прободоша, кровь Твоя какъ вода потекоша, терновый вѣнецъ на главу накла-даша хотятъ Тебя на триехъ дровахъ распинати: первое древо илево, другое шлево, третье кипарисъ древо. Кто етотъ сонъ прочтеть по трижды въ день тотъ избавленъ будетъ отъ ужаста, отъ страсти, отъ бѣды и отъ напасти, отъ меча и отъ огня и отъ полныа, отъ звѣра бѣгучаго и отъ звѣтя ползучаго и отъ лихова человѣка, Аминь. На аминѣ свѣтъ стоитъ, на мнѣхъ словахъ крестъ лежитъ, на крестѣ самъ Исусъ Христосъ опочиваетъ.

Накому святому въ накомъ случаѣ должно молиться.

Изъ народныхъ вѣрованій въ Пошехонскомъ уѣздѣ.

Св. преп. Нифонту—о прогнаніи лукавыхъ духовъ. Для той же цѣли читается 12-я каѣнзма или даже одинъ псаломъ «Живый въ помощь Вышняго».

Св. Іоанну Крестителю—отъ головной боли.

Преп. Марону или Сисинію—отъ лихорадки.

Пророку Науму—при началѣ ученія дѣтей.

Зосимъ и Савватію—предъ выставкою пчель.

Георгію Побѣдоносцу—предъ выгономъ скота въ первый разъ въ поле.

Іоанну Воину—о возвращеніи украденнаго.

Св. Власію—о сохраненіи скота.

Св. Фомандѣ—объ избавленіи отъ блудной страсти.

Св. Илиіи пророку—о поданіи дождя.

Св. Моисею Мурину—объ исцѣленіи отъ жапы.

Иконѣ Неопалимой Купины—о прекращеніи пожара.

Св. Екатерины—при трудныхъ родахъ.

Св. пророку Давиду—объ укрощеніи гнѣва начальниковъ.

Св. Воишатію—объ исцѣленіи отъ жапы.

А. Баловъ.

Легенды о чудесахъ отъ св. иконъ.

Дополненіе къ статьѣ:

«Слѣды язычества въ народномъ иконопочитаніи». Жив. Стар. 1891 г., № 3.

1) Однажды въ недавнее время несли икону преподобномученика Адриана по дерев-

нямъ Соколовской волости, въ мѣстности Ухтома ¹⁾). Одинъ крестьянинъ, пахавшій въ полѣ, увидѣвъ это, замѣтилъ въ слухъ: «Вотъ Адрианъ преподобный по міру собирать пошелъ...» Тотчасъ ударилъ громъ, и молнія поразила на смерть и мужика, и лошадь, на которой тотъ пахалъ.

2) Одна бѣдная крестьянка желала принять въ свой домъ икону преподобномученика Адриана, но не имѣла денегъ для того, чтобы заплатить за молебенъ. Такъ какъ взаимно никто ей денегъ не давалъ, то она и принуждена была заложить свой послѣдній праздничный сарафанъ и на полученные деньги приняла икону. Молебенъ въ домѣ крестьянки былъ отпѣтъ, но когда хотѣли взять икону и вынести её изъ избы—икона оказалась столь тяжелою, что присутствующіе не могли её поднять. Послѣ долгихъ распросовъ узнали, что деньги, которыми заплатила крестьянка за молебенъ, были ея послѣдними деньгами. Деньги возвратили крестьянкѣ и икона безъ труда была вынесена изъ избы.

Въ деревнѣ Усовѣ, Пошехонскаго уѣзда, Горинскаго прихода у одной «келейницы» была икона, ликъ которой окончателно стерлось и икона эта употреблялась хозяйкой вмѣсто покрывши.

Вдругъ изъ трубы этой кельи по ночамъ стали замѣчать сосѣди большой столпъ выходящаго пламени. Въ то же время хозяйкѣ иконы приснилась Божія Матерь и повелѣла поставить свой образъ на божницу. Келейница исполнила это приказаніе, икона была поставлена на божницу и въ ту же ночь «поновилась» т. е. сдѣлалась совершенно новою.

Сказаніе Арсенія икона Селуня града о Іерусалимѣ.

Азъ рабъ божій Арсеній, смиренный инокъ, діаконовъ Селуня града, былъ есмь во Іерусалимѣ градѣ 31 лѣто, видѣлъ есмь Ерусалимъ и вся знаменія іерусалимская, скажу все воистинну предъ Богомъ: первое знаменіе святый Сіонъ, храмъ Господень, церковь велика, сведена на 4 стороны надъ гробомъ Господнимъ и не покрыта церковь, а двери въ ней 12 отъ великахъ дверей, входя въ церковь въ правую сторону гробъ Господень, 12 ступеней; нога, къ nose прикладываются: первое братіе знаменіе. Въ правую сторону отъ гроба Господня 5 сажень пупъ земли: а величество его 3 обоямища около его, подобенъ человекъ пупу; въ лѣвую сторону гроба Господня пропасть, гдѣ Христосъ входилъ во адъ, стоять часъ во всякъ запечатана, только на воскресеніе Христово отпадаютъ печати, а приходитъ патриархъ со діакономъ и сведетъ главу свою и слышутъ шумъ великъ въ пропасти и потомъ обратится ко гробу Господню патриархъ съ поны и со всѣмъ народомъ у гроба Господня, а пропасть за 1¹/₂ сажени. И иное знаменіе сходитъ съ небеси молнія на гробъ Господень, а въ гробъ Господни суть три свѣчи горять что мироносицы поставили ту во гробъ Господни. Суть три свѣта едино аки свѣча горить вторая узрится аки дымъ и третья аки слеза. Въ великій четвертокъ, въ пятокъ, въ субботу на ночь въ третьемъ часу сходитъ съ небеси молнія въ гробъ Господень и зажигающа свѣчи три святны и видѣ патриархъ знаменіе Христово влазять въ гробъ Господень со двумя діаконы и зажигаетъ свѣщу и починетъ пѣти «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ», и потомъ даетъ огня изъ гроба Господня; отъ ногъ камень великъ лежитъ аки яйцо подобіемъ что былъ на гробъ Господни.

По лѣвую сторону отъ гроба лежитъ глава адоваго первороднаго человекъ отъ дверей 32 сажени до главы адамовой, а въ главѣ той церковь, а служба въ ней вседневная а лежитъ взничъ а двери въ главу горломъ а влазять въ нее 20 человекъ а лежитъ въ закрылу церковномъ. Отъ Іерусалима до Внесаніа града гдѣ гробъ лазаревъ 6 миль и до Геесиманія гдѣ гробъ Святой Богородицы 6 миль. Другое знаменіе жидовныя

¹⁾ Пошехонскаго у., Ярославской губ.

ухватилъ за одръ у святыхъ Богородицы а ангель Господень отсѣче ему руке и эта кровь стекла отъ рукъ его и стоятъ близъ гроба Богородицы нарекла и парна кровь. А отъ Іерусалима до Внолсеа 7 миль гдѣ родился Христось первовъ велика Рождество Христово и иное знаменіе въ вертепѣ ижеко капало отъ у св. Богородицы персей Богородицы стоятъ и до сего дни ссѣлося бѣло мятко иное знаменіе гдѣ родился Христось хватила руками за землю святая Богородица ту справа аки рука святыхъ Богородицы а слѣвую страну трава аки крестомъ свися вмѣстѣ а рука сжалася и коли на рождество Христово бываетъ служба начнутъ молити рука ся простреть и крестъ и ижеко святыхъ Богородицы и пара изъ него идетъ и будутъ рука святыхъ Богородицы простерта доколѣ отпоютъ и рука сожметца и крестъ и ижеко ссядетца. Отъ Іерусалима до Елеонской горы 12 миль гора велика и высока велики на горѣ той дресеса масличныя ижеко лѣсу нѣсть на ней а на боку горы тоей отъ Іерусалима гробъ святыхъ Пелагееи гдѣ есть исповѣданіе грѣховъ пришедшихъ ко гробу трижды обонти вокругъ гроба а пойдешь въ третій лежатъ два камня и одинъ камень отскочитъ отъ гроба Пелагееина а человекъ исповѣдываетъ вся грѣхи своя отъ юности. Отъ того мѣста и Іерусалима до Елеонской горы поле есть Ермонъ среди поля есть гора Фаворъ гдѣ преобразися Христось гора велика а лесу на ней нѣтъ стоятъ на ней церковь а служба въ ней вседневная а въ длтари предъ престоломъ стоны Христовы на камени гдѣ стоялъ Христось и до сего дня а въ праздникъ преображенія Христова патриархъ обѣдню соборне поеть равно какъ солидѣ восходить а отпѣвъ побѣжитъ з горы ване какъ отпоеть сходить на гору съ небеси столпъ огненный и молнія огненная. Отъ Іерусалима до скуделнаго села семь милей странныхъ погребеніе коли іюда Іисуса предалъ за тридесять сребренницъ жидомъ и раскаяся и поверже сребро и поверже сребро тѣ же купи село на погребеніе нищихъ. Отъ Іерусалима до Капернаума 20 миль и ту стоялъ Христось на молитвѣ со ученики своими. Отъ Іерусалима до Іордана 20 миль здѣсь Христось крестился св. Іоанна Предтечи и ту камень и на камени томъ знати стоны Христовы а отъ Іордана до дуба маврицкаго гдѣ явися святая Троица Аврааму мила а отъ дуба до святого отца Зосимы мила. Отъ Іордана до града самаріи 30 миль отъ самаріи до студенца іаковлева гдѣ явися Христось женѣ самарянинѣ мила. Отъ іерусалима до дверей затворенныхъ 4 мили когда Христось пришелъ къ дверямъ затвореннымъ и глагола имъ миръ вамъ ту есть стѣна огненная а сбоку стѣны отворены двери а гдѣ ета Христось а тѣ отворены. Отъ іерусалима до силуамли купели 2 мили и до камня иже нарицается слава тебѣ Боже когда шелъ Христось во іерусалимъ и рече ученикомъ своимъ идите во іерусалимъ и обратите человека въ скуделницѣ воду носяще и речете ему уготуйте ми пасху того ради зоветца камень слава тебѣ боже а и дому давидову нѣту силы зрѣти докомъ солнечный день осіяетъ а сія на солнце зрети доколѣ солнце не зайдетъ къ дому давидову нѣту силы дойти огражено страхомъ божиимъ со единыи страны долу асаентовъ а съ другую сторону долу земля трясется нѣту силы приступити а въ дому Давыдовомъ 12 верховъ и ни единого столпу изъ верховъ тѣхъ 4 двери видѣти и богу нашему слава отцу и сыну и святому Духу и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

Сказаніе о преподобной Теодорѣ, ея же память 11 сентября.

Въ одной деревнѣ жилъ крестьянинъ: была у него жена Теодора — женщина, лицомъ красивая, а нравомъ распутная: при мужѣ жила она въ блудѣ со своимъ соседомъ... И захотѣлъ видно Богъ взискать грѣшницу: вдругъ напала на нее тоска, противилъ Теодорѣ соседъ, опостылъ мужъ, надоѣла и прежняя грѣшная жизнь; совѣсть, какъ звѣрь лютой, и днемъ и ночью грызла Теодору. Недалеко отъ Теодориной деревни былъ скитъ женскій, а игумня тамъ была старица святая: много приходило къ ней народу за совѣтомъ и молитвой. Пошла туда же тихонько отъ мужа и Теодора, пришла къ старицѣ, покачалась въ своихъ грѣхахъ и стала просить совѣта. И повелѣла ей старица одѣться мужчиною, идти въ дальній глухой мужской монастырь и тамъ,

среди мужчинъ, спастись въ образѣ мужчины. Послушалась Феодора святой старицы: ушла тихонько отъ мужа остригла свою длинную косу, одѣлась мужичкомъ, назвалась Федорою и пошла въ тотъ дальній монастырь, про который сказала ей старица. А монастырь тотъ стоялъ среди лѣсовъ дремучихъ среди болотъ непроходимыхъ: много было въ нихъ и звѣрья лютаго, и всякаго гада. Ничего не боялась Феодора: долго ли коротко ли она шла, и наконецъ пришла къ тому монастырю, пришла въ сумерки и стала стучать у воротъ. Доложижъ придверникъ игумену, что какой то незнакомый юноша проситъ впустить его въ монастырь, Спросилъ игумень: «чего этому юношѣ нужно?» «Хочетъ принять чинъ ангельскій», отвѣтилъ придверникъ. И захотѣлъ испытать игумень Феодора, не велѣлъ пускать его въ монастырь до зари утренней. Не боялась Феодора ни ночи темной, ни звѣрья лютаго, ни всякаго гада и ночевала у воротъ святой обители. Увидѣлъ игумень послушаніе Феодора и принялъ его въ послушники чернорабочіе. А послушаніе ему далъ—чистить покойныя ямы, да сорныя мѣста въ монастырѣ.

Много лѣтъ несъ Феодоръ это послушаніе со смиренствомъ: никого не было въ монастырѣ кротче, благочестивѣе и смиреннѣе Феодора. Замѣтилъ смиренство Феодора и игумень и началъ его возвышать, и наконецъ, на столько приблизилъ къ себѣ, что довѣрилъ ему закупъ провизіи нужной для монастыря.

Вѣрно и честно проходилъ Феодоръ новое послушаніе.

А покупать провизію приходилось съѣздить въ далекій городъ черезъ лѣса дремучіе, топи, да болота. На дорогѣ жилъ богатый купецъ—щедродатель монастыря. «У этого то купца и останавливался всегда Феодоръ, когда ѣхалъ въ городъ или возвращался изъ города. А у того купца была молодая дочь красивая дѣвица. Дѣвица эта и слюбилась тайкомъ отъ отца съ однимъ молодцемъ, слюбилась, а тамъ заберемиѣла и принесла младенца мальчишка. Разсердился старикъ купецъ и началъ пытать у дочки, кто былъ ея обидчикъ.

Дочь всю вину сложила на неповиннаго ни въ чемъ Феодора.

Взялъ купецъ младенца и тотчасъ поѣхалъ въ монастырь, гдѣ жилъ Феодоръ, пришелъ къ игумену и рассказалъ ему все дѣло. Игумень взялъ младенца себѣ, обѣщалъ наказатъ Феодора, а купца отпустилъ съ миромъ домой.

Созвалъ игумень всю братію монастыря и призвалъ Феодора на судъ. Не оправдывался ни въ чемъ Феодоръ и братія порѣшила, что онъ виноватъ. Тутъ же и порѣшили наказатъ Феодора, какъ можно тяжче, порѣшили закласти Феодора вѣстѣ съ младенцемъ въ пустой каменный чуланъ и черезъ маленькое оконце подавать ему скудную пищу.

Какъ порѣшили, такъ и сдѣлали: заключили Феодора съ младенцемъ въ затворъ, заклали входъ кирпичами, оставили только маленькое оконце, черезъ которое можно было передавать заключеннымъ пищу.

Семь лѣтъ пробылъ Феодоръ въ затворѣ. На восьмомъ году однажды принесъ монахъ ежедневную пищу и увидалъ, что вчерашняя пища лежитъ не тронутой на окнѣ.

Тотчасъ побѣжалъ монахъ къ игумену. Пришелъ игумень съ братією и стали разламывать дверь. Когда вошли они къ заключеннымъ, то увидали, что на полу лежитъ Феодоръ, а на персяхъ у него мертвый младенецъ. Стала братія готовить тѣла для погребенія, стала раздѣвать ихъ для омовенія. Тутъ то всѣ и увидали, что предъ ними не мужчина, а женщина, что предъ ними не грѣшникъ, а праведница.

Сдѣлавъ игумень пышные похороны Феодору, позвалъ на поминки и купца съ дочерью. Во время поминковъ онъ рассказалъ купцу о томъ, что у нихъ случилось въ монастырѣ и что Феодоръ оказался женщиною. Услышала это и дочка купца и тутъ же при всѣхъ покаялась въ томъ, что понапрасну оклеветала праведницу. Былъ на похоронахъ и мужъ Феодоры и призналъ онъ въ Феодорѣ свою жену и рассказалъ онъ всѣмъ ея прежнюю жизнь: и дивились всѣ тому подвигу, какой несла преподобная.

Записано 27 сентября 1889 г. со словъ крестьянки д. Ежора, Давыдковской волости, дѣвицы Марья Васильевой.

А. Балозъ.

Докладъ о поѣздѣ въ Олонецкую губернію лѣтомъ 1892 года.

Весной нынѣшняго года, въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца, я, и. г., получилъ порученіе отъ Императорскаго Географическаго Общества—завѣстовать во время лѣтнихъ каникулъ собраніемъ матеріаловъ по этнографіи корельскаго края. Такое предположеніе общества какъ разъ совпало съ моимъ искреннимъ желаніемъ поработать, что-нибудь сдѣлать полезное корельскому родному краю. Въ первый числахъ іюня я уже былъ въ Святозерѣ, корельскомъ селѣ Петрозаводскаго уѣзда, и съ охотою принялся за работу,—наблюдая за всѣми сторонами жизни кореляка. Жизнь кореляка, не смотря на усиливающееся съ каждымъ годомъ вліяніе сосѣдей—русскихъ, до сихъ поръ представляетъ еще очень много оригинальнаго, своеобразнаго, такого, что присуще только ей одной. Особенно много этого оригинальнаго въ тѣхъ обрядахъ и обычаяхъ, которыми обставляются важнѣйшіе моменты въ жизни кореляка: въ обрядахъ свадебныхъ, погребальныхъ, крестильныхъ и др.

Свадьбы въ корелѣ происходятъ большею частью или осенью—до Филипова поста, или въ Рождественскомъ межговѣннѣ. Выборъ такого времени—полнѣй понятенъ. Относительная свобода отъ работъ и домашнихъ занятій, нѣкоторая зажиточность крестьянъ въ это время—все это обуславливаетъ выборъ такого времени для заключенія браковъ.—Колдуны и колдуньи на корельской свадьбѣ занимаютъ первое мѣсто. Съ колдуньей невѣста ходитъ въ баню, колдунья одѣваетъ ее къ вѣнцу; и какихъ только, какихъ наговоровъ и суженныхъ обрядовъ не совершается при этомъ!?... Вода, которой умывается въ банѣ невѣста, идетъ на приготовленіе тѣста, изъ котораго потомъ пекутся пироги для жениха; невѣста одѣвается къ вѣнцу въ чуланѣ и стоитъ при этомъ на разостланной овечьей шкурѣ мѣхомъ вверхъ, на пилѣ и наточенномъ топорѣ. При входѣ въ церковь, у нея поднимаются подола платья чуть ли не до коленъ, чтобы они какъ-нибудь не коснулись церковнаго порога (чтобы отъ этого у невѣсты не было чирьевъ на тѣлѣ). Стоя подъ вѣнцемъ, она держитъ межъ грудями пироги, которые потомъ съѣдаетъ въ мужниномъ домѣ, чтобы не скучать, не тосковать по родителямъ. Въ домѣ жениха, послѣ вѣчанія, сажаютъ молодыхъ на печку и кормятъ брусничкой или молокомъ.

Много такихъ же суевѣрныхъ обрядовъ совершается и при погребеніи и крещеніи. Въ гробѣ для мертвеца прорѣзывается отверстие, вставляется стекло и дѣлается что-то въ родѣ маленькаго окошечка; въ наголовье покойника кладутъ вѣничные листья и стружки; въ могильную яму, прежде чѣмъ опустить гробъ, бросаютъ монету—откупаютъ землю. Въ сороковой день послѣ погребенія—«мустайжедь»—устраивается по покойникѣ «веро»—поминальный обѣдъ. Священнослужителей, идущихъ на обѣдъ, встрѣчаютъ съ подушкой на головѣ и на печкѣ, въ домѣ, пощипываютъ для покойника цѣлыми груды пироговъ. Въ отворенное окно опускаютъ конецъ полотенца и тѣмъ устраиваютъ путь для умершаго.

При совершеніи таинства крещенія, родители крещаемого не присутствуютъ въ общей комнатѣ, чтобы дитя отъ этого не стало плакать по ночамъ; при погруженіи въ купель младенца, обращаютъ вниманіе на положеніе его тѣла: протянутыя ноги къ смерти, поджатые и нѣсколько скорченныя къ жизни. Отрѣзанная пуповина прячется въ такое мѣсто, гдѣ ее никто не увидѣлъ бы возможности пошевелить; «лйкутидъ лалсанѣ нябанъ, разсуждаетъ корелякъ. лйкутидъ һанәнъ миеленъ»—«крянулъ пуповину младенца—крянулъ его умъ, сдѣлалъ его навѣкъ сумасшедшимъ».

И въ повседневной жизни кореляка есть много любопытнаго, заслуживающаго вниманія. Утромъ корелякъ встаетъ часа 2—3 и первымъ дѣломъ, по пробужденіи, съѣдаетъ часть муки или кусочекъ хлѣба. «Зачѣмъ это дѣлаешь, Пекко?» спрашиваю я одного такого крестьянина: «Привычка что ли у тебя такая?»—Нѣтъ не привычка, а это средство обезопасить себя отъ дѣйствій «паһалайна»—дьявола; безъ «кюһаллядъ»—безъ предварительнаго принятія пищи опасно выходить на воздухъ—«силмалъ»; «паһалайна» можетъ послать болѣзнь «кненъ». Отправился корелякъ рыбу удить въ ламбу (лѣсное озеро) — замѣтили его сосѣди, не быть удачѣ. Попылъ изъ лѣснаго колодца

воды, подумалъ тутъ же что-нибудь недоброе—глядишь и нажилъ себѣ зобъ на шею или боль въ желудкѣ. Забудился вечеромъ въ лѣсу, идя домой, пропуталъ дня два, три,—на «худыхъ слѣдахъ» былъ (папуойла даялпль), на слѣдахъ «метчѣлѣйна»—лѣсовника. Купался въ лѣсномъ озерѣ, забрелъ на глубину, едва не утонулъ—всѣмъ рассказываетъ, что у водяника въ «кюбрахъ» — пяти былъ, ощущалъ его холодное шерстватое тѣло и ясно видѣлъ его, какъ видитъ теперь своихъ сосѣдей.

Забогѣла корова, опаршивѣла отъ худой, голодной пищи—«муа-хардй»—дворовый не влюбилъ; вездѣ у него суевѣрная подкладка, всюду привнесене элемента нечистой силы: кѣнно, папалайна, метчѣлѣйна, ведѣйна, муа-хардй.

Самая молодежь корельская и всѣ ея удовольствія какъ-то отличны отъ забавъ молодежи русскихъ селъ и деревень. Какая-то вялость, холодность, постоянная застѣнчивость—отличительныя черты корельскихъ парней и дѣвушекъ. Вы не услышите отъ нихъ ни разудалой пѣсни, остроумной шутки и веселыхъ прибаутокъ; никогда не увидите у нихъ ухарской бойкой кадрили и жаркаго выраженія взаимныхъ чувствъ. Какъ-то все дѣлается у нихъ сосредоточенно-холодно, методически-размѣренно... Самое веселое время для корельской молодежи—это святки, масляница и «вѣндйбѣдъ»¹⁾—время отъ Иванова дня до Петрова дня. Святки для нея время желанное, съ нетерпѣннѣмъ ожидаемое чуть ли не съ самой осени. На канунѣ Рождества начинаются святочные гаданья. Собирается компанія парней и дѣвушекъ, дѣлаетъ въ складчину «пряженне» пироги и, закусивъ ими, идутъ слушать «сѣндйдъ»; слушаютъ подъ окнами домовъ, на перекресткахъ дорогъ, на церковномъ крыльцѣ, на кладбищѣ, въ ригахъ и баняхъ. Вотъ въ морозную лунную ночь крадется группа молодежи за село, на перекрестокъ дорогъ. Всѣ соблюдаютъ строжайшее молчаніе, боясь смѣхомъ и говоромъ оскорбить «великаго сѣндй». Отыскали мѣсто, очертились сквородникомъ, стали спиными другъ къ другу и внимательно слушаютъ. Изъ села несутся далекіе, неясные звуки: то тихо звякнетъ колокольчикъ, то залаетъ собака, то расходившійся дѣдушка—морозъ щелкнетъ въ уголъ крестьянской избы;—все это суевѣрно-настроенными слушателями объясняется по своему: болѣзненной Огуой (Агафѣй) слышалось тѣсанье досокъ—значить умирать ей въ эту зиму; Маччи (Матоей), здоровенный дѣтина 21 года, слышалъ ружейные выстрѣлы—не миновать ему тяжелой солдатской службы; Катти (Катерина) слышала звонъ колокольчиковъ—скоро, должно быть, будутъ къ ней женихи...

Способовъ узнать своего суженаго—существуетъ очень много: дѣвушки одѣваютъ въ полночь на шею хомутъ, садятся подъ столъ и ждутъ своего будущаго жениха; ложатся на печку съ зеркаломъ въ рукахъ, запираютъ на всю ночь косу на замокъ, мѣряютъ сапогомъ полъ, ходятъ съ лучиной на прорубь, мочатъ еѣ тамъ и потомъ, придя въ избу, зажигаютъ... и многое множество—другихъ средствъ и способовъ. Маскированье и «бесѣда» (ѣ—слѣдуетъ произносить какъ ё) усиливаютъ святочное веселье. Вывороченная на изнанку шуба или рваный кафтанъ, большіе, стоптанные катанцы или сапоги-кеньги и опущенный на глаза платокъ—вотъ и весь незамысловатый костюмъ кореляка «смуута». Вечеръ до поздней ночи проводится на бесѣдѣ: здѣсь танцуютъ—кадриль, лансье, совдино-чоука, а въ старину—шина и касарейку: пѣсни поются исключительно русскія, но такъ исковерканныя, что трудно было бы уловить въ нихъ какой-нибудь смыслъ или значеніе: «доцумери, доцумери—показался день малинь, день малина—коротина, на одинъ часочикъ; теперь моды при часахъ, котикова шапки... Мена милой не узналъ прямо доктору послалъ; докторъ улица дѣвица стала спрашивать; танцы—пляски на калаяски буду радость веселить я глазаленькой, голосокъ—соловей, изъ себе картина...»

Время «вѣндйбѣдъ»—дорогое время для женскаго пола и въ особенности для дѣвушекъ. Въ это время корельскія бабы приносятъ изъ лѣсу вересъ и ольховые листья для паренья молочныхъ горшковъ, ломаютъ березовыя вѣтви для вѣнниковъ и собираютъ цѣлебныя травы и цвѣты. Аптека кореляка—не богата медикаментами и приспособлена

¹⁾ ъ какъ франц. и, а не какъ русск. ю.

для дѣченія самыхъ простыхъ—«мужницкихъ» болѣзней: «равдэ-нейнэ»—останавливаетъ кровь при урѣзахъ; «урчой-нейнэ»—годится при разстройствѣ желудка; «кувки-лехти»—отъ чесотки, «айлазэ-нейнэ»—отъ колотья и друг... Но особенно, говорю, дорого время «вѣядуойдэ» для дѣвушекъ. На канунъ Иванова дня онѣ идутъ въ лѣсъ и кладутъ въ ржанья поля—полотенце, мыло и серебрянную монету. Въ ночь на Петровъ день все это берется обратно и становится прекраснѣйшѣмъ средствомъ—«постай лемби»—пустить о себѣ въ народѣ хорошую молву,—поправиться любому парню. При умываніи—монету опускаютъ въ воду, и дѣвушка моется тѣмъ мыломъ, утирается тѣмъ полотенцемъ, которыя лежали все время «вѣядуойдэ» въ полѣ. — Чтобы пустить «лемби»—существуетъ еще другое средство—это купанье во ржи. Представьте себѣ теплую июньскую ночь, съ нѣжнымъ запахомъ распутившихся цвѣтковъ; въ полѣ, въ росистой ржи, какъ вьсалаки, прыгаютъ, свачутъ, валяются—дѣвушки, совершенно нагія... Куда дѣвались ихъ постоянная застѣчивость и стыдливость, заставляющія нервѣдо краснѣть ихъ до корней волосъ?!. Все забыто, лишь бы «лемби-постай»—пустить хорошую молву...

Такова въ краткихъ чертахъ жизнь кореляка съ его горемъ и радостью, печалью и весельемъ... И она-то служила мнѣ предметомъ наблюденій. Я записывалъ все, что только замѣчалъ въ ней—любопытнаго и оригинальнаго: въ обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ и рѣчи,—записывалъ частію, наблюдая непосредственно самъ за жизнью кореля, а частію и по рассказамъ стариковъ и старухъ-разсказчицъ. Такъ, въ Святозерѣ, при помощи такой старушки, я съ подробностями записалъ свадебные обычай съ причитаньями, погребальные обряды, обряды «мустайжедэ»,—т. е. сороковаго поминальнаго дня, и нѣсколько способовъ—присунуть парня къ дѣвкѣ. Въ среднихъ числахъ іюня я вышелъ изъ Святозера и направился на сѣверо-западъ Петрозаводскаго уѣзда, по направленію къ Финляндіи. Въ селѣ Пряжѣ (Петрозаводскаго уѣз.) мало нашелъ заслуживающаго вниманія. Это село, не смотря на большое число жителей, почти лишено своего оригинальнаго, собственно-корельскаго: здѣсь нѣтъ ни сказочниковъ, ни старухъ-причитальницъ, не сохранилось ни старинныхъ національныхъ корельскихъ обычаевъ,—все постепенно замѣнено «мѣщанскимъ», вульгарно-русскимъ, идущимъ широкимъ теченіемъ изъ Петрозаводска... Самый говоръ Пряжинцевъ—особый говоръ, отличающійся отъ рѣчи другихъ кореляковъ, и сильно испещренный русскими словами (церковъ—черковъ; крыша—кровля...)... Эта особенность говора дала мнѣ поводъ—обратить вниманіе на рѣчь кореляковъ,—и отчасти послужила побужденіемъ—составить словарь корельскаго языка... Въ Сяозерѣ (Saämjärwi)—побывалъ на «руочниъ-саари» и осматрѣлъ шведскую могилу; выслушалъ нѣсколько сказокъ отъ мѣстныхъ жителей и записалъ десятокъ—другой корельскихъ загадокъ. Пребываніе въ деревнѣ Проккойла—было нѣсколько удачнѣе. Одна мѣстная крестьянка рассказала мнѣ обо всѣхъ обрядахъ—свадебныхъ и погребальныхъ, которые, впрочемъ, ничѣмъ не отличаются отъ Святозерскихъ; пропѣлъ «голосомъ» нѣсколько свадебныхъ причитаній, сказала сказку и сообщила нѣсколько загадокъ и пословицъ. Въ с. Вешкелицахъ (вези-кюля), находящемся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ финской границы, замѣтно уже вліяніе Финляндіи. Здѣсь нѣтъ уже такихъ кучныхъ селъ, какія встрѣчаются въ восточной и сѣверо-восточной корелѣ, каждые два три домика стоятъ наединѣ и составляютъ деревню съ особымъ именемъ (Ахпой-Микки, Лёбйно). Говоръ здѣсь болѣе или менѣе—чисто корельскій, безъ замѣтной примѣси словъ русскихъ; встрѣчаются только иногда слова финскія. Одежда мѣстныхъ жителей очень похожа на финскую. Визитка изъ сѣрой домо-тканной шерстяной матеріи; у каждаго на ремнѣ ножъ въ кожаныхъ ножнахъ, и частенько встрѣчается—рубашка, заправленная въ брюки. Мое пребываніе въ Вешкелицахъ совпало съ временемъ «вѣядуойдэ». При содѣйствіи мѣстнаго учителя (М. А. Никольскаго) я узналъ отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ жителей—какъ проводится здѣсь молодежью это время, какіе существуютъ способы «постай лемби»—пустить въ людяхъ хорошую молву, познакомился съ нѣкоторыми святочными гаданьями и выслушалъ нѣсколько рассказовъ о «паганъ нэнэ» — о дѣйствіяхъ нечистой силы...

Изъ Вешкелицъ мой путь лежалъ обратно въ Святозеро, чрезъ Салменицы (Салмень-нишка). Въ с. Салменицахъ я не засталъ почти никого дома: весь народъ, даже

старые и малые—были въ лёсу, работали на пожняхъ. Къ моему счастью, у мѣстнаго священника оказалась служанкой—одна бойкая старушка изъ мѣстныхъ крестьянокъ, и она то мнѣ сообщала полсотни однихъ загадокъ и нѣсколько примѣтъ и наговоровъ на счетъ домашнего скота. Дорогой въ Святозеро и зашелъ въ одну небольшую деревеньку Киндязь-Рукавица. Почему-то жители этой деревни служатъ предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ сосѣдей-кореляковъ; о нихъ ходитъ много всякихъ анекдотовъ, напоминающихъ отчасти пошехонскіе рассказы. Былъ, рассказываютъ, одинъ киндасовецъ на охотѣ; приходитъ домой и говоритъ своимъ семейнымъ, что въ «куопѣ»—ямѣ, куда на зиму кладутъ рѣпу, видѣлъ сто зайцевъ.—«Полно врать, замѣчаютъ ему родственники, откуда взялось такое множество зайцевъ...?»—Ну не сто, такъ 50 да все таки было... «А откуда 50-то, да еще и въ «куопѣ?»—Ну, не 50—такъ десять хоть было...»—«Ну да и то очень сомнительно...»—Ну, если не десять,—такъ одинъ хоть да былъ... «Да былъ ли хоть одинъ-то...?»—Такъ что-же тогда шуршало въ ямѣ?...

Или еще другой рассказъ: Наступаетъ праздникъ Крещенія Господня—Ведернста. Киндасовцы въ прежніе годы на этотъ праздникъ постоянно ходили на своей погостъ—въ Пряжу, а тутъ почему-то вдумали устроить Иорданъ у себя дома: «не пойдемте, братцы, на Иорданъ въ Пряжу, разсуждаютъ киндасовцы на канунѣ праздника, не стоитъ ходить туда; рѣка у насъ есть своя, иконъ въ часовнѣ много, такой можно Иорданъ смасгерить, что любо...» Покричали, потолковали, и всѣ согласились устроить Иорданъ дома. На другой день, въ самый праздникъ Крещеня, рано утромъ сдѣлали на рѣкѣ большую прорубь, и торжественно съ иконами на груди народъ повалилъ изъ часовни на Иорданъ. Морозъ былъ въ тотъ день трескучій; руки мерзли даже въ рукавицахъ. Вотъ одинъ крестьянинъ держитъ на груди большую икону «пѣһа Ведой»—св. Введеніе... Руки у него отъ холода посинѣли, оконечія, и самъ онъ не чувствуетъ, какъ икона постепенно соскальзываетъ, соскальзываетъ и, наконецъ, буд-тыхнулась въ Иорданъ... Сильнымъ теченіемъ рѣки икону тотчасъ-же подхватило и унесло подъ ледъ. Между киндасовцами началась тревога: ахъ «июнню суугъ»—*repis in os «пѣһа-Ведой»* въ воду пала!. Притащили изъ деревни неводъ, запустили его по теченію ниже Иорданской проруби, вытащили—глядятъ кусокъ льду... «Да это должно быть и есть «пѣһа-Ведой»—сдогадались киндасовцы и торжественно понесли льдину на печку въ домъ часовеннаго старосты: пока обѣдаемъ, молъ, «пѣһа-Ведой» тѣтъ вреенемъ на печкѣ и отгадетъ... Сидятъ киндасовцы обѣдаютъ, ѣдятъ праздничные пироги... «А подяка ты, Микко, посмотри, что «пѣһа-Ведой» дѣлаетъ на печкѣ», посылаютъ одного изъ своихъ товарищей справиться на счетъ иконы. Микко поднимается изъ-за стола, лѣзетъ на печку и оттуда съ священнымъ трепетомъ сообщаетъ: «А, «июнню суугъ»—*repis in os «пѣһа-Ведой»* то, братцы, сбѣжала, только мочи немножко на печку брызнула»...

По возвращеніи въ Святозеро, чрезъ нѣсколько времени я снова отправился въ путь—по направленію къ Олонцу... Дошелъ до Кескозера (Кескуой-Ярви) и, по случаю болѣзни, долженъ былъ возвратиться обратно въ Святозеро... Въ Кескозерѣ мнѣ случилось видѣть раздѣлъ братьевъ. Раздѣлъ былъ полюбовный и происходилъ мирно, безъ крика и спору, безъ присутствія сельскихъ властей. Старшій братъ, широкобородый, плечистый мужикъ принесъ изъ «перги-айтэ»—домоваго чулана (въ отличіе отъ «пелдо-айтэ»—чуланъ на полѣ) ржаной хлѣбъ, положилъ его на столъ, засвѣтилъ восковую свѣчу предъ иконами,—и оба брата съ семьями стали на молигву. Потомъ, послѣ молитвы, братья поцѣловались, и старшій, отрѣзавъ ножомъ половину хлѣба, отдалъ её брату... И затѣмъ начался самый раздѣлъ итѣнія: старшій братъ взялъ избу, а младшій «связи», т. е. дворъ и сарай: зерновой хлѣбъ, скотъ, поля,—все пошло по-поламъ.

Въ заключеніе скажу вкратцѣ о результатахъ моихъ наблюденій за жизнью кореляка, подведу, такъ сказать, итогъ моей лѣтней работѣ.—Мною подробно описаны обряды корельской свадьбы и приложены свадебныя причтанія въ двухъ текстахъ (корельск. и русск.); описаны обряды погребальныя и приложены отрывки изъ причтаній. Собрано больше полтораста загадокъ и пословицъ, и изложены онѣ въ двухъ

текстахъ. Сдѣлано описаніе времени «віандуойдъ» и корельскихъ святокъ со всіми гаданьями, пригѣтами, ворожбами и увеселеніями этого времени; указаны въ краткомъ очеркѣ воззрѣнія и взгляды кореляковъ на нечистую силу: папа, мечѣаййна, ведѣйна, и муа-гардїй; записано нѣсколько сказокъ и легендъ, и, наконецъ, начато составленіе русско-корельскаго словаря.

Сознаюсь предъ вами, м. гг., что я не сдѣлалъ того, что мечталъ сдѣлать, уѣзжая изъ Петербурга въ Корелу... И причиной того было, во 1-хъ лѣтнее время, неудобное для собиранія этнографическихъ матеріаловъ,—время, когда народъ цѣлыми днями бываетъ въ лѣсу на работѣ и не имѣетъ никакой охоты рассказывать сказки, загадки, сообщать о своихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ,—заниматься, по его выраженію, «пустяками». Во 2-хъ, скрытность и недоувѣрчивость кореляка, съ какими онъ встрѣчаетъ всякаго, не принадлежащаго къ числу его односельчанъ, и въ третьихъ, наконецъ, моя неопытность и нѣкоторая, пожалуй, неумѣлость взяться за этотъ трудъ, какъ слѣдуетъ. Собираніе матеріаловъ по этнографіи корельскаго края Олонецкой губерніи—было для меня первымъ опытомъ въ занятіяхъ этого рода,—это были, такъ сказать, мои первые, еще неумѣлые шаги, а потому я въ правѣ, м. гг., разсчитывать у васъ на полное ваше снисхожденіе... Если же случится мнѣ снова побывать въ Корелѣ, то я надѣюсь, что, взявшись за трудъ собиранія матеріаловъ уже съ нѣкоторымъ запасомъ опытности, я исполню его болѣе удовлетворительно и съ большимъ успѣхомъ для себя...

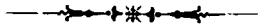
Н. Лысковъ.

Latwju dainas.

Извѣстный латышскій этнографъ Хр. Е. Баронъ и членъ Литовско-Латышской Комиссіи при Этнографическомъ Отдѣленіи Импер. Русск. Геогр. Общ. Г. А. Виссендорфъ приступаютъ въ скоромъ будущемъ къ изданію обширнаго, единственнаго въ своемъ родѣ сборника латышскихъ народныхъ пѣсень подъ вышеозначеннымъ заглавіемъ. Съ помощью жѣстныхъ любителей лат. народнаго творчества собраны обширные матеріалы вопервыхъ гг. Бривземніаксомъ и Барономъ, затѣмъ ученою Комиссіею при Рижскомъ Латышскомъ Обществѣ, Литературнымъ Отдѣленіемъ при Митавскомъ Латышскомъ Обществѣ и Г. А. Виссендорфомъ. Въ сборникъ войдетъ около 20.000 пѣсень и около 60.000 варіантовъ. Сборникъ будетъ выходить выпусками въ 6 печатныхъ листовъ каждый. Печатается этотъ сборникъ Митавскимъ издателемъ І. Я. Дравинъ-Дравніакомъ, извѣстнымъ своими образцовыми и общепольными изданіями.

Отъ Ред. Четвертая книга Ж. Стар. за 1893 г. и первая книга Ж. Стар. за 1894 г. набираются и приблизительно выйдутъ одновременно.

Во 2 кн. Ж. Ст. 1893 г. въ статьѣ проф. Уленбока (Отд. I, стр. 178—210) вкрались слѣд. опечатки: стр. 180 напеч. Yuddhishthira слѣд. чит. Yudhishthira, стр. 185 напеч. его т у п ы м ъ мечемъ слѣд. чит. его б ѣ х ы м ъ мечемъ, стр. 192 напеч. Winkel слѣд. чит. Те Winkel, стр. 209, 210 напеч. у слѣд. ij.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЖИВАЯ СТАРИНА,

періодическое изданіе Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества четвертый годъ свой начнетъ съ конца Января 1894 г. и будетъ выходить четыре раза въ годъ книжками отъ 7—8 до 9—10 листовъ прежняго формата въ большую 8-ку. Подписная цѣна зачетыре выпуска въ годъ: въ С.-Петербургѣ (съ доставкою)—5 р., въ другіе города Имперіи—5 р. 50 к. и за границу—6 р.

Подписывающіеся на 4 года за разъ съ доставкою въ Петербургѣ платятъ—14 р., въ прочихъ городахъ Имперіи—15 р., за границую—16 р.

Подписка принимается въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ обществѣ, въ редакціи, „Живой Старины“ (СПБ. у Чернышева моста).
